

С. РАМЕШОВА

СТРАНА ЗОЛОТЫХ ПАГОД

**«МЫСЛЬ»
МОСКВА • 1987**

ББК 26.89 (5 Би)
Р21

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**Stanislava Ramesova
ZEME ZLATUCH PAGOD
PRAHA, 1980**

Авторизованный перевод с чешского Е. В. Сумленовой и Г. В. Шевалева
Печатается с некоторыми сокращениями
Предисловие кандидата исторических наук С. А. Симакина
Фотографии Е. В. Сумленовой

Р 1905040000-019 165-87
004(01)-87

© Перевод с чешского. Предисловие. Оформление. Издательство «Мысль», 1987

Рамешова С.

Р 21 Страна золотых пагод/Пер. с чеш. с сокр. Е. В. Сумленовой и Г. В. Шевалева; Предисл. С. А. Симакина.— М.: Мысль, 1987.— 188с., 24 л. ил., 1 л. карт. 1 р. 90 к.

Книга Станиславы Рамешовой рисует картины быта и жизни бирманцев, знакомит с духовной и материальной культурой народов, населяющих эту страну, дает представление о природе и хозяйстве Бирмы.

Деликатно, с чувством такта автор описывает местные обычаи и традиции, не всегда понятные европейцу. Книга сопровождается предисловием и комментариями советского ученого-бирманиста.

Хорошо иллюстрирована. Для широкого круга читателей.

OCR – Aspar, 2010.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	—3
ОТ АВТОРА	—19
I	
ВХОДНЫЕ ВОРОТА БИРМЫ	—20
II	
«КАМЕШКИ» В МОЗАИКЕ	— 55
III	
ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ВОСТОКА	—84
IV	
КТО СОСЧИТАЕТ, СКОЛЬКО В БИРМЕ ПАГОД?	— 102
V	
СУЕВЕРИЯ В ТЕНИ ПАГОД	—111
VI	
РОЖДЕННЫЕ ДЛЯ ПРАЗДНИКОВ	— 131
VII	
РАНГУН ЕЩЕ НЕ ВСЯ БИРМА	— 146
VIII	
МЕЖДУ 10 И 28° СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ И 92 И 101° ВОСТОЧНОЙ ДОЛГОТЫ	— 159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга С. Рамешовой «Страна золотых пагод» приглашает нас совершить увлекательное путешествие в Бирму — одно из крупных, но сравнительно малоизвестных широкому читателю государств полуострова Индокитай.

Расположенная на стыке двух регионов — Южной и Юго-Восточной Азии, эта страна, как ни удивительно, до сих пор не обрела в ученых и политических кругах однозначной географической «прописки»: в этническом отношении бирманцы более близки соседним «восточным» народам Индокитая, а в историческом и социально-политическом плане у них много общего с южноазиатскими соседями — Индией и Шри

Ланкой. Отчасти поэтому в различных источниках Бирма относится то к Южной, то к Юго-Восточной Азии. Разумеется, за такими расхождениями можно усмотреть и противоречивые интересы некоторых капиталистических государств. Например, японцы, заинтересованные в богатейших природных ресурсах Бирмы, считают ее государством Юго-Восточной Азии, стремясь представить Бирму «естественным союзником» группировки АСЕАН. А, скажем, Бангладеш и Пакистан, проводящие в жизнь идею Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества (САРК), наоборот, хотели бы видеть Бирму своим географическим соседом и единомышленником и поэтому относят эту страну к Южной Азии.

Беглый экскурс в прошлое Бирмы выявляет не менее пеструю картину. В период становления ее государственности, на заре средневековья, Китай считал эти земли южной провинцией своей «Великой империи»; во времена колониальных завоеваний англичане объявили Бирму одним из восточных штатов Индии; в ходе второй мировой войны японцы включили ее в свою «Восточную сферу сопроцветания»...

Можно представить, какое облегчение испытал бирманский народ, когда после обретения независимости в 1948 году он наконец стал принадлежать самому себе. Это положение, однако, не устраивало бывшие метрополии, которые, используя навязанную Бирме роль аграрного придатка мирового капиталистического хозяйства и ее сохраняющуюся принадлежность к так называемой стерлинговой зоне, повели экономическое наступление на молодую республику. Существовавший в стране и хорошо знакомый им механизм многопартийной парламентской демократии западные реакционеры стремились поставить на службу своим классовым союзникам — местным буржуазно-помещичьим элементам, расшатывали правящую коалицию премьер-министра У Ну, провоцировали раскол левых сил, поощряли рост сепаратистских тенденций среди национальных меньшинств (араканцев, качинов, шанов, каренов, монов и др.).

Драматизм ситуации усугубляло то обстоятельство, что национально освободительное движение в Бирме пришло к своей победе обезглавленным. За несколько месяцев до предоставления Бирме независимости наемники реакции злодейски убили выдающегося борца за свободу и единство бирманского народа, вождя революционных демократов генерала Аун Сана и шестерых его сподвижников. Страна лишилась своего признанного лидера и идейного вдохновителя. В последующие годы внешнее империалистическое давление и внутренние противоречия набирали силу, подобно снежной лавине. Разобщенное и нестабильное политическое руководство страны оказалось неспособным контролировать развитие событий. В Бирме воцарился политический хаос, началась гражданская война, обострился экономический кризис. Республика была на грани раскола.

В этих условиях единственной организованной силой, способной восстановить относительный порядок и принять меры по защите единства, оказалась армия и ее высшее командование во главе с генералом Не Вином, которое в марте 1962 года взяло власть в свои руки, сформировало Революционный совет, учредило однопартийную систему, объявив о создании Партии бирманской социалистической программы (ПБСП), и выступило со своей политической программой «Бирманский путь к социализму». В короткие сроки был сломан прежний государственный аппарат, проведена широкая национализация иностранной и местной частной собственности, а также всей внешней торговли; государственный сектор был объявлен основой социалистической экономики, а ее движущей силой — союз свободных от эксплуатации крестьян и других трудящихся масс. Глубокие реформы затронули практически все социальные сферы. Религия (в первую очередь буддизм) была отделена от государства, осуществлена секуляризация образования и науки, запрещены частные английские школы и т. д. Последовавшая за этим постепенная демократизация общественной жизни на новой политической основе получила юридическое закрепление в Конституции Социалистической Республики Бирманский Союз (СРБС), принятой в 1974 году.

Враги независимой Бирмы и ее прогрессивных идеалов не ожидали таких решительных действий и радикальных преобразований со стороны Революционного совета. Капиталистический мир объявил Бирму «опасным очагом социализма» и фактически бойкотировал новые порядки в стране. Как только не клеймили их на Западе, предрекая «антигуманной военно-бюрократической диктатуре скорую экономическую стагнацию и полное фиаско»!

Международное положение Бирмы еще более осложнилось после развязывания в КНР «культурной революции», которая предала анафеме «фашистскую клику Не Вина», возродила средневековые территориальные притязания Китая на земли «южных варваров» вплоть до островов Индонезии, взяла на свое попечение бирманское антиправительственное подполье.

В эту трудную пору с особой наглядностью проявилась действенность помощи Советского Союза и других социалистических стран, которые с первых дней независимости Бирмы протянули ей руку бескорыстной дружбы и равноправного партнерства. По различным программам экономического сотрудничества, торгового и культурного обмена в этой далекой тропической стране побывало много советских специалистов, которые не только оказывали бирманцам конкретное содействие в строительстве новой жизни, но и стремились постичь открывшийся им неведомый мир богатой и самобытной культуры, ведь в те годы о Бирме было известно крайне мало.

После начала английской колониальной кампании на заре XIX века и вплоть до конца 40-х годов XX века русские ученые и путешественники почти не имели доступа в эти края. А редкие публикации буржуазных исследователей, главным образом из числа чиновников английской колониальной администрации, носили сугубо академический либо узкопотребительский характер и отнюдь не преследовали цели популяризировать культурные достижения поработанного народа. Сами же бирманцы, вынужденные в условиях колониализма почти полтора столетия бороться за элементарное выживание и наученные горьким опытом иностранного вмешательства, очень осторожно подходили к вопросам допуска в свою страну зарубежных ученых и туристов. Они и сейчас не спешат широко пропагандировать свои культурно-исторические ценности и природные богатства, не кичатся «восточной экзотикой». Вследствие всего этого Бирма долгое время оставалась как бы в тени мировой известности других стран Востока. Так, на рекламных проспектах многотиражных изданий нередко можно встретить фотографии цейлонских и тайских пагод, но мало кто знает знаменитейшую бирманскую пагоду Шведагон. Всемирно известны индийские храмы, а много ли писалось об их близнецах в Бирме? Не всегда в перечне восточных цивилизаций упоминается Паган — первая бирманская империя, величественные памятники которой могут смело конкурировать с лучшими образцами сиамской и кхмерской культуры начала новой эры. Отражено ли в справочнике мировых достижений, что высеченный в мраморе полный текст буддийского священного писания в окрестностях бывшей бирманской столицы города Мандалая — единственное на земле творение такого рода?

Первые впечатления советских людей от встреч с богатой и самобытной культурой Бирмы, с ее доброжелательным и гостеприимным народом побудили многих из них взяться за перо. Кстати, первый репортаж из Бирмы тоже назывался «Страна золотых пагод», и его автором тоже была женщина, известная советская журналистка Ольга Четкина. Но ведущее место среди современных популяризаторов бирманистики, несомненно, принадлежит известному ученому и талантливому писателю И. В. Можейко, который по существу заново открыл Бирму советскому читателю и проложил путь дальнейшим исследованиям в этой области.

Большой вклад в дело научного освоения бирманской проблематики внесли такие представители отечественного востоковедения, как А. Н. Узянов, В. Ф. Васильев, А. С. Кауфман и др. Полезную страноведческую информацию содержит созданный

коллективом авторов и недавно выпущенный издательством «Наука» справочник «Бирма».

И вот перед нами новая публикация на эту интересную и отнюдь не исчерпанную тему. Как уже говорилось, рука об руку с советскими людьми в Бирме работали специалисты из многих социалистических стран, в том числе из Чехословакии. Следует отметить, что сегодня ЧССР занимает ведущее место в социалистическом содружестве по уровню деловых связей с бирманскими государственными корпорациями. И было бы просто удивительно, если бы среди многочисленных чехословацких представителей не нашлось энтузиаста, взявшего на себя благородную миссию рассказать своим соотечественникам об этой самобытной стране. Таковой оказалась С. Рамешова, написавшая книгу «Страна золотых пагод», изданную в Праге. Перевод этой книги на русский язык и выносится на суд наших читателей.

Своеобразие данной публикации в том, что ее автор не востоковед, но, оказавшись в силу служебной необходимости на бирманской земле, стремится познать новый окружающий мир с позиций непредвзятого, доброжелательного наблюдателя и одновременно поделиться с широкой читательской аудиторией богатой гаммой чувств и откровений от встреч с этим миром. При этом в поле зрения автора зачастую оказываются такие детали местного колорита, которые неизбежно выпадают из целевых профессиональных исследований, но без которых наши представления о Бирме были бы неполными.

Пестрая палитра этюдов-зарисовок современной бирманской действительности, которую дает С. Рамешова, обладает не только общей просветительской ценностью, но может оказаться полезной и в этнографических исследованиях. Вместе с автором мы оказываемся на раскаленных улицах бирманской столицы — Рангуна, на его шумных изобильных рынках, среди приветливых и общительных бирманцев, в их семьях; присматриваемся к их трапезе, национальным костюмам, традициям взаимоотношений, окружающей их богатой фауне и флоре; совершаем поездки по историческим местам, крупным населенным пунктам и патриархальным деревенским окраинам, осматриваем величественные культурные памятники в столице и за ее пределами, узнаем о еще не оцененных человечеством новых «чудесах света».

Не ставя перед собой задачу глубокого анализа текущих проблем бирманского общества, С. Рамешова, однако, занимает позицию, далекую от пассивного туристского созерцания. Впервые открывая для себя Бирму, она пылливо стремится проникнуть «за кулисы» внешних восприятий, пытается осмыслить мельчайшие подробности повседневного быта бирманцев, выявить его социально-историческую подоплеку. Для этого она привлекает материалы научных исследований западных и местных авторов, идет за консультациями в академические, просветительские и религиозные центры Рангуна, настойчиво расспрашивает окружающих в поисках ответов на бесконечные вопросы, всегда возникающие в новых краях у равнодушного наблюдателя.

Однако на этом пути автора подстерегают известные трудности и «подводные камни». Прежде всего это ощутимый дефицит достоверной научной информации о современной Бирме. Отдельные фундаментальные исследования текущего положения в стране, проводившиеся англичанами в первой половине XX века, прекратились вскоре после выдворения колонизаторов из страны. Взамен, как уже отмечалось, на Западе появились и продолжают распространяться главным образом тенденциозные политические статьи и обзоры, из которых даже после тщательной критической обработки трудно вычленишь позитивный социологический материал. Невозможность осуществлять глубокие полевые исследования в сложных условиях послевоенной Бирмы завела некоторых зарубежных ученых в глубь ее истории, но и здесь их поджидала полоса «белых пятен», простирающаяся вплоть до вопроса о том, как вообще возникла бирманская цивилизация, откуда пришли ее носители. Знаменитые «Дворцовые хроники» монархических династий Бирмы, которые вначале использовались как документальный

исторический материал, при более внимательном анализе оказались довольно поздним литературным творением (XV—XVII века), а их авторы — придворные буддийские монахи — отнюдь не самыми осведомленными и объективными летописцами. Между тем многие бирманцы до сих пор считают хроники чуть ли не единственным авторитетным подспорьем в исторических исследованиях. В их суждениях нередко можно услышать убедительную только для неосведомленных европейцев заставку — «Исторические хроники подтверждают...».

Видимо, именно со слов этих лиц С. Рамешова и написала, что частая смена столиц в период средневековья была якобы вызвана обычаем бирманских королей начинать правление на новом месте либо была обусловлена истощением водных ресурсов, перенаселенностью и т. п. Такое утверждение трудно воспринимать всерьез, так как демографических проблем тогда не знали, а столь дорогостоящее и хлопотное занятие, как перенос столицы, никак не могло быть подвластно «обычаям». Зато достоверно известно, что в те годы Бирма не раз переживала периоды раскола и междоусобных войн, сопровождавшихся возвышением тех или иных династий в различных районах страны, которые на время становились центром насильственного объединения племен и народов. Очевидно, этот факт не увязывается с неуместным в данном случае «патриотизмом» некоторых бирманских историков, которые пытаются дать ему любое другое истолкование.

Подобным субъективизмом страдает и пересказанная С. Рамешовой версия о возникновении нынешней бирманской столицы. Оказывается, Рангун появился здесь, а не в другом месте только потому, что людей влекла сюда тогда еще скромная, но уже знаменитая пагода Шведагон. В действительности же все было как раз наоборот. Людей привлекала в эти края плодородная дельта самой крупной в стране реки Иравади с ее благоприятными условиями для водной транспортировки товаров и удобным выходом в море. И лишь как следствие бурного освоения этого района одна из пагод на вершине холма Сингутар у поселения Дагон (в дальнейшем — Рангун) стала приобретать известность, достраиваться, облачаться в золото и обрастать легендами. Однако прозаическая истина, заключающаяся в том, что не люди селятся у пагод, а пагоды появляются там, где живут люди, видимо, не устраивала хронистов, и они принесли ее в жертву своей вере. Кстати, Рангун и Янгоун, упомянутые в книге как два разных названия бирманской столицы, на самом деле являются двумя вариантами транскрипции одного и того же слова — соответственно калька с его традиционного английского и бирманского произношений.

Еще более рискованно без соответствующей подготовки говорить с бирманцами о буддизме, как это делает С. Рамешова. Эта тема заслуживает особого рассмотрения. Среди единичных бирманских исследователей, рискнувших в условиях почти тотальной религиозности объективно взглянуть на господствующий в стране буддизм, безусловно, выделяется бывший ректор Рангунского университета, ныне покойный профессор Маун Тхин Аун. К чести С. Рамешовой, работа этого ученого «Народные элементы в бирманском буддизме» была использована в ее рукописи. Однако в числе других ее информантов по данному вопросу преобладают либо изощренные теологи из Международного медитационного центра в Рангуне, охотно пользующиеся случаем дать свою пропагандистскую трактовку буддизма, либо глубоко религиозные, но слабо представляющие себе философскую догматику буддизма, так называемые рядовые верующие из ее повседневного окружения — шофер, хозяйка арендуемого дома, случайный читатель в библиотеке и т. п. Всех этих лиц объединяет твердая приверженность религиозной доктрине, поэтому ждать от них критического анализа ее содержания не приходится. Вместо этого чаще всего можно услышать стандартные заявления о том, что главной чертой буддизма является доброжелательность, терпимость к иноверцам. Одновременно по каждому случаю вам могут предложить массу разноречивых легенд, в том числе и вымысел о «золотой лодочке в подземелье пагоды

Шведагон», который фигурирует в пересказе С. Рамешовой. Сентиментализм, наивный романтизм и религиозная экзальтация — вот основные характеристики бирманского буддизма, которые можно получить главным образом устным путем. Что касается печатной продукции, то здесь вас ожидает широкий спектр пропагандистских изысканий, начинающийся с переводов «подлинных» проповедей и изречений Будды и кончающийся их трактовкой в свете прикладной математики, современной психофизиологии, микробиологии и атомной физики. Можно встретить и явно политические опусы, в которых буддизм даже отождествляется с марксизмом или, наоборот, противопоставляется ему. Разобраться в таком разнородном информационном потоке порой весьма непросто даже для опытного религиоведа. Поэтому не удивительно, что в работе С. Рамешовой, искренне воспринимающей воодушевленные разъяснения верующих бирманцев по интересующим ее вопросам, невольно проскальзывают реверансы в адрес буддизма.

Для более обстоятельной беседы на тему о религиозной ситуации в Бирме целесообразно вернуться к самому названию книги — «Страна золотых пагод», которое выбрано автором отнюдь не случайно. Подобно многим другим народам, бирманцы золотят наиболее почитаемые у них культурные ценности. Таковыми здесь считаются прежде всего предметы и объекты буддийского культа, в том числе пагоды, где этот культ чаще всего отправляется. В отличие, например, от японских и китайских бирманские пагоды представляют собой разновидность древнеиндийских и сингальских кирпично-каменных ступ, увенчанных драгоценными шпилями — «зонтиками», которые своей пышностью однозначно символизируют в понятной для простых верующих системе ценностей превосходство небесных «обитателей счастья» перед земным «бранным бытием». Бирманские пагоды, как правило, не имеют строго фиксированных размеров, форм и внутренних помещений, но якобы обязательно хранят в своей кладке те или иные священные реликвии (мощи святых и т. п.). Строительство таких сакральных сооружений издавна считалось в Бирме одной из высших буддийских заслуг, а религиозный пыл бирманцев был столь велик, что за десять веков своей государственности они окружили себя несметным количеством больших и малых пагод, обогнав в этом отношении практически всех буддистов мира.

Но дело не только в количественной стороне вопроса. Буддизм в современной Бирме, особенно в сельской местности, — это не просто дань традиции и не просто религия, а образ жизни и мышления миллионов людей. Лозунг времен национально-освободительного движения против английских колонизаторов — «Быть бирманцем — значит быть буддистом» до сих пор не утратил своего значения. Корни бирманского языка, поэзии, прозы, танца, песни, театра, морали, права и даже государственности непосредственно ассоциируются у местного населения с буддизмом. Поэтому сегодня по существу ни одно из течений в культурной жизни страны не противопоставляет себя буддийскому наследию. И это вполне понятно в условиях, когда около 90% бирманцев называют себя буддистами.

В обязательный конфессиональный минимум рядового верующего входит почитание «трех жемчужин» — Будды, его учения (дхаммы) и монашеской общины (сангхи); знание «трех благородных истин» — аничча (всеобщая изменчивость), дукха (всеобщее страдание), анатта (всеобщая обезличенность); усвоение буддийской космографии, основных фрагментов жизнеописания Будды, цитирование некоторых сутр (проповедей) и заклинаний, соблюдение буддийских заповедей и буддийского поста. Независимо от образованности и социального положения бирманцы охотно берутся обсуждать отдельные положения буддийской метафизики. И как бы низок ни был уровень таких дискуссий, религиозный энтузиазм их участников очевиден.

С самых ранних лет детям прививается сознание необходимости накопления буддийских морально-этических заслуг, от которых, как верят, зависит качество будущего перерождения. При этом одним из основных благодеяний считается подношение монахам,

ибо последние до сих пор относятся в Бирме к наиболее почитаемой части населения. Трудно представить себе сельского или городского жителя, который отказал бы монаху в подаении. Но если тот откажется принять пожертвование, это будет равносильно проклятию. Особенно заметна роль буддийского монашества в отдаленных деревнях, где дефицит государственных преподавательских, медицинских, юридических и других кадров дает возможность тому или иному относительно просвещенному монаху одновременно выступать в качестве учителя, врача, судьи, свидетеля и тому подобного как представителю сангхи, остающейся признанным «коллективным носителем высшей мудрости».

Точную численность сангхи определить довольно сложно из-за высокой текучести в ее рядах, обусловленной правом свободного ухода в монастырь и выхода из него. Тем не менее по итогам состоявшейся в 1980 году Всебирманской конгрегации буддистов можно заключить, что в Бирме насчитывается более 100 тысяч монахов (против 76 тысяч в 1958 году). Это означает, что, несмотря на секуляризационные меры властей, абсолютный рост численности сангхи не утратил поступательного развития, а сам монашеский орден остается обязательным атрибутом общественной жизни в Бирме.

Большинство мужчин считает своим долгом какую-то часть жизни провести в буддийском монастыре. Мальчик, не прошедший буддийской ординации, не побывавший в послушниках, считается чужаком в среде сверстников. Равным образом бирманская семья, которая не посещает пагод и монастырей, не делает подношений монахам, не участвует во всенародных праздниках и обрядах, рискует оказаться изолированной в обществе и навлечь на себя подозрение соседей, а в ряде случаев — и местных властей. Здесь уместно отметить, что, несмотря на твердость Революционного совета и ПБСП в деле отделения сангхи от государства, вопрос о преодолении влияния буддизма на широкие слои населения не ставился ими в принципе. Более того, правительство в самом начале заявило, что «буддийские монахи должны сосредоточить внимание на очищении и развитии буддизма», а также оставило за собой право вернуться к вопросу о помощи религиозным организациям, когда сочтет нужным. В известной мере это было обусловлено тем, что многие бирманские руководители не только не являются атеистами, но, наоборот, считают себя правоверными буддистами. Некоторые из них имеют своих личных «наставников» — буддийских монахов, а также на короткое время сами уходят в монастыри для «приобщения к учению Будды». В тех же кругах распространено увлечение буддийской астрологией и участие в религиозно-благотворительной деятельности. В среде чиновников правительственного и партийного аппарата также считается хорошим тоном быть буддистом. В противном случае со стороны руководства могут возникнуть подозрения относительно национальной принадлежности сотрудника, а затем и его благонадежности.

Не случайно, наконец, и в философской декларации ПБСП при более тщательном анализе обнаруживается ряд отступлений в сторону религиозно-идеалистического мировоззрения.

Таким образом, влияние буддизма пронизывает все бирманское общество снизу доверху. При этом если его высший, так сказать идеологический, уровень, представленный древними трактатами и единичными носителями из числа монахов и мирян, строго выдержан в духе классической, ортодоксальной южноиндийской школы хинаяна (тхеравада), то низший, так называемый народный, или «массовый», уровень тесно связан с местной анимистической традицией — верой в духов, которых в Бирме называют натами.

В развитие того, что говорится о культе натов у С. Рамешовой, следует отметить, что в жизни многих бирманцев нет ни одного сколько-нибудь значительного события, которое не сопровождалось бы почитанием (а по существу принесением жертвы) натов, будь это рождение ребенка, свадьба, похороны, посевные и уборочные работы и даже посвящение в монахи. Существуют также натпвэ — общенародные ритуалы

поклонения натам в определенные дни. Практически в каждом деревенском доме имеется специальное место — натсин (дословно: «полочка ната»), символизирующее присутствие духа или духов. Натсином может быть полый кокосовый орех, но чаще подобие маленького домика из картона, камыша, бамбука и т. п. Натспны встречаются в деревне, в городе, в лесу, в поле, у пагод: обитание духов предполагается повсеместно. В натсинах зажигают свечи, курят благовония; духам подносят воду, рис, бананы, а взамен просят у них здоровья, благополучия, хорошего урожая, успехов во всех начинаниях, защиты от врагов, ненастья и т. п.

Возникает закономерный вопрос: если все насущные пожелания обращены к натам, чего же тогда ожидают бирманцы от Будды? Оказывается, тех же вполне земных благ, и в этом для неискушенного исследователя заключается основной «парадокс» религиозной ситуации в Бирме.

Дело в том, что, знакомые лишь с теоретической, философской стороной буддизма, некоторые «кабинетные» зарубежные ученые довольно долго не могли смириться с тем фактом, что в действительности эта религия тесно смыкается с языческими верованиями, в том числе с культом натов. В результате родились две полярные и одинаково несостоятельные концепции. Первая — о сверхтерпимости буддизма к другим верованиям, вторая (граничащая с расизмом) — о нелогичности бирманской природы, которая якобы может совмещать несовместимые воззрения.

Последующие исследования показали, что на уровне культовой практики буддизм не просто сосуществует с анимизмом, а составляет с ним единое целое. Тогда появились версии, согласно которым буддизм в Бирме не является «нормативным» (чистым), так как он искажен напластованиями местных анимистических и других архаических добуддийских верований, то бирманцы в этой связи — буддисты только на словах. Еще одна концепция состоит в том, что буддизм составляет лишь часть особой, собственно бирманской религиозной системы или же — по другой версии — существует на бирманской почве в различных формах, отличных от «истинного» классического образца. Даже некоторые бирманские ученые стали признавать в местном буддизме наличие народных анимистических элементов.

Нетрудно заметить, что во всех этих случаях речь идет о чистоте буддизма в Бирме. Тем самым, хотели того отдельные зарубежные ученые или нет, они оказались по существу на религиозно-апологетических позициях, так как вопрос о «чистоте» религии относится в первую очередь к области богословских спекуляций, а не научного анализа. Другими словами, «частный случай» бирманского буддизма был принесен в жертву представлениям о буддизме как особой теофилософской системе.

Между тем новейшие исследования доказали, что религиозная ситуация в Бирме — отнюдь не частный случай метаморфоз буддийского учения. Аналогичная судьба постигла его во всех без исключения странах, где он пустил корни. В методологическом плане ошибочность всех вышеназванных концепций состоит в том, что абстрактный буддизм в них радикально противопоставляется абстрактному язычеству, то есть обе конфессиональные системы рассматриваются как взаимоисключающие, хотя уже давно доказано, что анимизм является составной частью всех религий мира. Но в том-то и проблема, что ученые долго отказывались признавать буддизм в качестве «обычной религии». Обширный и детально разработанный философско-схоластический субстрат, отличающий буддизм от других мировых религий, дал им основание сравнивать буддийское вероучение с позитивизмом, «диалектическим прагматизмом» и даже с атеизмом. И вот почему.

Канонический буддизм толка хинаяна (буквально «малая колесница») проповедует идеал индивидуального спасения, то есть достижения нирваны путем разрыва с мирской жизнью и ухода в монастырь, где, на практике претворяя в жизнь учение Будды, верующий достигает определенного самосовершенствования и просветления. Другими словами, человек ищет и находит спасение только внутри себя, не

рассчитывая на содействие каких-то внешних сил. В этом смысле буддийская философия отвергает христианскую концепцию всемогущего бога — спасителя и творца, от которого зависят судьбы людей, и представляет Будду «простым смертным», никем не управляющим, а лишь открывшим путь к преодолению страдания. Аналогичным образом не признается понятие «спасение вечной души», так как в постоянно меняющемся мире (аничча) не может быть ничего вечного. Отсюда следует и отрицание веры в духов, якобы способных решать человеческие проблемы, и неприятие магии, предназначенной умело влиять на этих духов.

Указанные особенности буддийской философии издавна используются ее защитниками и проповедниками для доказательства того, что в отличие от других мировых религий (христианства и ислама) буддизм является чуть ли не атеистическим учением без бога, его культа и молитвы, что эта религия основана на материалистическом воззрении, не допускающем сверхъестественных начал в природе, и что поэтому она вполне может претендовать на соответствие научной картине мира, а кое в чем и опережает ее.

Развивая эти тезисы, современные апологеты буддизма начали утверждать, что учение Будды базируется на открытом им законе причинно-следственной связи, а понятие о карме — по существу первая формулировка закона сохранения энергии. Древние космогонические мифы трактуются ими как прообраз последних эволюционных теорий, вплоть до того, что легенда о первосуществах, спустившихся с небес на вновь образовавшуюся земную твердь, выдается за аллегорическое изложение теории о происхождении белковых форм из первобытной протоплазмы. Наконец, догмат «анатта» подкрепляется ссылками на учение Павлова, а вымысел о перерождениях, который, даже по признанию самих монахов, раньше приходилось просто принимать на веру, теперь пытаются доказать ссылкой на данные психогипнотерапии, которой якобы удалось зарегистрировать случаи «припоминания» прошлых жизней.

Не нужно быть крупным религиоведом, чтобы разобраться в необоснованности и несостоятельности всех этих заявлений. Да и сами «кабинетные» ученые, оказавшись в одной из признанных цитаделей буддизма — Бирме, воочию убедились, что основные положения буддийской доктрины существуют в мировоззрении широких слоев населения лишь в размытой форме, а в бирманской деревне буддизм практически сближается с анимизмом. При этом полностью подтвердилось заключение советских востоковедов о том, что буддизм никогда не завоевал бы сознания миллионов простых людей, если бы оставался верным своим первоначальным догмам.

Правда, некоторое время исследователей смущали статистические выкладки бирманской комиссии по переписи населения, согласно которым почти все жители страны называют себя буддистами. Но как выяснилось впоследствии, этот факт сам по себе не означает, что основу мировоззрения бирманцев составляет философия буддизма. Скорее в данном случае может быть сделан вывод о тождестве национальной и религиозной принадлежности у бирманцев. И наконец, — что самое главное — речь здесь должна идти не о самой философской доктрине, а о том, как ее представляет себе «массовый» верующий сквозь призму собственного жизненного опыта и местного анимистического контекста.

Следует сразу отметить, что в этих представлениях все идеалы и принципы буддизма радикально переиначены. Так, если каноническая доктрина видит конец страданию в разрыве с окружающим миром и переносит спасение в неопределенное будущее, то бирманские рядовые верующие склонны усматривать в буддизме средство к избавлению от конкретных видов страдания уже в текущем жизненном процессе. Простой повседневный опыт подсказывает верующим, что страдание не вечно, а преходяще. Поэтому они не воспринимают канонический тезис о том, что всеобщая изменчивость (аничча) имеет своим неизбежным следствием бесконечные страдания (дукха). Наоборот, именно принцип «аничча» гарантирует преходящий характер «дукха».

Своеобразно преломляется в народном буддизме и догмат о желании, которое в каноническом буддизме считается одной из непосредственных предпосылок страдания. Когда бирманцев спрашивают о причинах неудач и мучений, почти каждый из них указывает на влияние духов, плохую погоду, неурожай и т. п. Получается, что в основе страдания лежат преимущественно случайные, внешние факторы, что вызывается оно не самим желанием, а скорее несбывшимся желанием. Поэтому и смысл спасения видится не в уничтожении желания (как это предписывает канонический буддизм), а в его удовлетворении, не в выходе из мира чувственного бытия, а в достижении лучшего перерождения в нем. Отсюда и нирвана воспринимается в качестве «формы жизни высших наслаждений».

Как и все буддисты мира, бирманцы убеждены, что качество нового перерождения по закону кармы находится в прямой зависимости от количества приобретенных заслуг. В то же время они слабо представляют себе сам механизм перерождения. В буддийской литературе речь идет о распаде и новом сочетании пяти элементов, составляющих живое существо (телесность, ощущения, представления, желания, познание). Однако рядовые верующие склонны рассматривать перерождение в свете местной анимистической традиции, стержень которой — вера в бессмертную душу.

Казалось бы, признание души как отличной от тела, неизменной субстанции бьет по самому основанию буддизма, отрицающему существование души. Однако с точки зрения народного буддизма признание вечной души необходимо. Ибо как же иначе закон кармического воздаяния может реализовать себя? Ортодоксальная доктрина не учитывает того момента, что воздаяние за содеянное в настоящей жизни коснется в будущем перерождении совсем другого индивида. Для верующего бирманца такое воздаяние теряет смысл. Вот почему веру в существование души разделяют сейчас даже некоторые просвещенные монахи. Признавая веру в бессмертную душу и в мир сверхъестественного, народный буддизм не только легализует магические средства воздействия на этот мир, но и сам становится таким средством. Отсюда и культ Будды как высшего из натов, и молитвенные обращения к нему за помощью.

Наряду с этим необходимо учитывать, что суть трансформации буддизма на уровне народных верований состоит не только в приобщении к местному анимизму. Оказавшись в соответствующих условиях, эта религия также активно возрождает собственный арсенал архаических воззрений, представленный элементами брахманизма, индуизма, отрывками учений наивно-материалистических школ Индии, фрагментами древнеиндийского фольклора и т. п. Таким образом, буддийская идеология не просто отрицает веру в душу, бога, магию, а как бы снимает с себя генетически заложенное в ней собственное идейное прошлое, соотносимое и по форме и по содержанию с прошлым всех религий мира, то есть предстает в том виде, который в ходе философской эволюции буддизма был уже преодолен.

Означает ли все это, что буддизм на бирманской почве перестает быть самим собой? Ни в коей мере. Наоборот, именно там он предстает в своем реальном обличий «народной» религии. И лишь неспособность (или нежелание) отдельных авторов обратиться в диалектическом антагонизме теологии и религиозной культовой практики обуславливает дискуссии по этому поводу. Не так просто обстоит дело и с «миролюбием» буддизма, его «невмешательством», знаменитой «терпимостью» и заповедью «не убий». Достаточно вспомнить, что в период средневековья под знаменем распространения учения Будды велись кровопролитные войны, покорялись народы и государства. В 30-х и 40-х годах XX века буддизм составлял идейно-политическое обрамление бирманского национализма, поднявшего народ на вооруженную борьбу с колонизаторами. В середине 50-х годов он участвовал в парламентской борьбе за власть. В 60-х и 70-х годах буддийская община давала прибежище повстанческим элементам, ведущим вооруженную борьбу с правительством. В Рангуне еще свежи воспоминания о

поддержанных монахами воинственных студенческих выступлениях в связи с похоронами бывшего генерального секретаря ООН У Тана.

В целом взаимоотношения сангхи и государства в Бирме служат весьма показательным примером сложности и неоднозначности проблем религиозной ситуации в этой стране и наряду с вышеизложенными метаморфозами буддийского вероучения на бирманской почве составляют предмет специальных научных исследований.

Завершая предисловие к книге С. Рамешовой, заметим, что ее рукопись была написана в середине 70-х годов. Вопреки утверждениям отдельных западных обозревателей о том, что «время остановилось в Бирме», процесс социально-экономических преобразований в стране в последующее десятилетие продолжал набирать силу. Состоявшиеся в 1981 и 1985 годах IV и V съезды правящей ПБСП ознаменовали дальнейшее повышение ее руководящей роли во всех областях общественной жизни. Упрочилось положение народных советов как проводников линии центральных властей на местах. Окрепили массовые общественные организации. Возникли различные объединения творческой интеллигенции — писателей, журналистов, скульпторов, кинорботников и т. д. Оживились международные деловые связи Бирмы. В стремлении решить сложные экономические проблемы путем расширения притока иностранной помощи и крупных внешних инвестиций бирманцы решились принять «услуги» печально известного Международного банка реконструкции и развития, пошли на экспериментальное создание смешанных предприятий с участием западногерманских предпринимателей. Прочные позиции завоевали на бирманском рынке японские концерны, которые финансируют и технически обеспечивают правительственные проекты в области геологоразведки, лесоразработок, связи, телекоммуникаций, одновременно способствуя расширению информационного потока из капиталистического мира.

С 1980 года в Рангуне действует созданное японцами телевидение, которое наряду с быстро развивающимся местным кинематографом, преимущественно коммерческим, служит мощным проводником современной «массовой культуры».

Наводнение бирманских городов японской электромusзыкальной аппаратурой повлекло за собой повсеместное создание частных студий звукозаписи и вокально-инструментальных ансамблей по западному образцу, способствующих переориентации вкусов молодежи в сторону от традиционных национальных музыкальных, песенных и танцевальных жанров. Кроме того, из Гонконга и стран АСЕАН на Бирму распространилась сфера подпольного видеобизнеса со всеми его воспитательными издержками.

Местные власти принимают меры по сдерживанию этих тенденций. Но влияние иностранных идеалов и жизненных стереотипов неуклонно проникает в бирманскую семью, в сферу общественных отношений, изменяет даже казавшуюся С. Рамешовой непоколебимой моду...

Разумеется, приобщение к зарубежному опыту и техническим достижениям само по себе нельзя рассматривать только как отрицательный фактор. Все зависит от того, что конкретно, для каких целей и в чьих интересах заимствуется. Не всегда этот процесс полностью поддается и правительственному контролю, ибо влияние современной научно-технической революции, как известно, глобально по своим масштабам и последствиям. А в отношении таких стран, как Бирма, с легкой руки монополистического капитала оно к тому же может носить интервенционистский характер.

Поэтому хочется пожелать, чтобы неизбежные на новом пути «болезни века» и собственного роста дружественный бирманский народ миновал с наименьшими потерями для своей национальной культуры и независимости. В этом он может всегда рассчитывать на помощь и поддержку стран социалистического содружества.

Теперь, когда все оговорки позади, мы вправе с благодарностью принять приглашение С. Рамешовой разделить вместе с нею удовольствие от встреч с Бирмой. И если предстоящее путешествие побудит кого-либо внимательнее присмотреться к этой

интересной стране, глубже разобраться в ее истории и современности, автор может считать свою миссию выполненной.

ОТ АВТОРА

Есть страны, названия которых прочно удерживаются в памяти людей. Бирму к ним, пожалуй, не отнесешь. Включившись в ход мировой истории с давних времен, она продолжает оставаться относительно замкнутой, малоизвестной страной, поскольку ни одно событие, имевшее жизненно важное значение для нее, не было настолько существенным для остального мира, чтобы надолго привлечь к себе внимание.

Но это лишь поверхностное представление. Бирма лежит на скрещении дорог в Азии. Расположенная между Индией и Китаем, она является буферным государством с выгодным географическим положением. Ее минеральные богатства, плодородные земли и тиковые леса издавна привлекали сюда иноземцев, охотников до чужого добра.

Особый интерес проявляли к ней две колониальные державы — Англия и Франция. Спор выиграла Англия: после трех войн она включила Бирму в свою колониальную систему, сделав ее провинцией Британской Индии.

В 1948 году Бирма возвратила себе независимость и стала нейтральной, неприсоединившейся страной, сосредоточившей усилия на решении внутривосточных и экономических проблем.

Бирму часто называют Страной золотых пагод. А поскольку альфой и омегой ее экономики от века был рис, ее еще называют Страной пагод и рисовых полей.

I ВХОДНЫЕ ВОРОТА БИРМЫ

ЕСЛИ БЫ НЕ ВОЗНИКЛА ШВЕДАГОН

Ясным декабрьским утром Прага провожала нас, одетая, как невеста, во все белое. Первый настоящий мороз всю ночь щедро рассыпал иней, и день неожиданно предстал в хрупкой призрачной красоте. Зимнее солнце как бы в награду за свою холодность расцветивало иней радужными блестками.

— Уважаемые пассажиры! Приветствуем вас на борту самолета Чехословацкой авиолинии, выполняющего рейс по маршруту Прага — Каир — Бахрейн — Бомбей — Рангун — Джакарта...

И сразу привычное течение дней остановилось. Мы вступали в неведомый, почти фантастический мир. Каким он будет?

Короткая остановка в Каире, первое соприкосновение с жарой южных стран. Но осталась позади, проплыла внизу голубоватая, разбегающаяся нитками дельта Нила. За иллюминатором лишь синева океана да лазурь неба. Через несколько часов самолет начал снижаться навстречу беспокойным волнам, как огромная стрекоза, завороченная гигантским водным простором. В последний момент под крылом мелькнула твердь суши. Бетонная полоса, удар колес — и нас встречает горячим дыханием пустыни маленький уютный аэродром на Бахрейнских островах.

А к рассвету сухая жара Бахрейна сменилась влажной духотой Бомбея. Раннее утро было таким же пасмурным, как горстка помятых бессонницей пассажиров, которым даже не хотелось выходить. Но трап подан, и пришлось подчиниться.

Первые шаги по летному полю — первое неожиданное впечатление: на каменных скамьях вдоль ограды и просто на земле спали люди. Грязные лохмотья, бывшие когда-то платьем, обнажали тощие босые ноги; рты спящих, измазанные засохшим бетелем, полуоткрыты...

А рядом, в дверях аэровокзала, нас поджидало видение из сказок «Тысячи и одной ночи» — служащая аэропорта. Молодая, красивая, стройная. Голубое сари ниспадало с ее плеча, шелестело шелком. На тонких смуглых руках позвякивали браслеты. Волшебная прическа с орхидеей в смоляных волосах, прелестная улыбка. «Не туда; пожалуйста, наверх».

В зале транзитных пассажиров уже стояли служащие в красно-белой униформе с подносами прохладительных напитков.

В зеркальных витринах магазинов светились серебряные чеканные сосуды, излучали блеск драгоценности, матово белели статуэтки из слоновой кости. На полках теснились кипы вышитых сари, сказочно красивых и сказочно дорогих.

Два лица Востока, два мира — роскошь и бедность, доводящая до отчаяния.

...И снова неоглядный океан, блекло-синий от беспощадных лучей солнца купол неба. Там, за Бенгальским заливом, лежит Бирма.

Внизу вдоль побережья потянулась зеленая полоса, исчерченная линией дорог, мозаика рисовых полей, воробьиные гнезда бамбуковых хижин.

Блеснуло что-то яркое, желтое, высоко вознесенное над землей. Это шпиль знаменитой пагоды Шведагон. Значит, под нами Рангун — столица Бирмы, город, украшенный голубыми чашами двух озер — Инья и Кандоджи — и широкой лентой реки Рангун.

А золотая ступа светилась, блестела, исчезала из поля зрения и вновь, словно дневной маяк, появлялась на следующем вираже самолета, с каждым разом становясь все отчетливее. Мы приземлились в аэропорту Бирмы — Мингаладон.

Время едва перевалило за полдень. Аэродромное поле излучало жару, и воздух дрожал, колебался над горячим бетоном, как над раскаленной пустыней. В лицо ударила влажная духота, тяжелым грузом навалилась на плечи, связала ноги. Дорога до двухэтажного здания аэропорта казалась бесконечной. Наконец, разгоряченные, взмокшие от пота, мы вошли в прохладный кондиционированный зал и через минуту уже зябко поеживались от сырой прохлады. Прохождение формальностей, казалось, никогда не закончится.

Голос в громкоговорителе уже давно оповестил об отлете чехословацкого лайнера, а таможенники в униформе цвета хаки и белых гольфах все еще досматривали имущество прибывших пассажиров, хотя их было не так уж много.

Это было время, когда власти ограничивали въезд в Бирму. Он был разрешен только дипломатам, бизнесменам, лицам, приезжающим в страну со служебными целями. Потоки паломников из соседних стран прекратились. Желание поклониться рангунской пагоде Шведагон или пробыть какое-то время в монастыре Мандалая стало недостаточно веской причиной для получения визы.

Положение изменилось только в семидесятых годах, когда правительство начало поощрять приток туристов, дающий иностранную валюту. Красочные рекламные проспекты бирманского Туристского бюро приглашали посетить страну и гарантировали въездную визу сроком на семь дней без каких-либо осложнений.

Тогда же было построено несколько комфортабельных отелен в самых примечательных местах — Пагане, Мандалае, близ озера Инле и, конечно, в Рангуне, который стал землей обетованной для туристов. Заметьте: не для паломников, а для туристов. Тех, кто приходят в пагоды не за тем, чтобы поразмышлять над смыслом жизни, а чтобы сделать удачный фотокадр, снять фильм о себе в экзотических краях.

По мраморной платформе Шведагона сегодня бродят толпы праздных туристов, увешанных фотокамерами, точно так же как у египетских пирамид, Пизанской башни или пражского собора святого Вита.

Жарким пламенем полыхает на солнце пагода Шведагон — «золотая слава» Бирмы, одна из самых почитаемых в мире буддийских святынь. Сияет в убранстве

драгоценных камней. Покойно и умиротворенно высится над шумным городом, залитым влажной тропической жарой, над смесью запахов и говором разноязыкой толпы.

Кто знает, не будь Шведагона, вырос бы здесь, в душном районе дельты Иравади, город, которому суждено было стать столицей страны?!

Никто из бирманских королей никогда не располагал свою резиденцию в этих местах. Столицы возникали и исчезали на севере страны, в районах Верхней Бирмы*. Южные же края оставались дикими, необжитыми. Не приставали тут корабли заморских купцов. Девственные леса кишели дикими тварями. Стояла лишь небольшая деревушка — всего несколько бамбуковых хижин, обнесенных забором, удалиться от которого жители не рисковали.

Почему же на этом негостеприимном куске земли люди все-таки селились? Да потому, что рядом, на холме Тейнгоутера, стояла священная пагода Дагон, к которой отовсюду съезжались паломники. К тому же здесь протекала река Хлайн (один из двенадцати рукавов Иравади) и до моря было рукой подать. Росла известность пагоды — росло и значение поселения, постепенно становившегося городом. Пагода достраивалась, стремилась ввысь, город — вширь.

Однако много воды утекло из Иравади, тонны речного ила нанесли ее волны, в несколько раз увеличив площадь плодородных земель дельты, прежде чем на берегу Хлайн, или, как часто ее называют, Рангун, вырос большой порт и столичный город с населением, перешагнувшим ныне за второй миллион.

Более двух тысяч лет стоит Рангун. Разные он носил имена. В давние времена, когда высота пагоды едва достигала двадцати метров, горстка лачуг на берегу Хлайн, окруженная непроходимыми лесами, называлась Оуккала. В XI веке она превратилась в рыбацкую деревушку, которую жившие здесь моны стали называть Дагон — в честь пагоды. Со временем к слову «Дагон» люди прибавили частицу «шве», что значит «золотой». Кстати, с частицы «шве» начинаются названия всех бирманских **пагод**, крытых золотом.

В XVIII веке, когда король Алаунпая, объединив страну, захватил Дагон, он приказал обнести его стеной и переименовал в Янгоун, что означало «конец вражде». Позднее англичане стали называть город Рангун. Но и теперь бирманцы предпочитают исконное имя своей столицы — Янгоун.

Трижды Англия воевала с Бирмой. В первых двух войнах она отняла у нее южные плодородные земли и лишила выхода к морю. Но оставался свободным еще север страны со столицей Мандалай. Шестьдесят лет понадобилось колонизаторам, чтобы подчинить себе страну.

Во второй половине XVIII века Рангун из заштатного городка превратился в крупный морской порт. Через него проходил весь поток экспортных и импортных грузов. Отсюда отправлялось во все концы мира бирманское «белое золото» — рис.

Часто западные историки пишут о том, что колонизаторы несли поработенным народам Азии достижения науки и техники своих более развитых стран.

Да, они строили города, прокладывали дороги, телеграф, осваивали целинные земли, ввозили машины, разведывали недра. Но ведь все это было подчинено единственной цели — быстро и без помех грабить страну.

Британские фирмы беззастенчиво вывозили богатства Бирмы — тиковую древесину, нефть, рис. Англичане начали добычу свинца, цинка, сурьмы, серебра, олова и вольфрама.

Они строили причалы, но для того, чтобы к ним швартовались пароходы Великобритании, имевшие монопольное право на морские перевозки между Бирмой и другими странами. По Иравади стали ходить колесные пароходы, принадлежавшие,

* Издавна принято деление Бирмы на Верхнюю, заселенную бирманками, и Нижнюю, освоенную ионами. После объединения страны в XVIII веке такое деление утратило смысл, а в следующем столетии появилось вновь, когда англичане захватили южные районы, вплоть до города Пьи.

конечно, британской компании. А когда речные перевозки перестали справляться с растущим грузопотоком, началось строительство шоссейных и железных дорог.

Постепенно Рангун стал экономическим и административным центром Бирмы. Здесь сходились все водные, шоссейные и железные дороги.

Город строился. Исчезали узкие извилистые улочки, уступая место прямым, как стрелы, улицам и площадям. Каменные жилые дома оттеснили к окраинам бамбуковые хижины.

И сегодня еще стоят в центре Рангуна «доходные» дома, которым по сто лет. Они кажутся нежилыми. Незастекленные окна чернеют, как провалы. В карнизах и трещинах буйно проросла зелень. На четвертый этаж ведут крутые лестницы без площадок для отдыха. Комнаты в домах тесные, неудобные. Теперь таких зданий не строят.

В КАЛЕЙДОСКОПЕ РАНГУНА

Совсем недавно Рангун называли на Западе «сонной столицей». А каков он сегодня?

Столица Бирмы — вполне современный город, хотя и очень разноликий. Ее старый, обветшалый английский центр мало похож на живописную бирманскую часть города, а китайские кварталы, набитые лавками и мастерскими, отличаются от индийских торговых районов.

Рангун покоряет спокойной и естественной красотой. Ему чужды спешка и суэта. Город молод: половине его более чем двухмиллионного населения нет и тридцати лет.

Из аэропорта в город ведет узкая дорога, тянущаяся среди прудов. Первое впечатление — хижины, беспорядочно теснящиеся вдоль шоссе. Ни садов при них, ни изгородей. Только пустыри с пожухлой, побуревшей от солнца травой.

Такие хижины на *сваях* рассыпаны по городам и весям. Они никогда не *запираются*. Передняя стена дома часто делается подъемной. Утром ее поднимают, ставят подпорки, и получается веранда, на которой семья проводит свободное время. А вечером стена вновь занимает свое место, крепится к полу — и дом готов к ночному сну.

Простой люд живет открыто, не отгораживаясь от соседей.

А вот виллы и особняки (об этом мы узнали позже) скрыты от посторонних глаз добротными заборами, плотными занавесями. Их окна и двери зачастую забраны решетками.

Испокон веку в Бирме строили деревянные дома. Считалось, что каменные постройки нездоровы для жизни: они сильно накаляются под солнцем, «не дышат», как деревянные или бамбуковые.

Даже богатые люди жили в деревянных домах. Крыши обычно делались одноярусными. Если же дом покрывала двухъярусная крыша, значит, там жил вельможа. Трехъярусная крыша была привилегией королевской семьи.

Но деревянные дома всегда *таили* в себе опасность пожаров. Стены их часто пропитывали нефтью, чтобы защитить от нашествия термитов. И они становились огнеопасными, вспыхивали от одной неосторожной искры. В Бирме пожары нередко превращали в пепелища целые кварталы и даже города. Они такой же бич, как наводнения.

Сейчас, с появлением кондиционеров, состоятельные бирманцы предпочитают жить в каменных особняках. Комнаты, которые не кондиционируются, делаются открытыми, «продуваемыми». Но там, где есть искусственное охлаждение, окна плотно закрывают.

Рангун принято делить на две части: прилегающий к порту деловой город и район парков.

Центр столицы выстроен еще в колониальные времена. Отсюда берет начало оживленная Фрезэр-стрит — улица кинотеатров и магазинов. В кинотеатрах независимо

от того, какой идет фильм, перед началом сеанса вы должны будете встать и стоя слушать Государственный гимн Бирмы — таков ритуал.

В порту, что тянется вдоль всей деловой части города, стоят в ожидании места у главного пирса океанские лайнеры. К мелким причалам беспрестанно подходят траулеры, баркасы, джонки. В порт стекается все, чем богата бирманская земля,— рис, кокосы, нефть, рыба, тиковая древесина...

В рабочих районах — Джогоне и Инсейне — дымит металлургический завод, работают джутовая, текстильная и фармацевтическая фабрики. К их проходным по утрам идут не только мужчины, но и женщины.

На окраинах Рангуна строятся новые кварталы, куда постепенно переселяются люди из скученного центра. Как все столицы развивающихся стран, Рангун переживает «демографический взрыв». Усилилась миграция молодежи в города, особенно в столицу. Быстрый рост населения создает немало проблем: не всех можно обеспечить жильем, работой, городу не хватает воды, электроэнергии, не налажен общественный транспорт.

Власти начали ограничивать въезд в Рангун, определив максимальное количество жителей — три миллиона. Не больше. Вдали от шумных, загазованных районов — в кварталах Голден-Вэлли, на холмах и у озер — привольно расположились в ухоженных парках элегантные особняки — посольства, иностранные представительства, клубы, дома местной элиты. Как правило, это изящные виллы с лоджиями и непременно крытым портиком для подъезда машин в ненастную погоду.

На берегу «королевского» озера Кандоджи шумит листвой Парк сопротивления. У подножия памятника национальному герою Бирмы Аун Сану всегда лежат свежие цветы. Молодой генерал на белом постаменте чуть подался вперед и в стремительном движении вскинул руку для дружеского приветствия. Отсюда в 1945 году Аун Сан уводил из оккупированного японцами Рангуна восставшую армию, чтобы вскоре возвратиться победителем.

Аун Сан — не просто национальный герой, он символ борьбы за свободу Отчизны.

Начало XX века ознаменовалось в Бирме подъемом антиколониального движения. В 1931 году было утоплено в крови крестьянское восстание Сая Сана. Около трехсот восставших были казнены, и головы их выставлены на колах на базарных площадях всем на устрашение. Но народ нельзя запугать. Эстафету восстания Сая Сана подхватили такины.

Такин — по-бирмански «господин». Так в колониальные времена обращались к «белым людям», особенно к англичанам. Назвав себя такинами, студенты, рабочие, крестьяне бросили вызов колонизаторам. «Бирма — наша страна,— сказали они.— Будем же любить свою страну, уважать свой язык!»

Движение такинов возглавил Аун Сан. Такины подчеркнуто отвергали все иностранное. Носили домотканую одежду, обувь на деревянной подошве, курили сигары-черуты.

Но это внешняя сторона. Главным было то, что они создали первую политическую организацию — «Наша Бирма», впоследствии ставшую прообразом Антифашистской лиги народной свободы, под руководством которой страна обрела независимость. После второй мировой войны и изгнания японцев в Бирму возвратились англичане с намерением возродить здесь старые колониальные порядки. Но «банан дважды не плодоносит», времена не повторяются.

В октябре 1946 года после грандиозной забастовки английские власти были вынуждены признать Аун Сана главой Исполнительного комитета — первого бирманского правительства.

Внук легендарного народного героя Шве Яуна, казненного англичанами, Аун Сан еще в университете стал признанным лидером молодежи, а вскоре и всей страны. Он страстно хотел видеть свою родину свободной, мечтал о восьмичасовом рабочем дне,

запрещении детского труда, бесплатной раздаче земель крестьянам, социальном страховании, о равенстве всех народностей...

Ему было тридцать два года, когда его убили.

В то утро, 19 июля 1947 года, ничто не предвещало беды.

В десять часов утра, как всегда, Аун Сан въехал в ворота Секретариата и вошел в свой кабинет, где уже собрались министры. Началось заседание. Через семь минут в зал ворвались четверо солдат с автоматами и в упор расстреляли всех, кто там находился.

Погибли все руководители Лиги, в том числе брат Аун Сана. В живых остался только У Ну, которого по счастливой случайности не оказалось в этот день в городе.

Тринадцать пуль изрешетили тело Аун Сана. Всего несколько месяцев не дожил он до окончательного освобождения страны. Это было неслыханно: в центре столицы среди бела дня совершено предательское убийство. В стране был объявлен траур. Закрылись учреждения, на улицу вышли рабочие, служащие, студенты. Сто тысяч человек провожали героев в последний путь.

Но и смертью своей Аун Сан послужил родине: выстрелы, прогремевшие в Секретариате, вызвали бурю народного гнева. Опасаясь вооруженных выступлений, Англия подписала договор, по которому признала Бирму суверенным государством. Лучшие сыны родины заплатили за это жизнью. В годы второй мировой войны Рангун сильно пострадал от бомбардировок, пожаров и эпидемий. Возрождение бирманской столицы началось сразу же после обретения страной независимости. Были снесены тысячи лачуг, построены здания с удобными квартирами, большими окнами. В центре выросли высотные дома из стекла и бетона. Правда, стоят еще на окраинах крытые соломой хижины, но с каждым годом их становится все меньше.

Преобразуя город, бирманские архитекторы стремятся сохранить связь времен. В новых конструкциях и материалах продолжают жить традиции и формы национального зодчества.

Рангун просыпается рано, до зари. По улицам катится дребезжащий поток обшарпанных, старых машин. Трусят оранжевые трехколесные такси с брезентовым верхом. Переполненные автобусы. Велорикши с «экипажами» на два места. Светофоров в городе мало, дорожных правил почти никто не соблюдает.

Крестьяне с корзинами на тонких коромыслах спешат на базар. Мелко и часто переступая, пружиня шаг, они несут на своих несильных на вид плечах целый овощной магазин.

Утром прохладно, трава еще мокра от росы. Многие рангунцы, спасаясь от «холода» (плюс двадцать в тени), кутаются спозаранку в шерстяные кофты, головы обвязывают махровыми полотенцами. Тянет дымком — это во дворах жгут сухую траву и опавшие за ночь листья.

Неторопливо идут от дома к дому за утренним подаянием монахи, поплотнее запахнув оранжевую тогу и прижав к груди черную чашу — тапеит. Устремив взор в землю, медленно бредут они по улицам мимо девушек, спешащих в аудитории университета, мимо женщин, идущих на рынок, мимо рабочих, торопящихся на заводы. И каждый встречный уступает им дорогу.

Владельцы походных закусовых толкают перед собой двухколесную тележку. Слышатся выкрики уличных торговцев, у каждого свой особый позывной.

К девяти часам откроются учреждения, и в деловой центр помчат машины. Потянется к своим конторам чиновный люд...

Уже приняли первых посетителей бесчисленные уличные харчевни. На низких столиках аккуратно разложены свежевыпеченные булочки в целлофановых пакетах, в мисках дымится рис, пряно пахнут приправы. Еда готовится тут же, на открытом огне. Повар, он же продавец, ловко орудуя длинной вилкой, перебрасывает тонкие желтые нити лапши в тарелки, сдабривает соусом и подает посетителям.

Присев на корточки и подобрав юбки, бирманцы наскоро съедают свою порцию лапши или риса и идут дальше по делам. Правда, наскоро есть — не в характере бирманцев. Но сейчас утро, и время посиделок за чашкой зеленого чая или миской горячего риса пока не наступило.

К вечеру, когда кончится трудовой день, улицы Рангуна заполнит толпа гуляющих. Рангунцы выйдут отдохнуть, подышать свежим воздухом. Одни пойдут в парки, на озера; другие отправятся на стадион имени Аун Сана поболеть за любимую команду по теннису или чинлону, а некоторые предпочтут кино или зоопарк.

Зеленый, ухоженный оазис в самом центре города, зоопарк — излюбленное место отдыха. Сюда приходят с детьми послушать пение райских птиц, посмотреть представление с дрессированными слонами или аттракцион с королевскими кобрами, увидеть редких животных, просто погулять, посидеть в тени деревьев. Течет по улицам Рангуна толпа. Неторопливо идут невозмутимые бирманцы; спешат до костей прокаленные солнцем бенгальцы; нет-нет да и мелькнут в толпе смуглые моны со старинной прической — косой, стянутой сзади узлом; элегантно причесанные европейцы; степенные сикхи в цветных шелковых тюрбанах; закутанные с ног до головы во все черное мусульманки; кокетливые, улыбчивые бирманки с цветами в волосах. Блестят на ярком солнце украшения женщин — на руках, ногах, в мочках ушей, в носу... Бирманские лоунджи, китайское платье, индийские дхоти и сари — все смешалось в толпе.

Двигается людской поток, отливая всеми цветами радуги. Но приглядитесь — и увидите, что есть одна особенность в силуэте рангунской толпы — яркие одежды перебивает оранжевый цвет монашеских одеяний.

...Вплоть до второй мировой войны в Рангуне проживало едва ли не больше иностранцев, чем бирманцев. Здесь обосновались англичане, индийцы, пакистанцы, китайцы. И каждый народ приносил свои традиции, культуру, религию. Вот почему на улицах Рангуна, самой «веротерпимой» столицы в мире, как его нередко называют, классические буддийские пагоды соседствуют с пышными индуистскими храмами, минареты мусульманских мечетей уживаются с синагогами, серые громады католических кафедральных соборов — с китайскими святилищами с драконами на крышах.

Но спору нет, в этом культовом букете главенствуют буддийские пагоды. Пагодная аранжировка придает облику Рангуна неповторимость. И не только Рангуну — всей стране. Два с половиной миллиона пагод стоят на древней земле Бирмы. Не зря ее называют Страной пагод.

Буддист не осуждает поступки других людей. Он верит: человек, творящий добро, приближается к вечному блаженству — нирване. Содеянное же им зло отдаляет его от заветной цели. В конечном счете как жить, во что верить — личное дело каждого. Каждый сам держит в руках ключ к своему спасению и сам находит к нему дорогу.

ЖИЗНЬ МИМОЛЕТНА, КАК ПУЗЫРИ НА ВОДЕ

Со словом «пагода» мы привыкли связывать китайские сооружения со множеством крыш и изящной башенкой, где стоят статуи божества и курятся благовония.

В Бирму пагоды пришли из Индии. Они ведут свое начало от могильного кургана.

За три столетия до нашей эры, повествуют хроники, индийский царь Ашока. ревностный приверженец буддизма, разделил останки Будды Гаутамы на восемь тысяч частей, чтобы одарить ими каждый уголок индийской земли. Священные реликвии уложили в драгоценные сосуды, замуровали в ящички и воздвигли над ними сооружения с куполами. Форма их напоминала пузыри на воде, которым Будда уподоблял быстротечность земной жизни.

По поручению царя Ашоки тогда же в Бирму прибыли два миссионера, чтобы обратить население в новую веру.

Кто знает, так ли это было? Но первые бирманские буддисты — древние народы пью и моны — имели торговые связи с Индией и Цейлоном. Если верить хроникам, в Бирму буддизм пришел еще при жизни Будды и сам он не раз посещал эту страну. Многие бирманские храмы хранят «следы» его священных ступней.

Откуда произошло слово «пагода», точно не известно. Есть версия, что это трансформированное слово «дагоба», заимствованное из санскрита и означающее «святыня, поставленная над реликвиями».

В Бирме два типа культовых зданий — храмы и пагоды, или ступы.

В отличие от храмов пагоды не имеют входов. Это глухие кирпичные сооружения, под которыми покоятся реликварий.

Традиционные бирманские пагоды, их называют «зеди», — прямые потомки древних индийских ступ. Первые пагоды в Бирме строил древний народ пью, и имели они тогда форму колокола, стоящего на плоском постаменте, почти на земле.

Во времена Паганского царства, в XI веке, пагоды вытянулись вверх, усложнились по форме, обросли религиозной символикой. Постамент из ровного стал ступенчатым, приобрел вид террасы, а гладкую ступу вытеснила ступа, состоящая из колец. Каждое кольцо имело свой символический смысл и название: тюрбан, тапеит, цветок лотоса, банановый бутон — и располагалось в строгом порядке.

К ступам теперь вели четыре лестницы, по одной с каждой стороны света. Самая священная лестница — восточная. Ступа опиралась на ступенчатую террасу самой широкой частью, сужалась кверху и увенчивалась высоким шпилем.

По преданию, когда Будду спросили, какой формы должны быть пагоды, он расстелил на земле свою монашескую тогу, поставил на нее чашу для подаяний и увенчал сооружение зонтом. Это навершие ступы, напоминающее зонт, называют «тхи». Нередко оно имеет флюгер и алмазный шар — сейн-пью.

«Тхи» часто переводят как зонт. И хотя между ними есть отдаленное сходство, слово «зонт» слишком прозаично для сверкающих тхи бирманских пагод. Скорее они напоминали мне хрупкую прелесть новогодних праздников — шпиль для рождественской елки.

Тхи пагод выполнен из стальных, часто позолоченных колец и увешан множеством колокольчиков — тонких серебряных пластин, мелодично позванивающих при легчайшем дуновении ветерка.

Снаружи пагоды похожи одна на другую, но различаются мерой святости — в зависимости от того, что погребено в заветном ящичке под фундаментом кладки.

В большинстве пагод «захоронены» священные тексты. Меньше таких, которые хранят статуэтки божества из дорогих поделочных камней. Еще меньше тех, что поставлены над сосудами с лоскутами монашеской тоги Будды. И совсем считанные единицы имеют (как говорят хроники) в реликвариях кости, зубы или волосы Великого учителя.

В странах Юго-Восточной Азии пагоды приблизительно одного типа. Дальше к востоку, в Китае и Японии, они меняют свой облик, превращаясь из массивных сооружений в изящные, почти игрушечные постройки с множеством ажурных, нависающих друг над другом крыш.

Архитектурный облик пагод изменился, как изменилось и само учение Будды, раздробившееся на ряд направлений и школ. А сам Будда из Первоучителя превратился в божество.

Золотым веком храмовой архитектуры по праву считают царство Пагана — XI век. И в тех пагодах, что строят в Бирме сегодня, неукоснительно сохраняются формы и пропорции, найденные паганскими зодчими столетия назад.

БОСИКОМ ПЕРЕД СТУПАМИ

Вход в бирманские храмы открыт всем. Есть только одно условие — надо снять обувь и идти босиком. Так выражается почтение к божеству.

Даже лестницы, ведущие к храмам, священны. И снимать туфли нужно еще до того, как коснешься первой ступеньки. Нередко нам приходилось шлепать босиком по пыли и мусору. Лестницы Шведагона под стать славе пагоды — величественные, удобные, украшенные ажурными многоярусными крышами — пьятатами. Крыши эти высятся одна над другой, сужаются кверху и устремляются ввысь тремя, пятью или семью ярусами. Пьятаты венчают монастыри во дворе Шведагона и навесы — дазауны — над изваяниями Будды.

В Шведагон ведут четыре лестницы, четыре входа. Самый оживленный вход — южный, где зеленый туннель из пальм переходит в одну из самых красивых улиц Рангуна, носящую имя пагоды.

Два громадных десятиметровых каменных чинте — крылатых льва — стерегут этот вход. Стоят, высунув красные языки и обнажив устрашающие клыки. По поверьям, чинте охраняют пагоды и жилища от дурного глаза и злых духов.

За спинами чинте — лестница в сто четыре ступени. А вдоль нее, слева и справа, теснятся лавки, где продают свечи, ароматические палочки, зонтики на высоких стержнях — все, что можно преподнести в дар Будде. И не только. Вам предложат плетеные корзинки, сумки, гребни, мыло, домашние туфли, Шкатулки, украшения из серебра.

На лестнице людно. Продают, покупают, едят, тут же играют дети, отдыхают пришедшие издалека паломники.

У южного входа есть музей пожертвований Будде. Для туристов это своеобразная кунсткамера, а для верующих — святая святых. В коллекции самые разные предметы — от тончайших рукоделий до чиновничьих и военных орденов колониальных времен. Будде дарят не обязательно самую ценную, но непременно самую дорогую для себя вещь.

Восточная, наиболее чтимая лестница берет начало в шумном квартале и по популярности не уступает южной.

У северного входа, обычно малолюдного, сохранились древние каменные перила в форме дракона-нага. Но они так плотно застроены лавками, что к ним не подступишься.

Западный вход отличается от остальных длинной колоннадой. На входной арке здесь можно увидеть любопытную надпись: «Благодарение БОК». Ее начертал английский нефтяной концерн «Бирма ойл компани», выкачавший из страны миллион фунтов стерлингов. Однако «благодарение», вероятно, не было принято небесами, и в начале 1963 года концерн был национализирован.

Три фундаментальных лифта сооружены у входов в Шведагон. «Чтобы старые и немощные тоже могли попасть на платформу пагоды», — говорится в путеводителе.

Самый большой лифт у западного входа безнадежно испортил неповторимый силуэт холма с пагодой.

Чтобы по-настоящему «прочувствовать» встречу со Шведагоном, нужно отказаться от комфорта подъемников и пойти пешком по лестнице, лучше всего — по самой длинной, западной, имеющей сто семьдесят пять ступеней.

Но вот лестничный туннель позади. Мы ступаем на мраморную платформу пагоды и останавливаемся, чтобы перевести дух. Не от усталости — от красоты. Яркая синева неба и блеск золота в первую минуту ошеломляют. К тому же отсюда, с платформы, открывается великолепная панорама города. Издали не видно мусора и нечистот, не чувствуется «дыхания» свалок и открытой канализации. Видна только щедрая зелень с вкраплением желтоватых пятен домов и изящных крыш монастырей на горизонте. На мгновение нас обдало приятной свежестью испаряющейся воды. Мраморные плиты быстро высыхали после утреннего «умывания» пагоды. Тут и там еще блестели теплые лужицы, тихо плескались под ногами. Везде безукоризненная чистота. Двор до блеска моют энтузиасты из различных религиозных обществ, состоящих при Шведагоне. Таких обществ около дюжины. Они делают добровольные пожертвования храму, снабжают

монастыри рисом, присматривают за навесами-дазаунами, ставят к ногам Будды сосуды со свежей водой, цветы и свечи.

Они же опекают небольшие храмы, обступившие главную ступу.

Все эти работы выполняются добровольно и безвозмездно.

Содержание пагоды требует немалых средств. И не было случая, чтобы их не хватило. При этом никаких комитетов по сбору денег нет — все делается добровольно. Во дворе пагоды тут и там стоят ящички для денежных пожертвований с объяснениями, куда пойдут собранные средства: на ремонт, позолоту или иллюминацию пагоды.

Есть в Шведагоне свой орган управления — совет девяти поверенных. Он выбирается из наиболее почтенных и благочестивых монахов. Впервые такой совет был избран сто лет назад, и с тех пор ведется строгая запись всех его членов.

Приехать в Рангун и не побывать в Шведагоне невозможно. Когда пагоду посещают высокие гости страны, об этом сообщается на первых полосах газет. Рядовые посетители уносят впечатления с собой, почетные — увековечивают их в памятной книге. Совет поверенных бережно хранит эти книги. На их страницах имена королей и принцев, президентов и премьер-министров, знаменитых ученых и выдающихся музыкантов.

Кто-то назвал главную ступу Шведагона «огненной пирамидой». Широкое подножие, колокол над ним и взмывающий ввысь шпиль действительно напоминают пламя.

Проходят недели, и начинаешь привыкать к великолепию пагоды, но первое впечатление от нее неизгладимо.

Главная ступа, высотой сто метров, сверху донизу покрыта золотом. Ее окружают семьдесят две золоченые пагоды. Между ними фигуры демонов, слонов, духов-натов — покровителей всего живущего на земле. Это культовое «ожерелье» покрыто мозаикой, позолотой и поражает своей разностильностью. Здесь же стоят щиты с изображениями животных — символов дней недели. Для моления каждый выбирает день, когда он родился. Низко, над самой землей, висят колокола. То и дело кто-то подходит и, взяв лежащую рядом деревянную колотушку, бьет в колокол. В народе есть поверье: если сделать пожертвование храму и трижды ударить в колокол, то желание сбудется.

От аромата цветов, дыма камильниц, протяжного и печального звона колоколов кружится голова. А вокруг бесчисленные статуи Будды — золотые, мраморные, алебастровые, яшмовые. Колоссальные и крохотные. Стоящие, сидящие, лежащие. Их бесстрастные лица и застывшая на века улыбка завораживают вас. Какая-то психологическая радиация исходит от изваяний божества, клишируемого в тысячных тиражах.

Кстати, Будда всегда один. Рядом с его статуей никогда не бывает изображений ни его матери, ни учеников, ни жены.

Шведагон — не только блеск драгоценностей. Это — Мекка буддистов. Сюда в надежде на чудо исцеления веками стекались потоки больных и убогих. Кто знает, нет ли среди молящихся больного проказой и сегодня? Увы, несмотря на успехи в здравоохранении, Бирма — страна, в которой все еще встречаются все болезни, известные на земле.

Никогда не иссякает поток паломников, приезжающих поклониться Шведагону. На широкой платформе пагоды всегда людно, но никто не спешит, не размахивает руками. Двигаются здесь неспешно, говорят негромко.

Монахи в оранжевых тогах монотонно читают тексты священных книг. Непонятные, тысячелетние слова, словно тайные знаки, истлевают в тишине.

Среди оранжевых одеяний мелькают иногда темно-коричневые. Это рясы отшельников. Если монахи могут в любое время покинуть монастырь, то отшельники обрекают себя на пожизненное заточение.

Застыли в глубоком поклоне молящиеся. Сколько их здесь, с неповторимыми судьбами и строем души!

В бирманских пагодах не бывает строго установленных во времени многолюдных богослужений, как в христианских церквях. Каждый приходит сюда, когда чувствует потребность побыть наедине со своими мыслями, чтобы, предавшись размышлению, освободиться от всего того, что в суете жизни загнано внутрь, спрессовано на дне души. И происходит удивительная вещь! Общедоступное, исхоженное место становится исповедальней для каждого, общезначимое делается сокровенным.

Молятся, сидя на земле, скрестив ноги или преклонив колени перед изваянием Будды. В руках часто держат цветок лотоса — символ очищения от греховных помыслов. Молятся по-разному: кто порывисто и истоиво, кто рассеянно и медлительно. Но все — искренне.

Вот молодая мать просит Будду послать исцеление ее ребенку, страдающему от лихорадки. Старик с внуком ставят зажженные свечи к фигурке ната. Не спеша проходит обрита наголо монахиня в светло-розовой рясе, неся на голове скромные пожитки; ее худые руки машинально перебирают перламутровые четки, висящие на тонкой сморщенной шее. Юноша, беспокойно оглядываясь, ищет кого-то глазами... Сидит на циновке пожилая женщина, курит черут. О чем она думает? О тщете красоты? Быстротечности жизни? Или о своей судьбе в будущем рождении? С трудом передвигаясь на изуродованных параличом ногах, ползет к храму калека. В тени дерева безмятежно спит человек...

Обычный день в Шведагоне.

Когда мы впервые пришли сюда и, зачарованные, бродили по платформе пагоды, к нам на чистейшем английском языке обратился пожилой бирманец и вызвался стать гидом — провести по самым примечательным местам, рассказать об увиденном. Мы охотно приняли его предложение.

Незаметно пролетели два часа. Мы порядком устали, когда наш добровольный экскурсовод спросил: «Хотите подняться наверх, к главной ступе?»

Я тотчас выразила желание идти. Однако он мягко, но решительно остановил меня: «Нет, нет! Вам туда нельзя! Женщины не подходят близко к ступам». И объяснил, что в системе буддийского мироздания женщина стоит на ступеньку ниже мужчины в бесконечной лестнице живых существ. Женщина ни в каком из следующих своих рождений не может стать Буддой. Лучшее, на что она может рассчитывать... родиться мужчиной. И только от этой «стартовой площадки» можно начинать приближение к божеству.

Это был первый наглядный урок иерархии, который преподал мне буддист.

Увы, я осталась внизу, а оба моих спутника, пройдя между маленькими храмами, поднялись к главной ступе.

Большие пагоды почти никогда не стоят в одиночестве. Они окружены маленькими пагодками, как курица цыплятами. Чем известнее пагода, тем больше вокруг нее возникает святынь. Не счесть таких «спутников» в Шведагоне. Подчас они выглядят как дешевые безделушки рядом с подлинной драгоценностью и портят простую и целомудренную красоту пагоды. Недавно был введен запрет на возведение в Шведагоне других святынь, но поздно: строгий архитектурный ансамбль уже засорен.

Много столетий хранит в своей памяти священная ступа. Когда она возникла? Кто ее построил? Какой была ее судьба? Десятки книг и сотни легенд отвечают на это по-разному. «Некогда на земле царили первозданный мрак и хаос, — рассказывает одна из легенд. — Однажды на вершине холма Тейнгоутера, где теперь стоит Шведагон, распустились пять прекрасных цветков лотоса. В каждом из них желтело монашеское одеяние. Золотая птица унесла их в небо. Пять желтых одеяний предвещали пришествие на землю пяти Будд, которые должны были принести миру мудрость и спасти его от хаоса». По преданиям, четыре Будды уже явились миру. И каждый оставил на земле какую-нибудь реликвию: Какутан — свой посох, Конагоун — ситечко для процеживания воды, Катала — кусок одеяния, Сиддхартха Гаутама — свои волосы.

О возникновении Шведагона хроники рассказывают так. В незапамятные времена два *брата*, Тапуса и Балика, купцы из Оуккалы, будущего Рангуна, приехали по своим торговым делам в Индию и встретили там самого Будду. Он сидел под баньяном, погруженный в глубокие раздумья. Купцы угостили его медовыми пирогами. В ответ Будда дал им восемь волос со своей головы.

Купцы решили привезти драгоценный дар к себе на родину и возвести над ним пагоду. Но по дороге четыре волоса были похищены. Сам владыка небес, король Сакка, сошел на землю, чтобы помочь отыскать исчезнувшие сокровища. Наконец, было найдено то место на холме Тейнгоутера, где, спрятанные под ломлен, лежали в шкатулке священные волосы. И рядом — реликвии прежних Будд — посох, ситечко и кусок одеяния.

В этот момент произошло чудо: немые заговорили, глухие услышали, хромы оставили костыли. И дождь драгоценных камней осыпал землю.

Реликвии были замурованы, и король Оуккалы повелел построить над ними пагоду.

Так Золотая ступа Шведагон стала наиболее почитаемой буддийской святыней.

Есть во дворе Шведагона старая, неприметная на вид пагодка. Если верить легенде, она древнее самой Золотой пагоды, ибо перед ней молился король Оуккалы, испрашивая у неба Позволения построить здесь пагоду над реликвиями всех четырех Будд. И там якобы явился ему Гаутама, обещав, что желание его исполнится.

В пагодке перед статуей Будды лежит черный круглый, отшлифованный, как ядро, «камень желания». Просящий склоняется перед божеством в глубоком поклоне, поднимает камень и шепчет: «Пусть исполнится мое желание!»

Говорят, если помыслы просящего чисты, а дело задумано доброе — камень покажется легким. Если замышляется что-нибудь недостойное или обреченное на провал — камень меняет вес, становится неподъемным.

Много раз достраивался Шведагон, прежде чем приобрел нынешний силуэт.

Старики говорят, что где-то в глубине кладки пагоды есть потайная камера, заполненная водой из реки Хлайн. На воде покачивается золотая лодочка, поднимаясь и опускаясь вместе с водой в реке в часы приливов и отливов.

Я вспомнила об этой лодочке, когда однажды просматривала материалы о Шведагоне в рангунском Институте культуры. Немного поколебавшись, я спросила об этом сидевшего рядом бирманца. Отложив книги и документы, которые он читал, мой сосед внимательно посмотрел на меня, с минуту помолчал, а потом начал рассказывать:

— Как вам сказать? Мне кажется, я ее видел в детстве собственными глазами. А было так: мы часто играли возле стен пагоды в прятки.

Однажды я решил выбрать такое место, где бы меня не нашли. Куда меня занесла эта ребячья выходка, не знаю. Помню замшелые, полуразбитые ступени, ведущие вниз, и крошечное отверстие в каменной кладке пагоды. Заглянув в «окошечко», я опешил. На темной спокойной воде внизу поблескивала маленькая золотая лодочка. А может, это мне показалось. Но почему-то я очень испугался и помчался назад. Долго искал дорогу, кричал. С трудом выбрался наверх ни жив ни мертв... Много раз потом я пытался вновь отыскать то место, но безуспешно...

Никто не может определить точно возраст Шведагона. Легенды относят появление пагоды ко времени жития Будды. Но первой документальное упоминание о ней встречается в XV веке. Тогда она была в пять раз ниже.

У колыбели будущей славы Шведагона стояли властители монского царства Пегу. За свою долгую жизнь пагода пережила несколько разрушительных землетрясений, пожаров. И всякий раз ее бережно восстанавливали, более того — достраивали, делая выше и великолепнее.

Одним из первых одел пагоду в золото монский король Бинья У.

Монские и бирманские правители много раз схватывались между собой не на жизнь, а на смерть. И лишь в одном они сходились — в заботе о Шведагоне.

Примеру Биньи У последовали его преемники. В историю пагоды золотыми буквами вписала несколько строк и единственная в истории Бирмы королева Шинсопу. Именно при ее жизни, в середине XV века, в облике пагоды появилось многое из того, что дошло до наших дней. Королева велела вновь покрыть Шведагон золотом, вес которого равнялся весу ее тела.

Чтобы лично наблюдать за ходом работ, она приказала заложить рядом с пагодой городок, в котором жила до последнего своего часа. Перед смертью королева попросила вынести ее на такое место, откуда она могла бы в последний раз взглянуть на свою любимую Шведагон.

Ее преемник, король Дамазеди, даровал пагоде бронзовый колокол. Шли годы, проходили столетия. Менялись короли, но все они не переставали заботиться о пагоде. В правление Алаунпаи пагоду вновь позолотили. В 1774 году она еще «подросла», теперь уже в последний раз король Синбьюшин, владыка Авы, надстроил пагоду до ее теперешней стометровой высоты, увенчал новым тхи и по примеру Шинсопу приказал покрыть ее золотом, вес которого равнялся весу его тела.

Через четыре года наследник Синбьюшина — король Сингу вновь позолотил пагоду и преподнес ей в дар шестнадцатитонный колокол Махаганда, что означает «мощный голос». В XIX веке король Таравади подарил ей другой гигантский колокол — сорокатонный. Оба они и сейчас стоят на подворье пагоды. Драгоценный нынешний тхи Шведагона — дар короля Миндона. Шел 1871 год. После двух войн с Англией от независимой Бирмы остался лишь «лоскут» на севере страны. Оттуда-то, из Мандалая, послал Миндон вниз по Иравади свой воистину королевский дар.

На торжества по случаю установки нового тхи стеклось в занятый англичанами Рангун столько народа, что население города удвоилось.

Ситуация сложилась непростая. Пагода стояла на земле, занятой англичанами, а новый тхи прибыл с последнего оплота независимой Бирмы. Колонизаторы заколебались. Что делать? Отменить или отсрочить торжества? Но речь шла о буддийской святыне, а потому любые проволочки могли привести к антибританским выступлениям.

Торжества были проведены с большой пышностью, в присутствии ста тысяч человек. Но, увы, без дарителя.

Тхи короля Миндона и сегодня венчает Золотую пагоду. Сказочное сокровище, он состоит из семи золоченых колеи, десятиметровой высоты, инкрустированных драгоценными камнями. Заканчивается тхи шпилем из позолоченного серебра высотой четыре с половиной метра. На вершине шпиля установлен флюгер, а еще выше — «алмазный бутон» — сейнпью.

Вращаясь на ветру, флюгер сверкает сотнями бриллиантов, рубинов, изумрудов. Вместе с ним вращается сейнпью — золотой шар диаметром в четверть метра, также инкрустированный тысячами самоцветов.

Тхи Шведагона, как бахромой, унизан золотыми и серебряными колокольчиками. Их более полутора тысяч. Малейший ветерок — и над пагодой плывет ни с чем не сравнимый мелодичный звон. Но услышать его можно лишь ночью, когда стихает городская суета.

Уверяют, что только на изготовление флюгера и «бутона» пошло тридцать килограммов чистейшего золота.

Люди почитают, берегут пагоду, но стихия не знает жалости даже к святыням. Муссон и землетрясения — беспощадные враги храмов. Шквальные ветры и потоки ливней смывают с них позолоту, отрывают золотые листки, а толчки земли покрывают трещинами.

От капризов стихии страдает чаще всего сферическая часть ступы, расположенная под тхи. А поскольку она труднодоступна и ее сложно ремонтировать, на Шведагоне эта

уязвимая часть конструкции покрыта не сусальным, а листовым золотом. Так решил совет поверенных в 1900 году. Несколько тысяч золотых пластин размером тридцать на тридцать сантиметров было уложено в верхней части пагоды высотой шестнадцать метров. Остальную часть ступы покрыли сусальным золотом.

Буддизм — религия, считающая самым тяжким грехом лишение кого-либо жизни. Но она была бессильна предотвратить кровавые войны с иноземными захватчиками, которые пережила Бирма.

Древний холм, где стоит Шведагон, не раз был немым свидетелем драматической борьбы бирманского народа за свое освобождение.

Здесь, у подножия пагоды, проходили первые студенческие волнения и антиколониальные выступления. Здесь в январе 1946 года собрался съезд Антифашистской лиги народной свободы, решительно потребовавший предоставления стране полной и немедленной независимости и подготовивший конференцию в Панлонге, где было решено создать суверенное государство — Бирманский Союз.

Неподалеку от Шведагона есть еще одно священное для каждого бирманца место — Мавзолей мучеников. Здесь погребены первый президент независимой Бирмы — генерал Аун Сан и семь его соратников, предательски расстрелянных в 1947 году. Восемь одинаковых надгробий. Только по количеству цветов можно узнать, где могила Аун Сана: там их чуть-чуть больше. Два века — две святыни.

ГНЕВ ПОБЕЖДАЙТЕ ЛЮБОВЬЮ, ЗЛО — ДОБРОМ

В Бирме девяносто процентов населения исповедуют буддизм, остальные жители — христиане, индуисты и приверженцы традиционных анимистических верований.

Более двух с половиной тысяч лет назад, повествуют хроники, в Лумбини, на юге Непала, в семье знатного владыки родился сын — Сиддхартха Гаутама, которому на роду было написано стать Буддой. Вокруг жизни Гаутамы скопилось столько легенд, сколько пылинок на его древних статуях.

Принц был силен, мужествен, прекрасен. Побеждал в атлетических состязаниях. И отец, гордясь им, мечтал видеть его непобедимым полководцем, который покорит и объединит всю Индию.

Но этим мечтам не суждено было сбыться... У принца было мягкое, доброе, легкоранимое сердце и склонность к размышлениям. Вместо того чтобы взять в руки разящий меч, он надел монашескую тогу, а войнам предпочел проповеди.

До двадцати девяти лет Гаутама беззаботно жил в отцовском дворце, не ведая, что за его высокими стенами есть другой, большой и неустроенный мир, полный несчастий. Его женили, он стал отцом, и, казалось, ничто в мире не могло изменить уготованного ему пути.

Но пришел день, который перечеркнул всю прежнюю жизнь Гаутамы. В этот день он повстречался с дряхлым нищим стариком, увидел больного проказой и труп, пожираемый грифами. Так узнал принц, что в мире царят нищета, болезни и смерть. Осознал, что он тоже смертен.

Потрясенный увиденным, Гаутама задумал оставить отчий дом и уйти в пустыню, чтобы вдали от суеты попытаться понять, в чем смысл жизни. Во имя чего люди рождаются? Отчего они страдают и как помочь им, как «вывести их за пределы скорби»? Решение уйти от мира окончательно созрело у Гаутамы после рождения сына, ибо он понимал, что это событие еще больше привяжет его к дому и, чем дальше, тем труднее ему будет преодолеть себя. Перед уходом Гаутама кинул последний взгляд на спящих дорогих ему людей — жену и сына. Страшно трудно было покинуть их, но он ушел.

Мечом отсек свои длинные волосы, так как отшельнику не подобает носить такие. Снял с себя роскошные одежды и, встретив на дороге бедного человека, одетого в простое платье, окрашенное шафраном, обменялся с ним одеждой.

Семь долгих лет провел Гаутама в скитаниях. Изведал аскетизм, истязание плоти и отверг их. Постиг премудрость брахманистской религии и не принял ее. Он искал истину. Искал ее в людях богатых и бедных и не нашел. Обратился к природе, но и она не дала ответа.

Неудачи преследовали Гаутаму. От него отвернулись ученики. Но он не впал в отчаяние и продолжал поиски.

Истину — дхарму — он нашел в своем сердце. Она открылась ему во сне, когда однажды, утомленный размышлениями и длительным постом, он уснул в тени баньяна. Тогда он понял, что каждый носит истину в своей душе, но далеко не каждому она открывается, ибо свет человеческой души меркнет от грехов и невежества. Так в чем же истина?

Если не вдаваться в сложную догматику религиозной доктрины, сущность ее в следующем.

Человека разрушают пагубные страсти — злоба, зависть, корысть... Находясь в постоянном разладе с собой, он мечется между беспредельными желаниями и ограниченными возможностями. Чем больше человек имеет, тем больше ему хочется. Источник счастья надо искать не в гонке за иллюзорными благами, а в душевной гармонии. Самое мудрое состояние души — покой, созерцание.

Ничто в мире не исчезает, учит буддизм. Смерти нет, есть перевоплощение. Человек кончает одну жизнь, чтобы родиться вновь, в новом обличье. Каждое живое существо проходит через длинную цепь перерождений. У каждого позади множество прожитых, а впереди — предстоящих жизней.

Жизнь подобна великой бесконечной лестнице, на самом верху которой лежат совершенство и счастье. На нижних ступенях этой лестницы находятся животные, выше — человек. Все живущее стремится вверх, но, увы, иногда срывается и снова оказывается несколькими ступеньками ниже.

Судьбу человека определяет его карма (что буквально означает деяние). Это как бы сумма всех добрых и злых поступков, совершенных им в предыдущей жизни. Человек несет ответственность за грехи. И хотя он не помнит своего прежнего существования, «капелька прошлого всегда живет в нас», — говорят буддисты.

Карма — это возмездие за грехи и награда за добродетель. Праведник будет в новой жизни еще счастливее и богаче. Грешник же родится жалким бедняком, а возможно, перейдет в разряд низших существ — станет собакой, змеей или ничтожным дождевым червем.

Великого закона изменчивости никто не может избежать. даже Будда. Ведь прежде чем родиться Гаутамой и достичь нирваны, он приходил в мир в пятистах пятидесяти обличьях и с каждым рождением совершенствовался.

Итак, чтобы приблизиться к нирване — состоянию блаженного небытия, совершенствуйся! Не ропщи, не желай, не греши, не завидуй...

Открыв для себя истину, Гаутама отправился по свету проповедовать ее, за что был назван людьми Буддой, то есть Просветленным.

Учение Будды было зафиксировано письменно после его смерти. В Бирме вам скажут: буддизм — не религия, а философское учение, а Будда — не бог, а Первоучитель, высочайший образец для подражания. Никто не спускался с небес, чтобы открыть ему истину. Он выстрадал ее сам. Мучился, сомневался. И, найдя истину после стольких страданий и ошибок, завещал ее людям, чтобы путь к совершенствованию стал для них легче, чем был для него самого.

Заблуждающийся и слабый, Будда сделал себя совершенным. И это под силу каждому, кто будет соблюдать завещанные им миру законы.

Сострадание — первый шаг к мудрости, учит Будда. А любовь и милосердие — рычаги, на которых держится мир. Будда не грозил карой тем, кто не хотел следовать его учению, и не сулил легкой жизни своим последователям. Так скажут вам в Бирме.

Да, Гаутама был смертен. Но его чтут как бога. Останки его после кончины погребли в разных странах.

В чем же была притягательность буддизма? Почему он распространялся от страны к стране? Потому что он лишал людей страха перед смертью, вселял в них надежду на лучшую жизнь. Возникнув как реакция на сложную символику брахманизма, буддизм стал религией обездоленных, понятной и доступной каждому. Как и любое реформаторское течение, вначале он был относительно демократичен. Буддизм не делил людей на касты, как брахманизм, а признавал равенство всех перед небом — и богача и нищего.

Но в то же время буддизм призывал к пассивности. Его заветы — не ропщи, не желай — были на руку правящим классам. Никто не виноват, если ты бедствуешь, а рядом сосед живет хорошо. Значит, ты наследовал дурную карму. Но карму можно улучшить добрыми поступками, и тебе воздается в будущей жизни.

Все тленно, учит буддизм,— богатство, власть, положение в обществе. Земные привязанности человека исчезнут со смертью его тела. Вот почему монах стремится убить в себе все привязанности, заменив их состраданием ко всему живому на земле.

Так поступил и Будда, уйдя из дома. И только когда страсти в нем остыли, он позволил себе снова увидеть жену и сына.

Жена была в отчаянии долгие годы: мир приобрел великого учителя, а она лишилась мужа и отца своего ребенка. Слабая женщина, она роптала на судьбу. В этом-то и различие между мужчиной и женщиной. Будда никогда не говорил, что женщина — существо низшее. Просто она не умеет владеть собой, управлять своими страстями, как мужчина.

В характере бирманцев — никогда не вмешиваться в дела других людей. Каждый отвечает за себя. Превыше всего личная свобода и терпимость к окружающим.

Бирманцы говорят: «Если чьи-то взгляды или привычки отличаются от ваших собственных, это не значит, что они дурны».

Есть еще одно прекрасное нравственное правило: «Будьте вежливы с другим не потому, что он этого заслуживает, а потому, что этого заслуживаете вы». Не правда ли, мудро?

Умейте быть терпеливым, стойко переносить все жизненные тяготы. Спокойное, почти невозмутимое отношение к развитию событий — в природе бирманцев. Да, мир несовершенен, признают буддисты. Но он плох потому, что плохи люди. Не мир надо переделывать, а прежде всего самого себя!

Еще недавно вся жизнь бирманского общества регулировалась религиозными канонами. И только в последние годы наметился процесс постепенного отхода от некоторых многовековых традиций.

Конституция 1974 года дала гражданам страны свободу вероисповедания, а также право... не исповедовать никакой религии. Церковь была отделена от государства. Появились даже случаи отказа от временного послушничества в монастыре. Правда, пока довольно редкие.

Один наш знакомый, преподаватель рангунского колледжа, как-то сказал:

— Миллионы людей веками позволяли невежеству отравлять свою душу. В мире не так много любви и благодати, чтобы расточать их воображаемым существам — богам. Я думаю, что ни одна религия не содержит в себе истины. Все они родились из страха перед нуждой и смертью.

ПОУНДЖИ — «ТОТ, КТО УВАЖАЕМ В НАРОДЕ»

Наголо бритая голова, босые ноги в резиновых сандалиях, прижатая к груди черная пузатая чаша для подаяний — таков неизменный облик бирманских монахов — поунджи. Керамическая или бамбуковая чаша-тапейт — один из символов бескорыстия поунджи.

Как тысячу лет назад, выходят поунджи из ворот монастыря спозаранку на каждодневный обход соседних домов. Иногда поодиночке, иногда выстроившись в длинный молчаливый ряд. Один за другим. Похожие как две капли воды. Голова опущена долу, глаза устремлены вниз, Кто они? Кем были вчера, неделю, месяц назад?

Вот один из них останавливается перед домом «своего» участка. Долго он не ждет. Постоит минуту и идет дальше. Не говоря ни слова. Зачем? За него говорит тапеит в руках.

Почти всегда в доме уже ждут его прихода, чтобы поднести свою долю риса и овощей. Ну а если хозяина нет на месте, пусть пеняет на себя: упустил шанс совершить добрый поступок.

Молча и безучастно принимает поунджи дар. Тем самым он учится покорности и вместе с тем воздаст честь дарующему, никогда не интересуясь, кто и сколько дает. Каждый волен дать сколько может и хочет. Получив подавание, поунджи так же молча отходит. Ни слова благодарности, ведь он не нищенствует. Принимая подношение, поунджи не только не чувствует унижения, но, напротив, радуется тому, что дал возможность дарующему сотворить добро.

Ворота монастырей открыты для всех. Есть в Бирме неписанный закон: каждый юноша обязан какое-то время прожить в монастыре.

В Европе священник — это представитель бога на земле, облеченный духовной властью. В буддизме в отличие от христианства священников нет. Все их обязанности выполняют монахи: совершают обряды, читают молитвы на празднествах. Если надо освятить новый дом, дать имя новорожденному или совершить обряд погребения, приглашают монаха и вознаграждают его рисом, одеждой.

У христиан постричься в монахи означает навсегда порвать со светской жизнью, посвятить себя богу. В Бирме монахи могут в любой час вернуться к мирской жизни.

Буддийские монахи — не служители церкви и не посредники между богом и людьми. Монашеская община — сангха — это добровольное братство людей, решивших жить так, как жил их Великий учитель.

Пребывание в монастыре — личное дело человека, его поиски пути к спасению. В монастырь приходят, чтобы поразмышлять над священными книгами, жить по заповедям Будды. При этом монахам не запрещается общаться с другими людьми. Они даже могут ходить в гости, но только до наступления сумерек. С заходом солнца они обязаны вернуться в обитель.

В свое время Будда в поисках истины познал и отверг две крайности: излишества и аскетизм, признав единственно верным путем мудрую воздержанность, смирение, физическую и нравственную чистоту.

Монахи — не отшельники и не аскеты. Они никогда не переедают, но и не должны голодать. Должны прилично и удобно одеваться, но без излишеств. Заботиться о здоровье, чтобы недуги бременного тела не мешали душе сосредоточиться.

Комфорт и роскошь глубоко чужды монаху. Одежда нужна ему лишь для того, чтобы скрыть наготу, крыша над головой — чтобы уберечь от непогоды, еда — чтобы поддержать жизнь. Жить в монастыре — значит совершенствоваться. Мысли монаха должны быть чисты, как, впрочем, и тело. Он не должен подавать повода к осуждению ни своим внешним видом, ни поведением. Если же святость монаха взята под сомнение, то ему лучше покинуть монастырь и вообще те места, где он жил.

Монах не оскверняет рук деньгами. Он не имеет собственности, живет только подаваниями. Самые необходимые вещи он получает в монастыре от настоятеля — саядо: оранжевый тинган (тогу), чашу-тапеит, зонт, веер, иголку, бритву и... ситечко.

Следуя первой заповеди — «не убий», поунджи, прежде чем напиться, обязан процедить каждый глоток воды, чтобы ненароком не проглотить какую-нибудь невидимую мошку.

В монастыре послушники соблюдают десять основных заповедей буддизма: не убий, не укради, не лги, не проводи время в лени, не прелюбодействуй, не пей одурманивающих напитков, не касайся денег, не принимай участия в игрищах, не веди праздных разговоров, не используй косметики.

Дома, в быту буддист соблюдает пять первых заповедей. При этом никто никого ни к чему не принуждает. Каждый сам находит путь к спасению.

Жизнь в монастыре строго регламентирована. Сегодня, как вчера. Завтра, как сегодня. В пять утра — подъем, туалет и первый поклон Будде. В шесть — чай без сахара и поход в город за подаванием.

Монахи едят один раз в день, до полудня. Все остальное время — для размышлений, созерцания и общения с Буддой.

БОЙСЯ КОРОЛЯ, ДИВИСЬ МУДРОМУ, НО ПОЧИТАЙ МОНАХА

Почитание монахов у бирманцев в крови. Достаточно надеть оранжевый тинган, чтобы сразу стать уважаемой персоной. Еще вчера человек жил, как все остальные. Но стоило ему облачиться в священные одежды, как он стал иным, даже в глазах своих ближних. Отныне на нем отсвет величия и мудрости Будды.

Но «не все золото, что блестит». Иной раз оранжевая тога не делает лучше того, кто ее носит. Нередко мне приходилось видеть такую сценку. В автобус входит монах, юноша. Ему тут же уступают место, и он, не колеблясь, садится, хотя рядом стоит старуха или женщина с ребенком.

А всегда ли соблюдаются заповеди «не касайся денег», «не участвуй в забавах»? Вот закончился сеанс кино. По улице растекается людской поток, и в нем непременно мелькнет оранжевое пятно. Но это еще куда ни шло. Гораздо хуже другое.

Никто не знает, сколько преступников укрылось от рук правосудия за монастырскими стенами. Монастыри рассыпались по стране, как маковые зерна. В любой можно войти, когда пожелаешь. Не правда ли, превосходная лазейка для преступников? Ворота монастыря закрылись. Камешек упал, волны разбежались в стороны, и снова спокойствие. Попробуй найди камешек, лежащий на дне!

Врожденное уважение к монахам иногда бывало причиной курьезных ситуаций. Известный датский путешественник и фотограф Йорген Бич описывает такой случай. Ему страстно хотелось увидеть и сфотографировать длинношеих женщин из племени падаунов, живущих в горах на северо-востоке Бирмы. С большими трудностями он добрался до цели путешествия, но снимка так и не сделал. «Женщины-жирафы» упорно прятались от объектива. Между тем срок его визы истекал. Тщетно просил И. Бич бирманский МИД о ее продлении.

Тогда кто-то полушутя посоветовал ему «постричься в монахи». Йоргену обрили голову, облачили в тогу. И теперь местным властям, прекрасно знавшим, что в монастыре находится иностранец с просроченной визой, ничего не оставалось делать, как склонить голову перед новоявленным монахом. Так своеобразно решился вопрос с визой. Быстро и без волокиты.

ОЧИСТИ МЫСЛИ ОТ МИРСКОЙ СУЕТЫ

Когда окончилась третья англо-бирманская война и был низвержен последний король Тибо, завоеватели обратились к населению Бирмы с посланием, начинавшимся словами: «Всем монахам, чиновникам, владельцам земли...»

Заметили? Монахи на первом месте. Несмотря на то, что, казалось бы, светские дела их не касаются.

Но как говорят, всякий светильник отбрасывает тень. И чем он больше, тем длиннее тень. Так, буддийская община — сангха, пользуясь своим влиянием, не раз

вмешивалась в мирские дела. Жизнь невероятно сложна, ее не втиснешь в догматы буддизма. Казалось бы, сангха и политика — два полярных, непримиримых понятия. Однако в действительности одно тесно связано с другим. В начале XX века сангха начала активно влиять на политическую жизнь в стране. Именно она стала инициатором антиколониального движения в Бирме. В ее недрах зародилась буддийская ассоциация молодежи, борющаяся за национальную независимость страны.

Есть в Рангуне тенистая улица, носящая имя монаха У Виса-ра. На зеленом, аккуратно подстриженном газоне высится белый постамент с невысокой худощавой фигурой в тоге. Пламенный патриот, человек сильной воли и решительных поступков, монах У Висар был заточен в тюрьму за антиколониальную агитацию и умер в английском застенке после длительной голодовки протеста.

Вплоть до прихода к власти военных в марте 1962 года и создания Революционного совета сангха оказывала давление на политиков и во многом предreshала исход политических выборов.

К слову сказать, поунджи не оставались безразличными даже... к капризам моды. Когда в пятидесятых годах бирманки начали носить тонкие, прозрачные нейлоновые блузки, монахи выступили с протестом.

Немалую роль сыграли поунджи в волнениях, вспыхнувших в Рангуне в 1974 году в связи с похоронами бывшего генерального секретаря ООН У Тана. Студенты решили, что хоронить на обычном городском кладбище человека столь высокого ранга недостойно. Подстрекаемые монахами, они похитили гроб и установили его в мавзолее, который построили своими силами на территории университета.

События приняли тогда драматический оборот. Несколько дней город лихорадило. Прекратились занятия в учебных заведениях, закрылись магазины, на улицах замелькали военные патрули. Наконец полиции удалось перенести останки У Тана на кладбище и там захоронить.

После 1962 года влияние сангхи в общественной жизни страны постепенно пошло на убыль. Новое правительство, объявив о своем минимальном вмешательстве в дела религии, дало понять духовным властям, что намерено решительно ограничить их влияние во всех сферах жизни, особенно в политике.

В отношениях между сангхой и Революционным советом возникла натянутость. Она усугубилась после того, как правительство объявило о роспуске буддийской организации «Будда сасана каунсил», а вслед за тем издало постановление об обязательной регистрации всех религиозных общин.

В Бирме целая «армия» монахов. А если учесть, что они не работают и живут за счет подаяний, то становится очевидным, какое это тяжкое бремя для экономики страны.

Правительство открытым текстом обратилось ко всем монахам с предложением воздержаться от какой бы то ни было политической деятельности.

Когда же Революционный совет обнародовал свою программу «Бирманский путь к социализму», начались демонстрации протеста буддистов в Верхней Бирме, особенно в Мандалае. Члены сангхи обвинили власти в том, что они уделяют буддизму гораздо меньше внимания, чем социализму.

Но новая власть не отступила. В начале семидесятых годов она отважилась еще потеснить позиции религии. По стране прошли дискуссии на тему: «Век научно-технического прогресса и отживающие религиозные концепции». Это было неслыханным шагом.

Однако религия в Бирме пустила слишком глубокие корни. Столетиями, изо дня в день люди благоговейно преклоняли колени перед изваяниями божества во дворах пагод, и изменить психологию людей одним росчерком пера было невозможно.

И все же сегодня в духовной сфере бирманского общества намечаются сдвиги — пересмотр традиционного мировоззрения, связанного с буддизмом.

..ЛИШЬ ПРЕОДОЛЕВ ПАГУБНЫЕ СТРАСТИ, СТАНЕШЬ СВОБОДНЫМ...

Еще роса лежит на траве, заря только занимается, а Рангун уже на ногах. В шесть часов утра торговля на рынках в самом разгаре. Поэтому лучше встать пораньше, пока не привяли овощи, а мясо и рыба сохранили свежесть. Потом разгорится неистовый день, станет жарко, прибавится запахов, а значит, и мух. Хозяйки в Бирме покупают продукты понемногу и каждый день, так как у большинства пока нет холодильников.

На базаре — все дары земли и моря. Лежат горки рыжих колючих ананасов, сочные мандарины в шершавой, легко отходящей кожуре, маслянистые манго, бледно-желтые плоды папайи. Пучки молодых бамбуковых побегов, начиненных рисом и похожих на длинные свечи.

И рядом с ними — такие «домашние», привычные картофель, капуста, баклажаны, морковь.

В мясных рядах висят на крючьях громадные туши. Мясо, что выдается за говядину, на деле часто оказывается буйволятиной — жесткой и волокнистой.

Зато в рыбных рядах раздолье! Чего тут только нет? Деликатесная «баттер-фиш» (масляная рыба), морские окуни с выпученными глазами, плоские рыбы-сабли, огромные тунцы, сизые полупрозрачные кальмары, креветки всех калибров.

Торговки сидят на прилавках, посреди живой, еще шевелящейся серебристой груды. Ловким движением они вспарывают рыбе брюхо, очищают от внутренностей и кидают на весы.

Кстати, основной мерой веса в Бирме тогда был не килограмм, как принято везде в мире, а «вис» — тысяча шестьсот граммов. Но не только снедью знаменит рангунский рынок. Здесь вам предложат всевозможную хозяйственную утварь, плетеную из бамбука, ювелирные изделия, зонтики ручной работы, веера, статуэтки из тика и слоновой кости. Здесь же, рядом с торговыми рядами, разместились мастерские портных, гончаров, корзинщиков, резчиков по дереву, ювелиров.

Купить что-нибудь на восточном базаре не так-то просто. Здесь не продают сразу, а договариваются о цене. Независимо от того, что вы собираетесь купить — жемчужные серьги или рыбу к обеду.

Бирманцам, а точнее, бирманкам, ибо их больше на рынках, доставляет истинное удовольствие сам процесс купли-продажи. Торговать означает для них сочетать полезное с приятным.

Очаровательные продавщицы, владелицы небольших лавок, никогда не скучают. Они обмениваются новостями друг с другом, охотно вступают в разговор с покупателями.

Со временем я открыла для себя, что продавцы рангунских рынков делят покупателей на несколько категорий.

В первую входят иностранцы. Им предлагают товары по баснословно высоким ценам.

Затем бирманцы, но покупающие не для себя. Это могут быть служащие посольств и резиденций или повара местных богатых семей. С этих тоже можно получить подороже: хотя они и «свои», но платят не из собственного кармана, а потому не очень скупаются.

И наконец, рядовые покупатели, жители города. Те прекрасно знают, что почем. Но и в этом случае опытный продавец улавливает едва заметные нюансы. Окидывая взглядом покупателя с ног до головы, он безошибочно определяет, кто чего стоит. Отсюда и разница в цене за один и тот же предложенный товар.

Скоро я поняла, что не торговаться на бирманском базаре грешно. Как ни странно покажется, но, если продавец сразу получает плату, которую запросил, он бывает... разочарован. Конечно, деньги он положил в карман, а вот удовольствия от игры не получил. Торговля — та же игра. Каждая сделка, как ставка в лотерее. Кто окажется в выигрыше?

К этому не сразу привыкаешь. Дома, в Праге, приходишь в магазин и платишь, что положено. Никому и в голову не придет торговаться. Цены твердые. А здесь совсем иначе: если заплатишь сразу — потеряешь уважение. Поторгуешься — все равно заплатишь больше других, но уже будешь выглядеть в глазах «оппонента» лучше.

— Сколько? — небрежно задаешь вопрос, не высказывая никакой заинтересованности в товаре.

— Двадцать кьят,— звучит ответ.

Затем пауза. Минута изучающего ожидания.

Скептически улыбнешься, пожмешь плечами:

— Так дорого?.. Десять!

Продавец смеется — игра началась. В нее включаются владельцы соседних лавок, естественно болеющие за своего собрата.

— Двадцать кьят,— настаивает продавец, но уже не столь категорично.

— Двенадцать! — парируешь ты.

— Ну хорошо, девятнадцать! — чуть уступает он.

Отрицательно качаешь головой, делаешь вид, что уходишь, и тут же слышишь: «Восемнадцать!»

«Что ж, неплохо!» — думаешь про себя, а вслух произносишь:

— Четырнадцать!

— Нет, окончательная цена — семнадцать пятьдесят. Наконец платишь семнадцать кьят и, довольная, уходишь, хотя знаешь, что реальная цена купленной вещи не более десяти кьят.

И точно. За спиной раздается дружный взрыв хохота. В нем нет насмешки; просто партия закончилась, и торговый люд неплохо развлекся. Поэтому и ты отвечаешь дружелюбным, понимающим смехом. Расстаемся друзьями. А рядом уже начинается новый спектакль.

ЕСЛИ ИМЕЕШЬ ДЛЯ ОБМЕНА РИС, МОЖЕШЬ ПОЛУЧИТЬ МАСЛО

Если вам когда-нибудь доведется быть в Бирме 4 января, то в половине пятого утра вас непременно разбудят звон колоколов, удары гонгов, гудки пароходов и фабрик. Именно в этот день в 1948 году Бирма обрела независимость. Столь неудобный, ранний час для торжества был выбран астрологами по договоренности с тогдашним президентом страны У Ну.

В тот памятный день английский губернатор покинул страну. С древка над крышей дворца сполз ненавистный «юнион джек», и в небо устремился красный флаг с шестью звездами — флаг суверенной республики Бирманский Союз. Люди на улицах обнимали друг друга и, взявшись за руки, впервые открыто пели гимн «Навеки это наша страна».

Свобода не упала с дерева, не была дарована свыше. Она была завоевана бирманским народом в длительной и кровавой борьбе. Ко дню независимости Бирма пришла разоренной, война отбросила ее экономику на много лет назад. Уровень производства на душу населения был в двадцать раз ниже, чем в Англии.

У магазинов, где по карточкам выдавали скудный паек, выстраивались длинные очереди. Мгновенно, как плесень после дождя, вырос «черный рынок». Начались спекуляция, грабежи, бандитизм. К экономической разрухе прибавилась политическая нестабильность, вспыхнула гражданская война.

В обстановке острого кризиса 2 марта 1962 года к власти пришла армия, возглавляемая генералом Не Вином.

Революционный совет опубликовал декларацию, в которой были записаны пророческие слова национального героя Бирмы Аун Сана: «Единственный путь развития Бирмы — путь социализма».

Правящей партией в стране стала Партия бирманской социалистической программы.

Государство взяло в свои руки транспорт, связь, энергетику; национализировало банки; ввело монополию на производство и экспорт риса, каучука, тика; приняло законы против ростовщичества и крупных землевладельцев. Сделано было немало. И все же Бирма в середине шестидесятых годов переживала серьезные экономические трудности. Реформы правительства саботировала внутренняя реакция.

В то время в Рангуне почти не было магазинов. Тут и там зияли удручающе пустые витрины.

Существенно сократились посевы риса, подскочили цены на продукты. Люди еще раз убедились в мудрости старого изречения: «Если у тебя есть рис для обмена, можешь получить масло». Но не хватало ни риса, ни масла.

Ведя наступление на частный капитал, власти поспешно национализировали всю розничную торговлю. Закрыли тысячи мелких ланок, мастерских. В итоге два миллиона человек оказались не у дел. Возникли перебои со снабжением населения. Правда, власти позднее признали перегибы, и большинство торговых заведений было возвращено прежним владельцам.

Несмотря на это, в самом центре Рангуна продолжал открыто действовать «черный рынок». Там можно было купить все — от транзисторов и велосипедов до лекарств и детских игрушек. Правительство пыталось заменить прежнюю частную торговлю институтом «папак» — народных продавцов в государственных магазинах. Но они не привились.

Итак, частные магазины закрылись. Постепенно истощились и рынки. Когда и базарные торговцы распродали последние товары, осталось лишь сопровождаемое неизменной улыбкой «мушибу» — «нет, не имеем».

Уцелел лишь ассортимент изделий прикладного искусства — лаковые шкатулки, перламутровые светильники, низкие тиковые столики, деревянные статуэтки (среди которых встречались уникальные работы подлинных мастеров), глиняные чаши, бамбуковые циновки и прочая домашняя утварь. Продолжали функционировать и ювелирные лавки, принадлежавшие, как правило, богатым китайцам. Вот, пожалуй, и все, что мог предложить вам рангунский рынок. Но ведь этим сыт не будешь.

Где брать масло, без которого немислима бирманская кухня? Как добыть сгущенное молоко, с которым привыкли пить в Бирме крепкий чай? Да, по карточкам. Но на семью полагалось всего две банки консервированного молока в месяц.

В те нелегкие для Бирмы годы банки сгущенного молока, выдаваемые по лимиту в рангунских магазинах, означали для нас встречу с домом. Консервы с этикетками, испещренными кружочками бирманского алфавита, составляли существенную долю продукции чехословацкого молочного завода в Глинске.

СУЛЕ — СТАРОЕ СЕРДЦЕ РАНГУНА

В полдень, когда в Рангуне наступает нестерпимая духота, улицы словно вымирают: все живое прячется в тень. А к вечеру они вновь оживают. Рангунцы любят прийти в центр города, где на площади Генерала Бандулы у гранитного обелиска Независимости бьют подсвеченные фонтаны и цветут орхидеи в открытых оранжереях.

Со всех сторон площадь обступили банки, министерства, редакции газет. Стоят выстроенные еще англичанами здание Верховного суда, Дворец губернатора, муниципалитет. Теснятся жилые четырехэтажные дома в претенциозном викторианском стиле. Устремила ввысь узкие минареты мусульманская мечеть.

А посреди этого чужеродного разностилья сияет золотой восьмигранной крышей древняя бирманская пагода Суле. Легенда уверяет, что пагоде этой две тысячи триста лет, что ее воздвигла еще миссия индийского короля Ашоки. Зажатая со всех сторон в самом

сердце Рангуна, Суле не имеет обширных площадей, как ее менее известные сестры. Ей досталась лишь крытая галерея, опоясавшая центральную ступу.

Суле — оазис тишины среди шумного современного города. v Транспорт двумя интенсивными потоками обтекает ее с двух сторон, чтобы затем вновь соединиться в один.

Жемчужина национального храмового зодчества, Суле слишком на виду, к ней привыкли. Мимо нее ежедневно проходят, спешат по делам жители столицы, подчас не замечая ее, как воздух, которым дышат. Не знаю отчего, но бирманцы в праздники предпочитают подняться по длинной лестнице к платформе Шведагона, чем преодолеть несколько ступенек, ведущих к Суле.

Близился полдень. Солнце затопило город зноем, а от входа в Суле веяло свежестью. Каменные плиты двора вымыты холодной водой, поэтому мы с удовольствием снимаем обувь у входа — влажные плиты охлаждают набегавшиеся по жаре ступни.

Там, по ту сторону, осталась раскаленная, загазованная улица. Здесь спокойствие и прохлада. Там — мирская суета, здесь — тишина, настраивающая на размышления. В воздухе удивительная смесь запахов горящих свечей и цветов лотоса, положенных к подножию статуй Будды.

Умиротворяющую тишину не нарушали ни звуки клаксонов, ни скрип тормозов мчащихся автомобилей. Ничто не отвлекало нескольких коленопреклоненных молящихся.

Но достаточно было спуститься на несколько ступенек, как мы снова окунулись в нестерпимый зной и грохот улицы. Можно было обуться, но горящие от жары ноги решительно отказывались влезать в туфли. Ничего не оставалось делать, как сдаться и, подхватив туфли, втиснуться в крошечную трехколесную оранжевую коляску под названием «такси» — нечто среднее между автомобильчиком и детской игрушкой.

ТРИ КОЛЕСА НА ЧЕТВЕРЫХ

Кажется, стоит протянуть руку — и без труда можно перевернуть это «чудо» японского производства.

Миниатюрный кузов на трех колесах вмещает два сиденья, на два пассажира каждое. Прямо с дороги ступаешь на низкий, почти цепляющий землю пол такси и усаживаешься, стараясь не удариться о нависшую над головой крышу. Во время дождей вход в коляску занавешивается циновкой.

Ядовито оранжевая окраска, вероятно, помогает водителям автобусов и грузовиков вовремя заметить в транспортном потоке это крошечное создание и затормозить, чтобы не раздавить его, как букашку.

Такси затряслось на совершенно ровном асфальте и затрусило к перекрестку. Но тут неожиданно загорелся красный свет, и в ту же секунду позади возник громадный автобус. Мы беспомощно взиралн на приближавшийся перегруженный автобус, который беспечно катил вперед, словно и не собираясь останавливаться. Тормоза рангунских машин вообще, мягко говоря, немелодичны, а в тот момент их скрежет показался нам погребальным звоном. «Не остановится!» — мелькнула мысль.

Остановился, почти коснувшись нас.

А водитель автобуса с лицом оливкового цвета с высоты своей кабины добродушно улыбнулся, увидев мои застывшие от ужаса глаза. Ему что! Он буддист и уверен, что родится еще много-много раз. А я со своим атеизмом...

Всякий раз, когда мне выпадало ездить в городском мини-такси, чувство надвигающейся опасности не покидало меня.

«ОБНОВКА» ДЛЯ СУЛЕ

В апреле 1975 года Рангун был взволнован — предстояли торжества по случаю установки нового тхи на пагоду Суле.

Никто точно не скажет, сколько раз перестраивалась пагода и сколько она сменила «зонтов» за долгую жизнь. Свой последний тхи Суле получила более ста лет назад. Вероятно, красовался бы он и теперь, если бы однажды ночью, в июне 1974 года, над Рангуном не пронесся ураган. Много бед причинил шквальный ветер городу. Утром люди увидели, что тхи над Суле «отзвонил» свое. Срочно собравшийся совет доверенных принял решение установить новый тхи — точную копию разрушенного.

И завертелась карусель огромных цифр. Речь пошла о суммах, превышающих миллион кьят.

Едва разнеслась весть о решении изготовить новый тхи для Суле, как со всех концов страны начали поступать денежные пожертвования и ювелирные изделия для облицовки нового сейнпью. Последних оказалось гораздо больше, чем могло уместиться на новом сейнпью. Оставшиеся уложили в серебряный ящичек и замуровали внутри нового тхи.

Семнадцатого апреля состоялся важный обряд — освящение тхи самыми почетными членами сангхи в Рангуне. Затем тхи торжественно провезли по главным улицам города. И только потом началась сложная операция по водружению его на самый верх пагоды. Два дня длилась она, и два дня улица была запружена народом.

Наконец новый тхи Суле заблестел на солнце во всей красе.

«ПЕЩЕРА ГАУТАМЫ»

Если Суле и Шведагон имеют весьма почтенный возраст — более тысячи лет, то пагоде Каба-эй всего три десятка лет. Построена она бывшим президентом У Ну и названа пагодой Мира. На ее белом куполе начертаны слова: «За мир во всем мире!» Здесь работают библиотека и академия буддизма, где «аспиранты» помимо углубленного исследования буддизма изучают еще восточную философию и бирманскую культуру.

Каба-эй — традиционная кирпичная пагода. Четыре входа, как и положено, ведут на ее платформу, и напротив каждого — статуи Будды. За ними можно увидеть стеклянные витрины с дарами пагоде — серебряными сосудами, резными статуэтками, вышитыми лоунджи. Словом, обычная пагода. Но есть у нее одна достопримечательность. Рядом с нею сооружен зал заседаний на десять тысяч мест, имеющий вид подземного храма. Он возведен из железобетона, хотя ему придан вид естественной пещеры. Зал так и зовется — «Пещера Гаутамы».

Это уникальное творение человеческих рук. Здесь всегда прохладно, даже в самый нестерпимый зной. Стены выложены нетесаным камнем. По обросшим мхом глыбам стекают струйки воды.

Обувь в руки! Здесь действуют те же правила, что и в пагодах.

Вхожу в длинный просторный зал, подпираемый двумя рядами мощных столбов. В торце зала установлена статуя Будды достойных восхищения размеров, по обе стороны от нее дюжина меньших. Горят свечи, благоухают цветы. Застыли в глубоком поклоне взрослые и дети.

Осторожно оглядываюсь и вижу: по бокам, вдоль стен протянулись ярусы, огражденные перилами. Это и есть зал заседаний. Только без кресел. Кресла и не нужны монахам: они усаживаются, скрестив ноги, прямо на полу.

Акустика в зале превосходная: щебетанье пары воробьев, носившихся друг за другом под высокими сводами, звонко разносилось по всему залу..

В апреле 1954 года, когда в Рангуне состоялся Шестой Всемирный буддийский съезд, продолживший традиции Пятого съезда, который проходил в Мандалае в 1871 году под патронажем короля Миндона, «Пещера Гаутамы» приняла под свои своды более пяти тысяч монахов со всего мира.

ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ, КАК ТРОПИЧЕСКИЕ СУМЕРКИ

Могучая и полноводная Иравади — главная водная транспортная артерия страны. В народе зовут ее кормилицей, рекой «божественного дара». Иравади спасает от губительного зноя, поит крестьянские поля и кокосовые плантации, дает людям воду для питья, несет на себе корабли и рыбачьи лодки, помогает общению народов. Много столиц возникало и рушилось на ее берегах.

Есть такая легенда. Поселился некогда в этих местах бог дождя Иравади. Оглянулся он по сторонам, видит: вокруг безводная, безжизненная, раскаленная пустыня. Тогда по велению бога из хобота его любимого белого слона вытекла могучая река, зазеленели берега, сочная трава покрыла землю, стеной встали густые леса. Возликовали люди и назвали реку по имени бога — Иравади. На санскрите Иравади значит «дающая прохладу».

Беря начало в Гималаях, Иравади течет через всю страну, с севера на юг. До самого Сикайна вода в ней прохладна, такой ее поддерживают тающие на вершинах гор снега.

На своем долгом пуги — более двух тысяч километров — до впадения в Андаманское море река принимает в себя сотни притоков, спокойных и бурных, кристально чистых и мутных от ила, теплых и холодных.

Режим Иравади подчинен муссону: в сухой сезон она мелеет, в дожди разливается. С каждым разливом Иравади откладывает слой ила, образуя в дельте плодородные, аллювиальные почвы, не требующие удобрений. Сток реки в районе дельты в августе в семнадцать раз больше, чем в сухом феврале.

По Иравади и сегодня ходят допотопные, времен Марка Твена, колесные пароходы. Пыхтят бедняги, шлепают по воде крутящимися лопастями. На палубах вперемежку с курами, гусями, свиньями, между мешками с зеленью сидят пассажиры. Кто везет свой товар на столичный рынок, а кто едет повидать родственников, прихватив с собой деревенские дары.

Резвая и чистая у истоков, Иравади пробегает нагорья севера, замедляет течение у Мандалая, становясь широкой и полноводной.

На юге, перед впадением в море, она образует обширную дельту из девяти рукавов. Одному из них — реке Хлайн — Рангун обязан выходом к морю.

Столичный порт принимает океанские суда. Однако крупнотоннажные корабли по Хлайн пройти не могут. Есть там опасное место, которое в народе зовут «обезьяньей точкой», где суда могут сесть на мель.

Мутные, желтоватые воды Хлайн постоянно несут ил, заболачивая берега. С рекой беспрестанно воюют землечерпалки. Немало забот администрации Рангунского порта доставляют и изменения уровня воды в реке во время приливов и отливов в океане.

Своенравная Хлайн нам не понравилась. Я не доверяла ей с самого начала. Рискнув однажды прокатиться по ней на лодке, я потом долго раскаивалась: рангунские «гондольеры» с трудом справились с беспокойными волнами, неотвратимо тащившими лодку вниз, в открытое море.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛОКОЛА

Колокол Махаганда, «Мощный голос», — один из самых больших в мире. Высота многотонного гиганта — более двух метров.

Некогда англичане, хозяйничавшие в Бирме, задумали вывезти его в Калькутту. Священный колокол сняли с платформы Шведагона, подтащили к реке, где ждал паром, чтобы перевезти его на готовое к отплытию судно. Но замыслу не суждено было осуществиться. При погрузке колокол перевернул паром и, подняв огромный столб воды, скрылся в мутных потоках Хлайн. Река надежно спрятала его.

Долго пытались англичане вырвать у Хлайн ее добычу. Но тщетно: при каждой попытке подъема колокол уходил все глубже и глубже, зарываясь в податливое илистое дно.

Тогда к губернатору пришла делегация местных крестьян. Она вызвалась поднять колокол со дна реки, но с одним условием: он должен вернуться на прежнее место и навсегда остаться в Бирме. Заранее уверенный в провале дела, губернатор разрешил начать спасательные работы. Если англичане, имея совершенную по тем временам технику, оказались бессильными в единоборстве с рекой, то как могут сладить с ней бирманцы с их примитивными подъемными средствами? Так думали чужеземцы. Но они ошиблись. Они забыли об одной «маленькой» детали: бирманцы хорошо знали свою реку, ее своенравный характер.

Терпеливо и настойчиво ныряльщики подкладывали бревна под погружившуюся в ил махину до тех пор, пока не вытянули ее из вязкой жижи. Затем в ход пошли сотни мини-понтонов, полых бамбуковых стволов, на которых и всплыл колокол во время прилива на реке. Сложная инженерная задача была блестяще решена.

Хлайн вернула бирманцам то, чего не хотела отдать англичанам. «Мощный голос», шедевр бирманских мастеров-литейщиков, вновь занял свое место на платформе Шведагона. Там он стоит и теперь.

ОДИН КОЛЫШЕК — ОДИН МЕШОК РИСА

Рис в Бирме — не только хлеб насущный, но и главный экспортный товар. И сегодня трюмы заходящих в Рангунский порт судов наполняются отборным бирманским рисом.

По мосткам, перекинутым с мола на судно, снует цепочка грузчиков с туго набитыми джутовыми мешками на плечах. Туда-сюда, туда-сюда.

Течет со складов поток риса, отправляющегося в далекие земли. Текут по смуглым спинам кули струйки пота, смешиваясь с морской солью. Тело зудит, горло пересохло от жажды. За один час работы с мешками человек теряет невероятное количество влаги, как в пустыне.

Все очень просто: сначала на складе под тяжестью мешка грузчик сгибает колени, затем, балансируя всем телом, выравнивает груз на спине, берет деревянный колышек и по муравьиной дорожке трусцой направляется к молу, оттуда — на судно. А там у трапа стоит контролер — человек, который не обливается потом. Он принимает от грузчика колышки и записывает в реестр: один колышек — один мешок погруженного риса. Контроль несложный.

Сколько насчитают колышков в конце смены, за столько и заплатят грузчику хозяева.

II «КАМЕШКИ» В МОЗАИКЕ

ТАУКТЕ ПРИНОСЯТ СЧАСТЬЕ

Восток. Сказочный, притягательный, романтический... Таким он рисуется в нашем воображении. Но очень скоро придуманный таинственный мир отступает перед прозой жизни.

Теперь вернусь к нашему первому дню в Бирме. Мы прибыли в дом, где нам предстояло прожить долгих четыре года.

Квартира дохла нежилым запахом давно пустующих комнат. Окна закрыты мелкой, как сито, металлической сеткой — защита от комаров. В углу куча сваленных

чемоданов, вокруг — пусто. Привычный, милый сердцу домашний очаг остался далеко отсюда, «за семью морями». Наш дом, казалось, еще следил за нами.

Дорога от аэропорта забрала остатки сил. Навалилась усталость. Скорее сменить взмокшие одежды, отряхнуть дорожную пыль.

Открыла дверь в ванную, и первое, что увидела,— маленькие ящерицы, испуганно разбежавшиеся по стенам. Гекконы! Совсем забыла о них. Глазки словно темные бусинки, гибкие тельца песочного цвета с почти прозрачным брюшком. «Как мы уживемся друг с другом?»

В Бирме такие ящерицы повсюду. Бегают по потолку с той же ловкостью, что и по земле. Что ж, придется привыкать. К тому же ящерицы полезны: там, где они поселились, мало мух и комаров.

Двери ванной, разбухшие после недавно закончившегося сезона дождей, закрывались с трудом. От удара что-то упало... Ящерка. Мгновение она неподвижно лежала на полу, точно застыла, потом цокнула языком и молниеносно юркнула под кровать, только хвост мелькнул.

А на чердаке дома живут другие ящерицы — большие, серые, зубастые. Их зовут таукте, оттого что они кричат хриловатым, срывающимся голосом: «Таукте, таукте».

Маленькие ящерицы-мухоловки встречаются повсюду, таукте — реже. Говорят, если под крышей поселилась таукте, в семью придут счастье и покой.

В бирманской сказке рассказывается: в доме, где жили ленивые, нерадивые люди, объявилась таукте. Целыми днями она без устали кричала. Не давала ни поспать лишний час, ни посудачить с соседями. Чтобы не слышать ее крика, хозяева стали уходить спозаранку в поле и без передышки там работали допоздна. Скоро в дом пришел достаток. С тех пор живет примета: кричит в доме таукте — будет удача.

В шкафу пахло нафталином. Тот же запах я уловила во дворе.

Семья, живущая по соседству, очевидно, собиралась в гости: на веревках висели, проветриваясь, праздничные юбки — лоунджи и кружевные женские блузы — эйнджи.

Без нафталина в Бирме не обойтись. Белые пахучие крупинки предохраняют одежду от нашествия кокроушей. Так бирманцы называют крупных рыжих летающих тараканов, напоминающих своими жесткими надкрыльями наших майских жуков. Появление в шкафу хотя бы одного кокроуша грозит бедой: он может изъесть всю одежду.

Выйдя на открытую террасу, я впитывала первые впечатления. Вокруг лежал мир, полный запахов и цветов. Гибкие пальмы раскинули кроны над крышей дома. С ограды свисали изящные плети бугенвиллей с сиреневыми и розовыми соцветиями. На улице не было ни души. Только изредка вдоль забора проходили монахи-поунджи в оранжевых тогах. Значит, где-то рядом монастырь.

Стоило мне появиться на террасе, как на ближнюю пальму спикировала ворона, за ней вторая, третья... Огромные черные птицы с мощными клювами выжидательно поглядывали: нет ли чем поживиться? И тут я сделала ошибку — бросила банан. Отчаянно каркая, вороны кинулись вниз, и через секунду их собралась целая стая. Птицы дрались, угрожающе хлопали крыльями. Даже когда с добычей было покончено, улетать они не собирались, а дерзко уселись на заборе, кося глазом и выжидая новую поживу.

Вороны — естественная санитарная служба Рангуна. Шумят, суетятся базары. А когда заведает и опустеют торговые ряды, на кучи оставленного мусора слетятся вороны и дочиста подберут остатки.

Бирманские вороны совсем не простофили, как в известной басне. Они очень агрессивны, отважно дерутся с собаками из-за добычи и нередко выходят победителями.

Кстати, бездомные собаки — другая «достопримечательность» Рангуна. Неистребимое, неисчислимое, выносливое племя. Без хозяина, без пристанища. Худые, ободранные, грязные рыжие псы с вечно опущенным тощим хвостом и настороженными глазами сотнями бродят по улицам, базарам и шоссе, часто становясь причиной и жертвой автомобильных аварий.

ВОДА ДЛЯ БЛИЖНИХ

Мысль пройтись по окрестностям пришла мне в голову, едва день стал клониться к вечеру и спала жара.

Все еще как во сне.

Трусят по дорогам оранжевые трехколесные такси с брезентовым верхом. Мужчины в черных куртках без воротника и широких юбках-простынях, спереди завязанных узлом, степенно шагают по улицам. На ногах у всех резиновые шлепанцы, в каких обычно ходят по пляжу, а иные и вовсе босиком. У многих прохожих рот красен от жвачки — бетеля. Грациозно ступают, едва касаясь земли, студентки и старшеклассницы в белоснежных эйнджи и в длинных, до пят, зеленых лоунджи. В черных волосах — свежий цветок. На смуглых щеках — белые пятна от пудры «танака», предохраняющей кожу от загара и солнечных ожогов.

А вот показалась монахиня в розовой рясе, с наголо обритой головой. Она неторопливо направляется к деревянному навесу, где стоят глиняные пузатые горшки с водой и кружки.

По всей Бирме можно увидеть такие навесы или будочки на колесах — в лесу, у дороги, на горе. Кем выстроены они — не известно. Но в них усталый путник всегда может найти кувшин со свежей водой и отдохнуть подле них в тени. Поставить такой навес — их называют сая — значит сотворить добро, которое зачтется в следующей жизни.

А на этом углу всюду идет торговля лимонадом. «Лимонад» готовится при вас. Продавец берет стебель сахарного тростника, зажимает его между вращающимися валиками — по желобку стекает в стаканы мутно-зеленый сок. К нему добавляют кусочки льда — и напиток готов. Полчища назойливых мух вьются возле этих «соковыжималок».

Недалеко от нашего дома примостилась на тротуаре чайная под открытым небом: деревянный стол и пара струганых скамеек.

Бирманцы обожают чай. Чаепитие — настоящий ритуал, предполагающий определенный душевный настрой и хорошую погоду. Можно, конечно, наскоро проглотить чашку чая и у себя дома, сидя на корточках за низким столиком на веранде хижины. Но куда лучше отправиться в чайную, где можно встретить соседа, поговорить с ним, обсудить новости.

Натуральный бирманский чай из зеленых листьев немного горчит, но зато прекрасно утоляет жажду. Обычно его пьют не в чистом виде, а со сладким сгущенным молоком.

Нередкие гости чайных — женщины. Почти все бирманки миловидны: фигуры фей, длинные густые волосы цвета воронова крыла и широко поставленные миндалевидные глаза. Кухонной стряпней они занимаются неохотно, по крайней мере горожанки. Если можно купить еду, они предпочитают не готовить. К их услугам многочисленные уличные харчевни. Здесь можно поесть, купить еду, положить в принесенную с собой посуду и спокойно унести домой. Никого это не удивит.

Вечером к нашему дому подошли два мальчика в белых одеждах. На плечах они несли палку, на которой висели две вместительные миски с рисом. В руках они держали маленькую кружку для денег и гонг.

Мальчики остановились против наших ворот, ударили в гонг и выжидательно посмотрели на нас. Затем один из них выразительно погромел кружкой с монетами. И снова минутное ожидание.

Мы знали, что в Рангуне продают рис, разнося по домам. Но нам не нужен был рис, а потому мы удивились их настойчивости.

Постояв еще минуту, они взяли свою палку, рис, гонг, кружку и, кинув на нас презрительный взгляд, двинулись к соседям. Тотчас из ворот вышла молодая бирманка и

насыпала им две горсти риса в миски. Вот тебе раз! Досадная ошибка! Оказалось, эти мальчишки — не продавцы, а послушники из соседнего монастыря. Только потом мы узнали, что поунджи обходят дома лишь по утрам и получают готовую еду, а послушники собирают рис и деньги для монастыря в любое время дня.

И ДЕНЬ ПЕРЕШЕЛ В НОЧЬ НЕОЖИДАННО

Первая прогулка по Рангуну окончена. Теперь побыстрее освободить горящие ноги от надетых по незнанию туфель (стало ясно, что здесь можно носить только сандалии или босоножки), принять душ — и отдыхать.

Но не тут-то было. Из душа вылилась тоненькая струйка кипятка (хотя я открыла холодный кран), заклокотала, захлебнулась — и конец. Что делать без воды? Спросить? Но кого и где? Мы еще не знакомы с соседями. После минутного колебания беру ведро и иду вниз, к ограде, к водоему.

В Рангуне не хватает воды: городской водопровод недостаточно мощен, чтобы удовлетворить потребности населения. Вода подается по графику, в каждый район в «свои» часы. Хозяйки знают: течет вода — скорее стирать, наполнить все емкости, чтобы хватило запасов до следующего дня. Такой жесткий режим приучает бережно расходовать воду.

Правда, есть дома, для которых проблемы воды не существует. Они снабжены собственными резервуарами, запасов которых хватает надолго. Больше всего страдают от нехватки воды жители окраин, те, что живут в бедных хижинах. Здесь нет водопроводов, нет колонок, а только водоемы с ржавой, стоячей водой.

Не так давно в Рангуне начала работать новая водопроводная сеть, положение немного улучшилось. Но столица так быстро растет, что и новая сеть не в силах обеспечить население, увеличившееся за последние тридцать лет в шесть раз.

Итак, беру ведро и направляюсь вниз. На минуту забываю обо всем, завороченная красотой: водоем «потонул» в цветущем кустарнике. Над водой склонило ветви дерево, ствол которого обпили бледно-сиреневые орхидеи. Не поддельные, не тепличные, я самые натуральные, с великолепными, как крылья бабочки, цистами.

Между тем совсем стемнело. Пробираюсь к воде сквозь кустарник и останавливаюсь, слыша за собой подозрительный шелест. Очарование цветами тут же исчезает, уступив место страху: ведь встреча с ядовитыми змеями в траве, в зелени рангунских садов не такая уж редкость. Но все обходится благополучно, и, зачерпнув воды, я возвращаюсь домой.

Первый вечер в тропиках. Высокое звездное небо. В странном оцепенении стоят пальмы, словно боясь шелохнуться и стряхнуть с себя лунное серебро.

За окном в саду непривычные звуки. Басовито мычат лягушки. Я не оговорила: в Бирме есть лягушки, которые не квакают, а мычат трубными голосами, как добрые коровы, раздувая при этом брюшко до невероятных размеров. Хрипло откашливается, пробуя голос, ящерица таукте. Где-то скулят по-шакальи собаки, видимо не поделив добычу. В траве так громко верещат цикады, что, кажется, звенит сам воздух. В свете лампы на веранде вьются мириады мошек.

Устала... Но необычность обстановки, шум включенных кондиционеров, обилие впечатлений не дают уснуть. К тому же над головой раздалось настойчивое зудение — комары! Напуганные внезапно зажженным светом, они рассаживаются по стенам. Но надолго ли? Снова гашу свет — и снова жужжание, опять включаю...

Погасить—зажечь, погасить — зажечь... «Сколько же раз за ночь это придется повторить?»

А утром нас разбудили петухи. Они горланят здесь так же, как у нас, но не похожи на наших — длинноногие, жилистые, поджарые.

ТРАДИЦИИ И МОДА

Госпожа Мода, странствуя по свету, обходит порой некоторые страны. И Бирму в их числе.

С незапамятных времен бирманцы носят традиционную одежду: мужчины — длинную юбку-лоунджи и куртку, а женщины — лоунджи и блузку-эйнджи. Все меняется в мире — лоунджи остаются. На улице, дома, в учреждении, на дипломатическом приеме бирманцы неизменно появляются в своих длинных юбках.

«Если двое делают одно и то же, то все равно не одинаково», — говорят в Бирме. Это относится и к лоунджи. Раскрой их предельно прост: берется кусок материи длиной сто восемьдесят сантиметров и сшиваются края. Юбка готова.

Мужчины, надевая такую широкую юбку, стягивают «излишки» узлом на животе. Мужские лоунджи имеют сдержанную гамму цветов, чаще всего это неброская клетчатая ткань.

Женщины выбирают ткань яркую, в цветах. Женские лоунджи, их еще называют тхамейнами, более кокетливы. Они искусно собираются в складки и зашлифовываются на правом боку. При этом ткань, ниспадая, мягко облегает фигуру.

Я так и не научилась носить тхамейн. Как ни старалась правильно закрепить юбку, она тут же распускалась и неизбежно оказывалась на полу.

Обычные, будничные лоунджи шьют из ткани, вырабатываемой из низкосортного хлопка. Растет такой хлопчатник в Чинской национальной области.

Самые нарядные и дорогие лоунджи — шелковые. Их носят по большим праздникам.

Шелка в Бирме всегда не хватало, и его импортировали. Возможно, здесь сыграла какую-то роль религия, ведь в процессе получения шелка коконы тутового шелкопряда должны быть умерщвлены. А какой буддист отважился бы взять на себя такой грех? Вероятно, поэтому шелководство не получило в Бирме широкого распространения. Оно встречается лишь кое-где на севере, в горах, где живут народы, поклоняющиеся духам.

Изменчивость моды — понятие, в Бирме не известное. Проблемы типа «мини, миди или макси?» никогда не волновали здешних модниц. Лоунджи и эйнджи — всегда, на все случаи жизни. Ничто не меняется в этой одежде, покрой ее застыл в веках, разве что время от времени варьируется гамма цветов и длина рукава блузы.

В традиционной одежде стройные, грациозные бирманки ходят в гости и на базар, в кино и в пагоду. Носят ее в праздники - и в будни. Носят почтальоны и учительницы, стюардессы и медицинские сестры, богатые и неимущие.

Кисейные блузы с длинным узким рукавом удлинены спереди у пояса и застегиваются на желтые кнопки. Велико же было мое удивление, когда я узнала, что чаще всего это цвет... настоящего золота. Трудно поверить: женщина, которая на базаре придирчиво осматривает кусок мяса, прежде чем купить его, застегивает эйнджи на кнопки из чистого золота! К слову сказать, бирманцы вообще одеваются тщательно, со вкусом, предпочитая натуральные ткани и подлинные драгоценности. Не любят бижутерию, подделок.

Мужчины носят куртки без воротника, с небольшой стойкой и застежкой спереди. На официальных и торжественных церемониях непременным дополнением к мужскому праздничному туалету является головной убор «гаунбаун». Это посаженная на каркас белая или розовая шелковая накрахмаленная косынка, которую завязывают так, чтобы ее концы свисали над правым ухом. Украшение головы у женщин — прическа. Короткие стрижки на улицах Рангуна встречаются редко. Девушки собирают волосы в пучок высоко над темнем, оставляя сзади длинный «хвост». На лбу кокетливая челка. Замужние женщины носят прически скромнее — узел на затылке. Чем пышнее прическа, тем красивее. В косу матери часто вплетаются волосы сыновей, ушедших па временное послушничество в монастырь.

Все — и молодые и старые — любят украсить прическу живым цветком.

Как мы уже успели заметить, туфли у бирманцев не в чести. Здесь ходят в открытых сандалиях. Они могут быть кожаными, бархатными, с затейливыми украшениями, но чаще всего это самые заурядные резиновые сандалии — два ремешка сверху и подошва. Такие сандалии носят на босу ногу в дождь, в сушь, в деревнях и городах, на улицах и дома.

Впрочем, стоп! Дома обувь не носят. Перед входом даже в самую бедную хижину ее полагается снять. Этим оказывается уважение хозяевам.

В гостях, на свадьбах часто можно увидеть маленьких девочек с накрашенными губами и густо нарумяненными щечками. Почему-то принято румянить детей, в то время как женщины редко увлекаются косметикой, разве что в столице. А губная помада вообще не в почете.

Бирманки, как все азиатские женщины, дорожат светлой кожей. Из коры дерева танака готовят специальный порошок, который предохраняет кожу от загара. Его разводят водой и полученной кашицей мажут лицо и руки. С пятнами такой пудры бирманки совершенно спокойно ходят по улицам города.

Хрупкие и нежные женщины жуют бетель точно так же, как и мужчины, правда, в городах гораздо реже, чем в деревнях.

Говорят, что бетель освежает и тонизирует. Не знаю, я так и не рискнула попробовать эту жвачку. Красная слюна, потемневшая эмаль зубов у любителей бетеля отпугнули меня.

А бирманские сигары-черуты величиной с добрый кукурузный початок! Женщина с такой сигарой в зубах не такая уж редкость, особенно в деревнях.

Да, совсем забыла про зонтик. Еще в начале века очаровательные японки и бирманки фотографировались с прелестными, разрисованными вручную зонтиками. Теперь такие зонтики покупают в лавках как сувениры. Из повседневного быта их вытеснили зонты фабричного производства. Мужчины предпочитают черные зонты, несмотря на то что от длительного их использования они рыжеют, исхлестанные дождями и прожженные солнцем. Женщины любят яркие изящные зонтики, особенно японские. Сегодня зонт — обыденная вещь, необходимая принадлежность. А было время, когда зонт слыл символом знатности и богатства и мог многое рассказать о своем владельце. Белый зонт был привилегией королей, золотистые принадлежали членам королевских семей, розовые и зеленые — высокопоставленным особам. В Мандалайском этнографическом музее нам показывали зонт величиной с садовую беседку. Его с трудом несли над головой вельможи трое слуг.

Кроме королей под белыми зонтами могли укрываться лишь статуи Будды. И сегодня можно увидеть в пагодах маленькие белые зонтики на высоком стержне, прикрывающие от солнца ладони статуи божества. Зонтики приносят в дар Будде вместе с цветами, фруктами, рисом.

НЕМНОГО О БИРМАНСКОЙ КУХНЕ

Рис — «хлеб» бирманцев, традиционная ежедневная еда.

Он достаточно дешев и доступен. Однако в рисе мало протеина, витаминов и минеральных веществ. От каждодневного питания одним рисом стройность фигуры нередко переходит в удобу.

Там, где рис, там и «карри» — соус, сдобренный острыми приправами. Иногда в него добавляют крохотные кусочки мяса, рыбы или курицы. Однако на крестьянском столе чаще всего к рису подают овощное карри.

Остроту карри придает перец «чиле». На рынках он выглядит очень невинно — маленькие сморщенные зеленые стручки. Но остерегайтесь: стоит слегка лизнуть

надломленный стручок — и не только язык, но и щеки, нос и подбородок долго будут гореть, как от ожога.

Другая любимая приправа к рису — соус «нгапи». Это терпко пахнущая паста из вяленой и соленой рыбешки, сушеных крабов, креветок и разной морской «мелочи». Если по улице проехала тележка с вожделенным нгапи, вы сразу это почувствуете по запаху.

В жаркой Бирме питаются совсем не так, как в северных широтах. Едят бирманцы обычно два раза в день: утром и часов в пять дня. Утром легкий, почти символический завтрак — рис с приправой. В обед — приправа с рисом. Запивают чаем или холодной водой. Рабочий съедает миску риса утром, затем в обед и на ужин. Рис готовят без соли и масла, сухим, рассыпчатым — зернышко к зернышку. В ресторанах, что бы вы ни заказали, вам обязательно подадут миску горячего ароматного риса.

В недалеком прошлом бирманцы совсем не ели хлеба. Теперь в городах выпекают и продают белый хлеб.

Горожане пользуются фаянсовой посудой, столовыми приборами или китайскими фарфоровыми палочками для риса, хотя многие считают, что вкуснее рис брать руками. Один наш знакомый пошутил: «Есть рис и обнимать любимую женщину нужно руками».

Крестьяне в селах все едят руками. Кладут на банановый лист порцию риса, сдабривают соусом. Впрочем, такая еда тоже имеет свой этикет. Четырьмя пальцами правой руки берут щепоточку риса и обмакивают ее в соус. Делать это надо очень осторожно, чтобы не испачкать всей руки, не втягивать с шумом воздух и не облизывать пальцы. Кстати, руками едят и поунджи в монастырях.

В бирманской кухне много блюд со специфическим вкусом и неизменно добавляемым «очень»: очень сладко, очень остро, оченьпряно.

Из фруктов в обиходе бананы, апельсины, манго, клубника (когда сезон), кокосовые орехи, папайя.

Папайя, или плод дынного дерева, внешне похожа на дыню. Под гладкой желтой кожурой скрывается сочная душистая мякоть. Манго тоже сезонный фрукт. Его созревание предвещает начало дождей. Первые плоды манго появляются на рынке за две недели до начала муссона, когда проходит первый летучий дождик, названный в народе «манговый душ».

Ярко-розовая, отборная клубника в плетеных корзиночках очень аппетитна. Но ягоды следует тщательно мыть, как, впрочем, и все, что растет на земле и идет в пищу без тепловой обработки, в сыром виде. В Бирме очень распространена амёбная дизентерия, а потому съесть хотя бы одну невымытую ягоду — значит подвергнуть себя риску. Вот почему мы свято блюли «кодекс чистоты» на кухне.

Буддисты далеко не вегетарианцы. Религия не запрещает им есть мясо. Бирманцы выкармливают животных на продажу, однако сами их не забивают, поручая это китайцам или пакистанцам.

В соответствии с учением Будды нельзя убивать что-либо живое ни ради пищи, ни ради охоты, ни ради мщениия. Если в окно влетит шмель, его поймают и выпустят, если заползет змея, ее так же бережно отловят и отпустят на все четыре стороны.

Считается, что буддист, убивший животное, ухудшает свою карму и в последующем рождении опустится ниже на иерархической лестнице бытия. Даже продавать мясо на базаре — если не грех, то уж по крайней мере недостойное занятие. Этим тоже чаще всего занимаются мусульмане — пакистанцы и тамилы.

Монахам также не возбраняется есть мясо, но с одним условием: животное должно быть забито не в их присутствии.

Кур и уток привозят на базар живыми, в клетках. При отсутствии холодильников это лучший способ сохранить их свежими. По желанию покупателя их тут же забивают и потрошат.

В семьях среднего достатка мяса едят мало. И не потому, что так велит традиция, а потому, что мясо — удовольствие дорогое. Рыба намного дешевле.

Рыболовство — традиционный промысел бирманцев. Только как он сочетается с первой заповедью — «не убий»?

С мясником все ясно: он убивает живое существо — значит, он грешник. А как быть с рыбаком? И тут начинается софистика.

Во-первых, уверят вас, рыба — создание с холодной кровью, она не привязчива, ее нельзя приручить... А во-вторых, рыбак ее вовсе не убивает. На суше она появляется живой, и ее личное дело, что она испытывает сильную «аллергию» к свежему воздуху.

Да, рыбак не убивает, но ведь он обрекает выловленную рыбу на гибель. И от этого факта не отмахнешься. А как это повлияет на его будущий приход в мир — кто знает?..

Все же с соблюдением заповедей у рыбаков есть свои трудности.

ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О ЖЕНЩИНЕ ЗА РУЛЕМ?

Когда я задала такой вопрос бирманскому журналисту, он не сразу ответил. Женщина за рулем — явление в Бирме пока редкое. Я знала это и, задавая вопрос, просто хотела выяснить отношение бирманцев к женщинам, узнать, как высоко они ценят способности и возможности женщин и какое место отводят им в обществе. Ведь не секрет, что положение женщин на Востоке, особенно на мусульманском, с незапамятных времен было незавидным.

Однако в Бирме женщина всегда пользовалась известной свободой, не подавляемой рабской покорностью ни родителям, ни позднее мужу. Издавна она была достойным партнером мужчины во всех делах. Поначалу это кажется удивительным: ведь буддизм, как мы знаем, ставит женщину ниже мужчины. Право родиться в последующей жизни мужчиной она должна заслужить благонаравием и благочестием в жизни текущей.

Но религиозные доктрины — одно, а жизнь — совсем другое. С давних времен женщина в Бирме наравне с мужчиной имела право на развод и раздел имущества. Муж не покупал себе жену, не платил родителям за нее выкуп, а потому не имел права распоряжаться ее судьбой. Муж никогда не был почитаемым идолом, как было принято раньше, например, в Японии. Бирманка связывала свою судьбу с мужем, как равная с равным.

Родители обычно завещали и распределяли наследство поровну между всеми детьми — сыновьями и дочерьми.

Брак в Бирме — светский союз, и религия не имеет к нему прямого отношения. Вступить в брак или разойтись всегда было личным делом двоих — мужа и жены. Никто не чинил им препятствий.

В брак бирманцы вступают по любви. Ну а если чувство с годами проходит и дальнейшее совместное существование становится в тягость обоим, то лучше разойтись. Брачные узы — не кандалы. Один из супругов забирает то, что ему принадлежало до свадьбы, и покидает дом.

Но вот парадокс. Несмотря на то что супружеский союз так легко разорвать, браки в Бирме несравненно прочнее, чем в Европе. На того, кто уходит из семьи, в обществе смотрят с неодобрением.

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Бирманка задает тон в семейной жизни. Она твердо держит в своих руках бразды правления, но умеет это делать с непостижимой грацией, естественной простотой, улыбкой и ласковостью.

Бирманкам лучше, чем их мужьям, удаются торговые сделки. Они могут выгоднее продать перекупщику рис целого урожая. Ну а мелкая предприимчивость на базарах — неоспоримая привилегия этих улыбающихся, прелестных созданий.

Прясть, стряпать, принести воду, шелушить рис, крутить гитары издавна женские дела. Но домашний очаг и торговля сегодня не единственная сфера приложения женских способностей. Диктор радио, журналистка, актриса, врач — все это теперь и женские профессии. И все-таки дом, семья — главное в жизни бирманки. Недаром в народе говорят: «Буйвол хорош, когда упитан, монах — когда худ, женщина — когда замужем».

Бирма — страна крестьянская, и доле деревенской женщины не позавидуешь. Счастье ее с мозолями. Тяжелая работа в поле, хлопоты по дому, бесконечные роды... Женщинам в деревнях живется неизмеримо труднее, чем их городским подругам.

Бирманкам предоставлено право участвовать в выборах и быть избранными наравне с мужчинами. Народ помнит, что еще в XV веке монское государство Пегу возглавляла женщина. Легендарная Шинсопу правила столь мудро и справедливо, что через четыреста лет кто-то, желая польстить английской королеве Виктории, назвал ее «вновь рожденной Шинсопу».

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ДОВОЛЬНО ОДНОЙ ЖЕНЫ

Старинный гражданский кодекс позволяет бирманцам иметь двух жен. Но за все четыре года, что я прожила в Бирме, мне встретилась только одна полигамная семья. И хотя традиция допускает «супружеский треугольник», в жизни он трещит по всем швам.

В семье, о которой я упомянула, вторая жена была настоящей Золушкой. Первая, старшая, принимала гостей, расходовала деньги, ходила с мужем к знакомым, в пагоды, в кино. Вторая тащила ранним утром на базар, варила, стирала, присматривала за детьми, делала всю черную работу по дому.

Не могу сказать, что окружающие были в восторге от этой семьи.

В Бирме полигамия была привилегией королей. Королю разрешалось иметь четырех жен, придворным — только двух, и то в свете они представляли лишь первую жену, о второй никто ничего не знал, ее держали в изоляции.

Из четырех официально признаваемых королев главной была первая. Кроме жен существовал еще целый «феминный ряд» — полукоролевы, наложницы, танцовщицы... Нетрудно догадаться, что между королевскими избранницами царили ревность, зависть, интриги. Они находились в состоянии постоянной борьбы за власть, за влияние на короля.

Недобрую память о себе оставила потомкам жена последнего бирманского короля — Тибо — деспотичная и своенравная Супейалат. Она решила стать единственной королевой, и это ей удалось. Но какой ценой? Она быстро убирала с дороги каждую несчастную, на которую король обращал взор. Достаточно ей было сказать, что она не выносит или не хочет видеть при дворе такую-то, и участь жертвы была решена.

Женщины боялись приглынуться королю. Жизнь при мандалайском дворе стала опасной, как никогда раньше. Люди, не угодившие Супейалат, исчезали бесследно, и никто не знал, что с ними случилось.

Тибо был недалёковидным политиком, слабохарактерным, безвольным человеком, зато носил десяток пышных титулов: «Его наиславнейшее величество, Господин Мандалая, Властитель моря и суши, Повелитель солнца, Владелец белых слонов, Король королей, Властитель судеб...»

Бирманские короли не охотно покидали дворец, опасаясь, как бы в их отсутствие конкурент не занял трон. Последний король — Тибо — никогда не выезжал из стен дворца. Здесь его и взяли в плен англичане, отправив в Индию, в пожизненную ссылку. Много удивительного происходило при бирманских королевских дворах.

По древнему обычаю, старшая дочь короля должна была стать одной из королев наследника. А поэтому женой нового короля нередко оказывалась одна из его многочисленных сестер — принцесса, с которой у него был общий отец.

В то же время было принято: когда король умирал, наследник женился на его жене, подтверждая тем самым преемственность власти и право на трон, ведь на королев смотрели как на часть дворцового имущества.

Так, в давние времена дочь монского правителя Пегу, красавица Хкин У. была женой трех бирманских королей. Однако все по порядку.

Основатель паганской династии, могущественный король Анируда повелел одному из своих придворных отправиться к араканскому двору и привезти ему в жены самую красивую монскую принцессу. Верный слуга выполнил поручение, но, к несчастью, сам влюбился в принцессу. Она ответила взаимностью. Недолго длилась счастливая любовь — считанные дни путешествия в Паган.

Как известно, нет ничего тайного, что не стало бы явным. Вскоре принцесса родила сына Кьянситу. Король, разгневавшись, изгнал ее из своего царства, и она вернулась в Аракан, но над ребенком сжалился — взял во дворец.

Кьянсита рос ловким и храбрым юношей, не в пример родному сыну Анируды, будущему наследнику трона Солу.

Однажды, когда на Пегу совершили набег племени шанов, монский король обратился за помощью к Анируде. Тот направил в Пегу Кьянситу с отрядом воинов. Разбив врага, Кьянсита возвратился ко двору Анируды с дарами. И самым прекрасным даром была дочь монского властителя Хкин У.

Кьянсита ехал с прекрасной принцессой, и история повторилась: они полюбили друг друга. Когда об этом узнал Анируда, он и ярости отправил славного воина в тюрьму.

Шли годы. Умер Анируда. И Солу, наследовав престол, сделал королевой одну из жен своего отца — пленительную Хкин У. Но властвовал Солу недолго, всего семь лет.

На Паган напали моны. Солу вспомнил о доблестном Кьянсиге и вновь приблизил его ко двору. Кьянсита отразил нападение, но не уберег короля, которого враги пленили и казнили. Трон Пагана опустел.

А кто другой мог по праву занять его, как не овеянный славой герой Кьянсита? И кто мог стать первой королевой, как не красавица Хкин У, за много лет до этого ставшая невольной причиной его изгнания?

При бирманском дворе существовал сложный этикет. Так, например, никто, кроме первой королевы, не смел разговаривать с королем иначе как со смиренно опущенной на грудь головой. Никому, кроме членов королевской семьи, не позволялось носить во дворце обувь.

Кстати, обычай входить во дворец босиком во времена последних бирманских королей несколько осложнил контакты с посланниками иностранных государств. Никому не было поблажки. Если правители Индокитая шли на уступки дипломатам, поступаясь некоторыми обычаями, и не считали при этом свою персону ущемленной, то бирманские короли твердо стояли на своем.

Предпоследний и наиболее образованный король Миндон решил этот «босоногий» вопрос своеобразно: из двух зол он выбрал меньшее. Понимая, что отказаться от вековых традиций значило бы утратить авторитет в глазах своих придворных, а соблюсти — оскорбить иностранных послов, он... вообще перестал давать аудиенции.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО БЕЛЫЙ СЛОН

Угасал блеск бирманских королевских дворов, пошло на убыль и почитание Его величества белого слона.

Судьба последнего королевского слона была драматической: захватив Мандалай, англичане не стали церемониться и с любимцем опального короля. Белого слона попросту увезли... в Рангунский зоопарк. Он не пережил такого удара и погиб. Очевидно, не смог понять, почему с ним обошлись столь непочтительно.

Историк и знаток Бирмы второй половины прошлого столетия Джеймс Джордж Скотт оставил любопытное жизнеописание священных белых слонов при бирманском дворе.

Его слоновье величество имел собственный дворец, охраняемый сотней воинов. Слона обслуживали тридцать человек. Его ежедневно купали в воде с благовониями. Развлекали дворцовые танцовщицы. И хоры пели ему перед сном. Государственный министр лично следил за поступлением слоновьего продовольствия. А когда слон заканчивал свой земной путь, его хоронили с королевскими почестями. Лишь последний бедолага умер в вольере зоопарка.

Почему священным считался именно белый слон?

Пятьсот пятьдесят обличей принял Будда, прежде чем пришел в мир Гаутамой, как утверждает легенда. И в последний раз он явился в облике белого слона.

Обладание белым слоном было мечтой всех бирманских королей. И не только их. Белый слон как священный символ почитаем во всей Юго-Восточной Азии. *Из-за* белых слонов ссорились целые государства, шли кровавые войны между Бирмой и Сиамом. Бирманским правителям слонов не хватало, а у сиамских владык их было в избытке. Справедливости ради добавим, что столица Сиам Аюттия слыла одним из богатейших городов в Индокитае и являла собой лакомый кусочек и без белых слонов. Было бы заблуждением представлять себе цвет белого слона подобным свежевывавшему снегу. Белый слон по существу не белый, а светло-серый. Решение о том, какой из светлых слонов является священным, было целой наукой.

Различали два важнейших признака: священный, слон должен иметь по пять ногтей на всех ногах, тогда как обычные имеют на задних ногах лишь по четыре ногтя. Шкура священного слона, политого водой, слегка розовеет, в то время как обычных — темнеет.

Рождение белого слона и сегодня признается большим событием. Даже если уделом слона окажется зоопарк, почитание будет сопровождать его до самой кончины.

Совсем иная судьба уготована обычному, рядовому слону. Пока его не отловили в лесах, жизнь была прекрасна. Ну а если пойман, то приволье кончилось — и марш работать. Будет работать там, где человеку не под силу. Слоны прорубают просеки в джунглях, трудятся на лесозаготовках, с их помощью прокладывают дороги, сооружают мосты.

Надо признать, что люди подчас лучше относились к слонам, чем к своим собратьям. Детей сплошь и рядом заставляли работать, слонят же никогда. Они были слишком дороги, чтобы раньше времени их загубить. По-настоящему слон начинает работать лишь к двадцати годам, а в шестьдесят его отправляют «на пенсию», на отдых.

Отловленного дикого слона приручают, учат труду с помощью уже «обработанных» его собратьев — рабочих слонов. Есть в Брме специальные слоновьи «школы», где дрессировщики учат животных понимать и выполнять команды. Такими совместными усилиями дикий слон проходит «азбуку» повиновения и через год уже ничем не отличается от остальных.

Раньше все слоны, дикие и прирученные, принадлежали королям. Разные им выпадали судьбы. Одни были обречены на пожизненные каторжные работы. Другие, более удачливые, украшенные и экипированные, участвовали в праздничных шествиях — парадах. Третьи, боевые слоны были серьезной силой бирманской армии. Живые «танки» с сидящими на их спинах вооруженными воинами шли вперед, все сметая на своем пути.

Слоны были непобедимы. Лишь в последней битве за Паган они не устояли перед юркой конницей монгольского хана Хубилая, от руки которого пала древняя бирманская столица. Осыпанные стрелами, слоны обратились в бегство, смяв ряды собственных воинов.

Давно уже слонов не используют в военных целях. Им осталась лишь работа в лесах.

Еще недавно слонов беспощадно убивали из-за ценных бивней. Теперь их отстрел строго контролируется. К тому же охота на слонов стала более «гуманной»: в них стреляют ампулами со снотворным. Меткое попадание — и через минуту слон лежит на земле. Пока он приходит в себя, его успевают опутать цепями, и конец свободе. Это «гуманнее» прежнего способа, когда животных заманивали в ловушки из бревен, где, разъяренные, они наносили друг другу смертельные раны.

Бирма занимает второе место в мире, после Индии, по числу слонов. В бирманских джунглях живут на воле около шести тысяч слонов, столько же прирученных животных трудятся на лесозаготовках и сплаве тиковой древесины.

Бирманский тик высоко ценится и экспортируется во многие страны. На заготовках древесины слоны незаменимы. Там, где не протиснется трактор или самосвал, спокойно пройдет слон.

Молодые и сильные животные используются на переноске бревен. Старые слоны трудятся на сплаве леса и сбойке плотов. Долго и терпеливо стоят они в воде, помогая людям затянуть плот канатами.

Слон способен переносить больше тонны, но люди щадят его. Тяжелые бревна волокут обычно два слона.

Интересно наблюдать за работой слона. Вот он подходит к лежащему на земле бревну. Сначала ощупывает его хоботом, словно примериваясь и взвешивая тяжесть. Затем неторопливо и бережно, чтобы не повредить, поддевает бивнями, охватывает хоботом и несет. Поднеся к реке, опускает бревно и передней правой ногой осторожно сталкивает в воду.

Если в реке образовался затор, умное животное входит в воду, безошибочно находит «бревно преткновения», и плоты снова плывут по течению.

Машинам и тракторам нужны горючее, запчасти, наконец, водители. Слон неприхотливее, дешевле, привычнее и в конечном счете эффективнее.

ВЫ ГОВОРИТЕ ПО-БИРМАНСКИ?

Бирманский язык невероятно труден для изучения. Все модуляции голоса, которыми мы привыкли выражать удивление, негодование, восторг или испуг, здесь надо забыть. Это язык слоговой, грамматические формы в нем образуются с помощью суффиксов и префиксов. Одно и то же слово может иметь несколько, подчас противоположных значений. И различаются они по высоте тона, ударению и долготе произнесения гласных.

Бирманский язык относится к тибето-китайской языковой семье. Хотя бирманская азбука основана не на иероглифах, а на алфавите, она чрезвычайно сложна.

Первым бирманским литературным памятником считают надпись на плитах пагоды Мьязеди в Пагане, сделанную в 1113 году. Надпись начертана на четырех языках: пали, пью, монском и бирманском. От XII века дошли еще шесть подобных многоязычных надписей. Но уже через столетие надписи на бирманском вытеснили все другие.

Краткие, скупые надписи на плитах храмов были выразительны, афористичны. Они предшествовали литературному бирманскому языку, возникновение которого относят к XIII веку.

Первыми «литераторами» были монахи — самая образованная часть общества. И естественно, ранние произведения посвящались исключительно религиозной тематике. Это были джатаки — притчи о жизни и перевоплощениях Будды. К сожалению, от них мало что осталось: писали тогда на пальмовых листьях, а это материал недолговечный.

Особо ценные книги писались на тонких срезах слоновой кости — узких и длинных, как свитки. На костяных «листах» острым металлическим стилем гравировали текст. Обложкой служили две лаковые дощечки, покрытые золотым орнаментом.

Бумажные книги появились в Бирме только в XIX веке. Вначале это были рукописи с авторскими рисунками, сделанными акварелью. Не многое дошло до наших дней. То, что пощадило время, уничтожил огонь. В яростных междоусобных войнах горели дворцы, монастыри, а вместе с ними и бесценные рукописи.

В XVIII веке настал черед светской литературы. Сначала она была представлена хрониками королевских дворов. Книги повествовали о жизни королей, их войнах и победах, описывали дворцы Авы, Амарapura, Мандалая. В XIX веке, когда Бирма познакомилась с западной литературой, появились светские пьесы и романы.

Параллельно с письменной литературой жил фольклор: волшебные сказки каренов и шанов, сказки-мифы племени нага, легенды монов, бытовые сказки и притчи бирманцев. В бирманских сказках много здравого смысла, юмора и почти нет религиозной окраски. Герои — простые люди: дровосеки, кукольники, пастухи, сборщики орехов, рыбаки, погонщики слонов, знахари, добытчики соли, монахи. Во многих сказках прослеживается почитание родителей и учителей. Как правило, если герой сказки богат, то обязательно жаден и глуп, если беден — то щедр и умен. Часто в бирманских сказках действуют животные и фантастические существа: завистливый дух — нат, продажная выдра — судья, ловкая обезьяна, мудрый кролик, перехитривший тигра... Добро обычно торжествует над злом. Но нередки в сказках и жестокие развязки. Однако это не убийства, не кровопролития, не несчастные случаи. Скажем, герой сошел с ума, утонул или его задрал зверь.

Многие бирманские сказки — переложение европейских. Например, сказка «О том, как билума похитила королевскую дочь» — вариант сказки о спящей принцессе, которую вернул к жизни полюбивший ее прекрасный принц. А сказка «О короле и его министрах» — пересказ «Голого короля», лишь с той разницей, что в европейской сказке действует плут-портной, а в бирманской — корзинщик, который принес во дворец обычную бамбуковую корзину и выдал ее за волшебную. «Кто умен, тот, забравшись в корзину, увидит царство натов», — объявил он придворным. А все остальное повторилось, как в самой мудрой на свете сказке Андерсена.

В XIX веке Бирма была захвачена Англией. Завоевателей не интересовало «туземное» культурное наследие. Больше того, они самонадеянно считали, что его следует выкорчевать и заменить новыми, «прогрессивными» формами.

Подавлять национальные традиции и насаждать чуждые, европейские было политикой колонизаторов везде. И в Бирме тоже.

Англичане ввели свой язык в школах, потеснив бирманский. Особенно сказалось долголетнее использование английского языка в научной терминологии — химии, физике, медицине.

Когда после обретения независимости в 1948 году новое правительство провозгласило государственным языком родной — бирманский, для языковедов настала трудная пора. В словарях зияло много пустот. Пришлось заполнять их английскими выражениями, так как аналогов в бирманском не было. Лингвистам и переводчикам надо было срочно создавать учебники, энциклопедии, справочники на родном языке, упорядочить правописание.

Прошло несколько лет, прежде чем дети в школах начали писать и говорить на бирманском. Еще сложнее было с высшими учебными заведениями: старую терминологию нужно было заменить новой, звучащей на родном языке.

Сегодня в стране официальным языком признан бирманский, но многие деловые бумаги до сих пор пишут на английском. На языке малых народов учат детей в начальных школах в отдаленных, горных районах страны.

ВЫ ЖЕНАТЫ? ЗАМУЖЕМ? СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ?

Такие вопросы могут задать вам в Бирме при знакомстве. Не удивляйтесь. Это не праздное любопытство, а желание правильно выбрать форму обращения к собеседнику, чтобы не обидеть его.

Каждый бирманец, родившись, получает имя и приставку к нему, которая будет изменяться с возрастом, образованием, положением в обществе.

Если перед женским именем стоит частичка Ма (сестра), значит, его обладательница — молодая девушка. С годами Ма переходит в До (тетя).

К примеру, девушку зовут Сеин. В юности ее будут звать Ма Сеин, в зрелом возрасте — До Сеин.

Точно так же обстоит дело с мужскими именами. Только у мужчин не два, а три титула: Маун (брат), Ко (старший брат) и У (господин, уважаемый человек). Несложно догадаться, что мальчика зовут Маун Теин; юношу, когда он пойдет работать или станет студентом, — Ко Теин, а солидного, почтенного человека величают У Теином. Если у него появляются дети, то они получают свои собственные имена, которые также будут «взрослеть» и «стариться» вместе с ними.

К имени учителя, врача часто прибавляют приставку Сая, к имени офицеров — Бо.

Не так просто непосвященному разобраться в бирманских именах и фамилиях. По ним трудно установить степень родства, поскольку каждый «сам по себе». Дети не имеют общей фамилии с родителями, мужа с женами. Выйдя замуж, девушка не меняет свое имя.

Имя человека обычно начинается здесь с одного из слогов, обозначающих день недели, в который он родился.

КАМПАНИЯ «ТРИ А»

Отдадим должное монастырям. Хотя они и не ставили себе целью распространять просвещение в стране, тем не менее стали первыми школами, где обучали грамоте мальчиков. Пожалуй, ни в одной стране монахи не уделяли столько внимания образованию, как в Бирме. Не случайно по уровню грамотности населения Бирма долго опережала соседние страны.

Грамотность— тот ключ, который открывал дорогу к знанию... религиозных истин, ибо изучать религиозные книги— питаки и уставы монастыря — можно, только научившись бегло читать и писать.

Мальчиков, поступивших в монастырские школы, называли касанами. Чему учили в монастырях? Письму, чтению, элементарным арифметическим действиям. Давали знания по астрологии, логике, музыке, пению, медицине. Учили всему понемногу. Серьезного образования монастыри не давали, поскольку слишком рьяное стремление к знаниям не поощрялось: оно могло увести к познанию истинных ценностей этого мира, что отнюдь не входило в задачи монахов. Главное — изучать каноны религии. Часами ученики твердили, заучивая наизусть, отрывки из священных писаний.

В монастырях обучали только мальчиков. Девочки проходили «курс» домашнего воспитания.

Все мальчики в возрасте от семи до четырнадцати лет, будь то наследник трона или сын бедного пахаря, должны были посещать монастырские школы. Здесь они не только постигали азы науки, но и выполняли различные поручения: следили за чистотой, сопровождали монахов в утреннем обходе. Послушник — касан — надевал оранжевую тогу лишь к концу пребывания в монастыре. А когда юноша возвращался домой, он уже считался взрослым мужчиной.

Система монастырского образования продолжала действовать и после захвата Бирмы англичанами. Но теперь у нее появились мощные конкуренты. Новые школы открывались католическими и протестантскими миссиями. Возникали государственные школы, вырос ряд частных колледжей. В большинстве из них преподавание велось на

английском языке. И только монастырские школы оставались исключительно бирманскими.

Завоеватели не могли не считаться с теми уважением и популярностью, которыми пользовались в народе монастырские школы. Там учили детей дисциплине, этике, прививали почтение к родителям, к старшим. Там учили, как жить, но не учили, как заработать на жизнь, не давали профессии.

Такое обучение не отвечало потребностям колонизаторов, которым нужны были чиновники для новой административной системы и работники для развивающейся промышленности и торговли.

Однако образование все же оставалось привилегией узкого слоя населения. Основная масса была неграмотна.

С первых лет, как только Бирма обрела независимость, развернулось настоящее наступление на неграмотность, ставшее общенациональным движением.

В 1964 году постановлением Революционного совета были национализированы все школы. Введено обязательное начальное и бесплатное восьмилетнее обучение по единым программам. Те, кому удавалось окончить одиннадцать классов, держали экзамены в вуз.

Результаты не замедлили сказаться. В семидесятых годах в стране было уже больше тридцати тысяч школ, двадцать институтов и два университета. Число учащихся превысило четыре миллиона.

Ежегодно университеты страны и технические колледжи выпускают около тридцати тысяч дипломированных специалистов. За успехи в народном просвещении Бирма была удостоена специальной премии ЮНЕСКО.

В апреле в вузах кончается учебный год и начинается летний «трудовой» семестр. Правительство считает своей важной задачей привлечь молодежь к активному участию в делах страны. Студенты работают на полях, строят дамбы, водохранилища, уезжают в глухие деревни, чтобы оказать жителям медицинскую помощь и вести профилактическую работу. За лето будущие интеллигенты проходят прекрасную школу, приобщаются к решению задач национального строительства.

Есть у бирманских студентов еще одна давняя традиция: вот уже двадцать лет во время каникул они выезжают в самые отдаленные края, чтобы обучить грамоте взрослых жителей деревень. Десятки тысяч энтузиастов обучают письму и счету крестьян.

В народе эта кампания называется «Три А», потому что именно с этой буквы начинаются бирманские слова «читать», «писать» и «считать». Художники создали даже специальную эмблему — круг, внутри которого размещены три буквы «А». Такой знак можно увидеть на плакатах, открытках, марках, на рубашках студентов. К 1990 году намечено полностью покончить с неграмотностью. «Умеешь читать — научи другого!» — призывают красочные щиты, выставленные на дорогах Бирмы.

Энтузиазм молодых просветителей велик, но часто бывает так: они возвращаются в город, а их ученики вскоре теряют навыки чтения. Да и как их сохранить, не имея ни книг, ни журналов, ни газет!

— Обязательно ли посещение начальной школы? — спросила я как-то бирманских друзей.

— А вы бывали в наших деревнях? — ответили они вопросом на вопрос.

Да, по закону все дети с шести лет обязаны посещать школу. Но сплошь и рядом закон нарушается. Не хватает школ, учителей, мало учебников, классы переполнены. А главное, далеко не каждая крестьянская семья может себе позволить роскошь послать ребенка в школу, даже бесплатную. Его лучше займут по хозяйству.

Кстати сказать, возраст детей в Бирме не всегда можно установить с достаточной точностью. В крестьянских многодетных семьях мало кто берет на себя труд запомнить год рождения малыша, а метрические свидетельства здесь не приняты. Важно лишь запомнить день недели и час появления на свет ребенка, чтобы составить ему гороскоп. А год рождения существенной роли не играет.

Это весьма на руку некоторым молодящимся бирманкам. Я помню, как дочь владельца дома, который мы арендовали, доверительно сообщила мне, что на днях ей исполнится тридцать лет. А через три года, когда она собралась замуж без особого энтузиазма, она же сказала:

— Я бы не спешила, но мама торопит — говорит, что пора: скоро стукнет... двадцать шесть.

ПВЕ УКРАШАЮТ ЖИЗНЬ

Хотя буддизм учит воздержанности и аскетизму, бирманцы любят повеселиться и умеют радоваться жизни.

Не было радио, кино, телевидения. Был единственный способ развлечься — устроить пве. Сын ли вступил в монастырь, родился ли ребенок, выращен ли хороший урожай — все это поводы для пве.

Так повелось издавна. Народ собирался со всей округи, прихватив с собой еду, сигары и коврики. Пве начиналось после захода солнца, когда спадала жара, и нередко продолжалось до рассвета.

Сказать, что пве только театральное представление, было бы неточно. Пве — это и калейдоскоп развлечений, и способ общения — все вместе. Странствующие актеры разыгрывали бытовую комедию и религиозные драмы. Не обходилось без клоунады, пантомимы и, конечно, танцев.

Бирманские танцовщицы — само очарование. В лучах света на сцену выпархивает сказочное создание — гибкое, как молодой побег бамбука. Ладную фигурку плотно облегают вышитый тхамейн, на голове сверкает диадема, тонкие запястья унизаны филигранными браслетами, на губах пленительная улыбка.

Бирманский балет самобытен. Трудно сказать, где его истоки. Танцевали в Бирме и тысячу лет назад, о чем нам поведали фрески на стенах древних храмов и пагод. Любят танцевать в Бирме и сегодня.

Артисты, будь то национальный балет или маленькая провинциальная труппа, держатся на сцене просто и раскованно. Они живут в танце и сами получают от него удовольствие. Танцуют поразительно пластично, почти скульптурно. Позиции рук и ног восходят к индийским канонам. Но если индийский классический танец ритуален, то в движениях бирманок чувствуешь радость земной жизни, приветливость, кокетство. В основном это танец рук, выразительных жестов. Иногда, чтобы удлинить и без того длинные пальцы, на них надевают специальные наконечники.

Издавна в Бирме существовало два вида театра: театр актера и кукол (теневого и марионеток).

Бирманский театр — искусство синтетическое. Это слияние драмы, музыки, пения и танца.

Бирманцы любят театр, хотя в стране нет пока стационарных, «оседлых» театральных трупп, имеющих свое здание. Странствующие актеры, как и в былые времена, разъезжают по городам и весям.

Для пве много не нужно: представление идет без занавеса, без кулис, без заранее написанного текста.

Актеры импровизируют на заданную тему. Остальное зависит от реакции и фантазии зрителей. Спектакль может идти всю ночь, и никого это не беспокоит.

Зрители, по-домашнему рассевшись на циновках, наслаждаются ночной прохладой, игрой актеров, длинными монологами героев, вслух обмениваются репликами, смеются, негодуют, курят черуты. В свою очередь это ничуть не мешает актерам. И обе стороны довольны.

Классическая бирманская драма — это инсценированные джатаки (притчи о перевоплощениях Будды) и, если можно так сказать, исторические пьесы. В тех и других

действуют короли и королевы, духи-наты, чудища-билу и мифические чинте. Запрещается представлять лишь Гаутаму, достигшего просветления.

В наши дни грозным конкурентом пве стало кино. Ежегодно в прокат поступает пятьсот фильмов. В душных, невентилируемых кинозалах на зрителей обрушивается с экрана несметное количество чудовищ и вампиров.

Низкопробный кинематографический ширпотреб, импортируемый из Японии, Америки и Европы, вступает в конфликт с вековой буддийской этикой. Гангстеризм, убийства, потасовки — все это приходит в столкновение с традиционной моралью. Хорошо еще, что власти пресекают поток порнографии. Сексуальные сцены в фильмах, как правило, вырезаются. Зарубежные фильмы идут без перевода, иногда с титрами.

В столице есть несколько современных кинотеатров с кондиционированием воздуха и удобными мягкими креслами. Однако билеты в них не по карману рядовому зрителю. Простые бирманцы ходят в дешевые кинотеатры точно так же, как раньше ходили на пве,— всей семьей, с маленькими детьми, нисколько не заботясь о том, какой будет показан фильм.

Бирманскому кинематографу более полувека. Первый звуковой фильм вышел на экраны в 1932 году. Но пока кино не может похвастаться серьезными творческими достижениями. Фильмы по своей сути развлекательные, мелодраматические, с пространственными сценами, полными слез и взламывания рук. Часто для продюсера главное — найти хорошенькую актрису, умеющую петь и танцевать. Если такая будет, кассовый успех фильму гарантирован.

Популярны в стране и кукольные представления. Вслед за классической драмой традиционные кукольные театры разыгрывают сцены из джатак или из истории страны. В последнее время успешно развивается и современный кукольный театр, репертуар которого приближен к сегодняшнему дню, к реальной жизни, полной сложных проблем. Кстати, у колыбели первой бирманской школы, готовящей актеров-кукольников, основанной в Рангуне в 1965 году, стояли две известные чехословацкие кукольницы — доктор Ева Водичкова и Яна Глздикова.

ГОНГ И ДЕВУШКА С АРФОЙ

К бирманской музыке трудно привыкнуть. Я не специалист, а потому так и не смогла открыть для себя красоту диссонансных звуков, хотя эта музыка признана во всем мире и имеет давние традиции. Так, китайские хроники IX века поведали, что при дворе китайского императора в дни новогодних торжеств выступали музыканты из королевства Пью (центральная Бирма), которые показали высокое мастерство и встретили восторженный прием слушателей.

На мой слух бирманский оркестр звучит не мелодично. Зато какое великолепное зрелище он являет собой!

Если в нашем симфоническом оркестре главную роль играют скрипки, то в бирманском народном оркестре тон задают гонги и барабаны.

Основа любого оркестра — большой круглый гонг. Это полос сооружение, напоминающее барабан, внутри которого сидит музыкант и виртуозно отбивает такт на одиннадцати небольших гонгах, подвешенных с внутренней стороны.

Очень популярны трещотки из расщепленного бамбука — ози. Любимы народом цимбалы, колокольчики, флейты, дудочки.

Ни один оркестр не обходится без древней цитры и бамбукового ксилофона — патала, сделанного в виде крокодила.

И наконец, украшением оркестра по праву считается королевская арфа с высоким изогнутым грифом, на которой обычно играют прелестные девушки в национальных одеждах.

ЧТОБЫ НАГОТОЙ ТЕЛА НЕ ОСКОРБИТЬ НАТОВ

Знакомство с бирманским способом купания меня умилило. Во-первых, оно происходит прямо на улицах, где-нибудь у колодца или водоема. Во-вторых, моются, не снимая одежды. Мужчины — пропустив заднюю часть лоунджи между колен и закрепив на поясе. Женщины — подтянув юбки и завязав их под мышками.

Долго, не спеша и с видимым удовольствием бирманки обливаются водой, дружески беседуя и обмениваясь новостями. Закончив ритуал, они в мокрых лоунджи, прилипших к телу, довольные, освеженные, возвращаются домой.

Так купаются в кварталах бедноты. Но только ли там? В Рангуне немало домов и вилл с выложенными кафелем ванными и душами. Но порой и там следуют народной традиции.

Как-то, не помню уже зачем, я зашла к дочери владельца нашего дома. Может быть, чтобы вместе пойти на базар, может, просто поговорить по душам. Я частенько приходила к Ли Ли. К слову сказать, девушка была наполовину китайка, а потому у нее было два имени — бирманское и китайское — и еще третье — полученное в английской школе, которое она почему-то тщательно скрывала.

Я пришла не вовремя: Ли Ли принимала душ. Хотела было уйти, но меня попросили немного подождать, и я охотно осталась отдохнуть в прохладе первого этажа каменного дома, ожидая, когда выйдет из ванной Ли Ли. «Интересно,— думала я,— в чем она появится? В своей обычной одежде или в махровом европейском халате?» Оказалось, ни в том, ни в другом.

Когда шум воды наконец утих и дверь открылась, моим глазам предстала девичья фигурка, облаченная в... завязанное под мышками лоунджн.

— Я сейчас,— бросила она на ходу,— переоденусь и через минутку приду...

И мокрые пятки зашлепали по лестнице, ведущей в спальню.

Что это — привычка, пуританская буддийская мораль или суеверие? В Бирме не принято раздеваться догола, даже находясь в одиночестве, чтобы наготой своего тела не оскорбить духов-натов.

ЧИНЛОН – ЭТО МАЛЕНЬКИЙ МЯЧ И БОЛЬШОЙ АЗАРТ

В Рангуне любят спорт. Часто на улицах, в переулках вы можете увидеть табличку, прикрепленную к дереву или к дому: «Эта улица непроезжая. Она для игр».

Бирманцы — нация спортивная. По утрам, когда еще прохладно и на буйных тропических куцах лежит роса, вереницы юношей и девушек в шортах и кедах бегают трусцой. Другие натягивают паруса яхт, делают заплывы на озере Инья, что рядом с университетом.

Любят в Бирме греблю, бокс, стрельбу из лука, фехтование, запуск воздушных змеев, теннис, гольф. А что касается футбола, то Бирма по праву заслужила признание соседних стран. На Международных Азиатских играх бирманские футболисты не раз завоевывали золотые медали.

Но все виды спорта отходят на второй план, когда появляется маленький жесткий, сплетенный из ротанга мяч, полый внутри,— чинлон. Неповторимый и незаменимый чинлон. Всеобщий любимец. Для игры в чинлон не нужно ни стадионов, ни кортов, ни дорогостоящего инвентаря. Можно обойтись и без болельщиков. И расходов никаких: достаточно иметь мяч — и играй на здоровье. Играть можно везде: в боковой улочке, на поле, возле хижины, на спортивной площадке, в гимнастическом зале.

Если играть по правилам, на соревнованиях, то команда должна состоять из шести человек. Ну а если для себя, то число игроков не имеет значения.

Игроки становятся в круг, в середине — лучший, центральной. Он подкидывает мяч ногой, пасует кому-нибудь и снова принимает на себя. Задача — не дать мячу упасть на

землю. Отбивать мяч разрешается любой частью тела, кроме рук. Мяча можно касаться головой, спиной — чем угодно, только не руками. Выигрывает команда, которой удастся продержать мяч в воздухе дольше соперников.

Виртуозный игрок может ударить по мячу подряд до трехсот раз. При этом, словно жонглер, он перекидывает мяч через плечо, голову, элегантно отбивает пяткой. Если это соревнования, то судьи считают удары, ну а болельщики, как водится, подбадривают мастера возгласами. Чинлон столь любим всеми, что проводятся общенациональные турниры по этой игре.

А где-нибудь возле бамбуковой хижины смуглый парень закатывает до колен лоунджи, и вот выдавший виды мяч уже в воздухе. Парень играет не для славы, не для судей, а для собственного удовольствия, получая радость от движения.

ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕН РИС!

На государственном флаге Бирмы изображены колоски риса на фоне шестерни — символ союза крестьян и рабочих.

Рис не только хлеб насущный и главная статья экспорта — он символ жизни. На свадьбах молодоженов усаживают перед серебряной чашей с рисом, и только после того, как они отведают по горсти риса, из общей чаши, их считают мужем и женой.

Каждая вторая надпись на стенах храмов древнего Пагана рассказывает о рисе. Скупые строки повествуют, сколько корзин риса уплачено за работу строителям пагоды, сколько пожертвовано дарителем.

И семьсот лет назад рис в Бирме был эквивалентом денег. Рисовой житницей страны была тогда область на севере — Тьяук-сейн. Кто владел землей Тьяуксейна, тот становился хозяином Бирмы. Культура поливного рисоводства здесь была очень высока. В это трудно поверить, но еще сегодня крестьяне используют некоторые из оросительных каналов, построенных во времена короля Анируды, в XI веке.

Теперь главной, признанной кладовой риса стала дельта Иравади в Нижней Бирме. Плодородная илистая почва, обилие влаги сделали дешевой себестоимость выращиваемого здесь зерна. Перед второй мировой войной Бирма занимала первое место в мире по экспорту риса.

Долина в дельте Иравади словно создана для выращивания риса: земля благодатная, вроде бы особых забот не требует. Но это только на первый взгляд. Рис — очень капризная и трудоемкая культура. Ему подавай влагу, и солнце, и... крестьянский пот.

К сезону дождей надо подготовить поле, соорудить питомник для рассады, укрепить земляные валики для удержания влаги, проверить дренажную систему. Затем сжечь стерню, что была оставлена после сбора прошлого урожая, и полученной золой удобрить поле, вспахать его...

В июне, когда приходят дожди, начинается посадка риса на поля. Выращенную в питомнике рассаду ровными рядами высаживают в грунт. После этого поле заполняют водой. Главное сделано: над водной гладью торчат нежно-зеленые ростки. Теперь дело за солнцем и дождями. Они довершат работу. А крестьянам ничего не остается, как терпеливо ждать, каким выдастся урожай.

Не потому ли колонизаторы свысока отзывались о бирманских земледельцах, утверждая, что они больше всего любят сидеть на корточках на краю поля и созерцать, как наливаются колос. Однако недолго длится крестьянская передышка. В октябре муссон отступает. Изумрудные стебельки желтеют, рис созревает.

Настает пора жатвы — деревенская страда. Крестьянам уже недосуг просиживать в созерцании. В поте лица работают они в поле от зари до зари. Налитые золотистые «метелки» риса срезают длинным серпом, вяжут в пучки и на бамбуковых коромыслах уносят с полей.

Но это не все. Зерно надо просушить, обмолотить, отвеять, укрыть в амбарах, уберечь от сырости и грызунов. Семь потов сойдет с пахаря, пока он принесет в дом несколько мешков драгоценного зерна.

Вторая половина XIX века была мрачной в истории Бирмы. Англичане захватили земли Нижней Бирмы. В дельте Иравади начался «рисовый бум». Были освоены громадные массивы целинных земель. Согнанные на принудительные работы крестьяне под плетью надсмотрщиков обыкновенным ножом — дахом вырубали леса под будущие пашни. Строили оросительные каналы, дамбы, водохранилища. Но все это делалось на благо чужеземцев.

С открытием Суэцкого канала в 1869 году Бирма приблизилась к европейским рынкам. Морской путь в Европу сократился почти вдвое. Бирманский рис завоевал новый обширный рынок и не мог насытить его. В Европу тогда можно было экспортировать рис в любых количествах. Посевные площади в Бирме расширялись на глазах. Кривая производства риса взметнулась вверх. При этом три четверти зерна вывозилось из страны.

В дельту Иравади с ее идеальными условиями для выращивания риса переселялись земледельцы из других районов страны, а также бедняки-индийцы, жившие за Бенгальским заливом.

В начале XX века цены на рис были высоки, а потому идея расширения посевных площадей была очень перспективной. Крестьяне-переселенцы получали небольшой земельный надел, но они не имели достаточных средств, чтобы справиться с севом, с закупкой зерна, не влезая в долги к ростовщикам.

Вроде бы и требовалось не так уж много: плуг, соха, пара буйволов и семена. Но у переселенцев и этого не было. Оставался один выход — брать ссуду у индийских ростовщиков и перекупщиков, которых называли четтьярами. Четтьяры ссужали деньги под залог земли, проценты при этом взимали чудовищные. А рис оставался на внутреннем рынке относительно дешев.

Проходили годы. Долги крестьян не только не уменьшались, но и неуклонно росли. Во время мирового экономического кризиса в 1929 году цены на рис на мировом рынке упали. Тысячи бирманских крестьян были разорены. Часто денег от продажи скудного имущества не хватало, чтобы погасить долги. Тогда у них отбирали землю.

Так крестьяне из владельцев мелких земельных участков превращались в наемных батраков, а их земли переходили в собственность иностранцев, в основном четтьяров. Двадцать тысяч ростовщиков владели большей частью всех пахотных земель и рисо-рушек. Экспорт риса контролировали англичане.

Этот процесс широко развернулся в тридцатые годы и вызвал в народе волну ненависти к иностранцам — владельцам земли. Колонизаторы превратили Бирму в поставщика риса в Британскую империю.

В год открытия Суэцкого канала из Бирмы было вывезено в Европу полмиллиона тонн риса. К концу XIX века экспорт риса достиг почти полутора миллионов тонн. После окончания первой мировой войны, не затронувшей Бирму, он составил уже три с половиной миллиона тонн, однако в следующее десятилетие заметно затормозился.

Население Бирмы к началу тридцатых годов значительно выросло, перевалив за семнадцать миллионов человек. Рост производства зерна начал отставать от прироста населения. Правда, он вполне еще удовлетворял внутренние потребности, но на увеличение экспорта риса уже не хватало.

В канун второй мировой войны Бирма занимала четвертое место по производству риса (после Китая, Индии и Японии). Война нанесла сильнейший удар по экономике страны. Посевные площади сократились на одну треть. В послевоенные годы экспорт риса из Бирмы так и не достиг довоенного уровня.

В 1948 году было вывезено немногим более миллиона тонн. Экспорт риса сократился почти в три раза и оставался на этом уровне до начала шестидесятых годов.

Мешали нестабильность внутривнутриполитической жизни и развернувшееся в стране повстанческое движение.

В шестидесятых годах страна переживала серьезные экономические трудности. Дело дошло до того, что риса не хватало даже на внутреннем рынке. Пришлось срочно вводить карточную систему на продукты питания. Власти были вынуждены оставить в стране часть зерна, предназначенного на экспорт. В результате экспорт упал до полумиллиона тонн.

А население Бирмы продолжало стремительно расти. К концу * семидесятых годов оно составляло уже тридцать миллионов. Прирост населения был чрезвычайно высок — больше двух процентов в год. Социологи подсчитали: если в ближайшее время такой темп прироста сохранится, то к концу восьмидесятых годов население Бирмы составит пятьдесят миллионов человек. И всех надо прокормить, каждому дать хотя бы горсть риса в день.

Правительство встало перед серьезной проблемой — принять срочные меры по производству риса, чтобы Бирма — крупнейший экспортер риса в прошлом — не превратилась в импортера этого жизненно важного продукта.

Специалисты называли несколько причин зстоя производства риса: капризы погоды — засухи и наводнения, обилие вредных насекомых и грызунов, недостаточное расширение посевных площадей, архаичные методы культивации земли, неполное обеспечение семенным фондом во время сева, раздробленность земельных участков. Для обработки крохотных наделов — менее пяти гектаров — невозможно использовать трактор. Большинство крестьян выращивают рис по старинке, дедовскими методами. Пашут на буйволах, а значит, постоянно существует проблема кормов для животных.

В 1970 году правительство издало закон о создании в деревнях кооперативов. Вскоре их было около двадцати тысяч, и объединили они шесть миллионов крестьян.

Бирманские кооперативы имеют гибкую форму: сотрудничают и с государством, и с частником. Государство выделяет им кредиты, дает промышленные товары по оптовым ценам. Кооперативы в свою очередь закупают у крестьян рис, продают его государству, одновременно снабжая деревню необходимыми товарами.

Членом кооператива может стать любой крестьянин. Он вносит вступительный пай и получает учетную карточку, позволяющую приобретать мыло, текстиль, керосин и другие нужные в быту вещи по твердым ценам. Таким путем кооперативы ограждают крестьян от чудовищно дорогого «черного рынка».

Кооперация объявлена в Бирме второй по значению формой хозяйства после государственной. На нее возлагаются большие надежды. Кооператив, как правило, объединяет сотни семей. При этом каждый крестьянин сам обрабатывает свое поле, сажает рис или другую культуру. Но правление кооператива знает, сколько приблизительно зерна он вырастит, сколько продаст государству и какие товары получит взамен по своей учетной карточке. Такая система стимулирует крестьян добиваться более высоких урожаев.

Правительство стремится сделать сельское хозяйство многоотраслевым, всячески поощряя выращивание так называемых нетрадиционных культур. Сейчас в стране под рисом занято шестьдесят процентов земель. На остальных выращивают хлопок, джут, кукурузу, арахис, сахарный тростник, гевею, кокосовую пальму, табак, кунжут, чай. Однако урожайность культур все еще невысока.

Правительство списало с крестьян старые долги, повысило закупочные цены на рис, разрешило продавать на рынке излишки зерна, запретило ростовщичество.

Теперь в Бирме электрифицированы почти все города и около пятисот деревень. Построены заводы минеральных удобрений, десятки оросительных каналов и плотин, сооружены новые рисо-очистительные заводы. Работают около ста машинопрокатных станций, призванных модернизировать сельское хозяйство.

Западные экономисты «пророчествовали»: бирманскому крестьянину суждено век ходить с сохой за буйволом и никогда не выбраться из нужды. Но уже сегодня поля Бирмы обрабатывают пять с половиной тысяч тракторов, среди которых немало чехословацких «зеторов». Чехословакия помогла Бирме построить тракторосборочный комбинат.

Почти тридцать лет сотрудничает Бирма с социалистическими странами. Уважают эту страну во всем мире за ее последовательную миролюбивую политику. Она — противница военных пактов и неизменно следует курсу превращения Юго-Восточной Азии в зону мира на Земле.

КОРОЛЕВСКОЕ ДЕРЕВО — ТИК

В наследство от колонизаторов Бирме досталось монокультурное сельское хозяйство. Практически страна была превращена в кладовую риса. Рис и сегодня основа экономики страны. Бирманский рис покупают Индия, Шри Ланка, Вьетнам, Индонезия.

Другая важная статья бирманского экспорта — тиковая древесина. Тик, «зеленое золото» страны, издавна пользуется огромным спросом во всем мире. Еще четыреста лет назад арабские купцы вывозили из Бирмы тик — «индийский дуб». Позднее тиковые деревья были объявлены собственностью английской короны и вырубка их строжайше преследовалась законом.

Перед второй мировой войной годовая заготовка тика составляла полмиллиона тонн, из них около половины вывозилось за рубеж. После войны она сократилась в четыре раза. Но и теперь Бирма остается крупнейшим экспортером тика. В семидесятых годах в бирманских лесах произрастало около шести с половиной миллионов тиковых деревьев.

Тик мало уступает по прочности слоновой кости, он не гниет, его не точат термиты. Это лучший в мире материал для корабельных палуб. Судно с тиковой оснасткой выдерживает любые штормы. Кроме того, из тика делают превосходную мебель, паркет, сувениры. Любят его мастера-резчики за красивую и теплую текстуру.

Растет тик на равнинах и на склонах гор. Дерево живет больше ста лет, достигает пятидесяти метров в высоту, цветет яркими малиновыми цветами. Чтобы «повзрослеть», дереву надо расти сорок лет.

Процесс заготовки тика чрезвычайно трудоемок и занимает несколько лет.

Сырая, свежесрубленная древесина так тяжела, что тонет в воде и ее нельзя сплавлять. Поэтому дерево «сушат» на корню. Делают глубокий надрез на стволе, но не валят, а дают постоять два-три года. После валки гигант еще долго «досыхает», что улучшает такие свойства древесины, как прочность и стойкость к гниению.

Сплавляют тик по рекам, дождавшись сезона дождей. Бревна увязывают в плоты, связывают канатами, и плывут они на юг, в Рангун — на заводы, в порт.

По природным запасам Бирма — одна из самых богатых стран Юго-Восточной Азии, хотя она продолжает оставаться слаборазвитой, аграрной страной. Недра ее еще недостаточно изучены. Но и разведанные ресурсы разрабатываются пока не в полной мере. Были обнаружены значительные запасы нефти и природного газа, однако для развития нефтяной промышленности не хватает средств и квалифицированных кадров. В подземных кладовых страны есть вольфрам, свинец, олово, медь, цинк, сурьма, никель, кобальт, хром, кварц, мрамор, железная руда, серебро и золото. Всемирной известностью пользуются бирманские рубины, сапфиры и жемчуг.

III ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ВОСТОКА

КАЛЕДЕТ — ЭТО КОЛОКОЛ ИЛИ ГОНГ?

Ни то ни другое. Я назвала бы его монастырским будильником.

Представьте себе небольшую деревянную наковальню с выдолбленными по краям отверстиями, к которой прилагается колотушка. Резкий «голос» каледета в пять утра ежедневно возвещает о том, что новый день в Бирме наступил, по крайней мере для поунджи. Бьют в каледет сначала медленно, потом все быстрее и заканчивают яростной дробью, которая способна разбудить любого лежебоку.

Звуки каледета проникали в наш дом через плотно закрытые окна и шум кондиционера. Сон обрывался с легкостью паутинки.

«Проснись! Покинь дом! Иди навстречу солнцу!» — неслось неистовое стаккато монастырского будильника.

Со временем я привыкла к звукам каледета, и они доходили до слуха в полусне. «Это поунджи должны вставать. Тебя это не касается. Ты можешь еще спокойно поспать», — сквозь сон уговаривала я себя.

Сотни тысяч монастырей (их называют здесь поунджи-чаун) рассыпались по Бирме. Маленькие и большие, непритязательные и покрытые искусной резьбой, знаменитые и безымянные... Но все они деревянные, построенные из тика.

Внешне монастыри ничем не отличаются от жилых строений. В восточной, наиболее почетной части располагается зал для посетителей. Там, против главного входа, стоит статуя Будды. Там же по воскресеньям читается «закон», принимаются пожертвования. Жилые кельи для монахов упрятаны в задней, западной части здания.

Славится монастырями Мандалай — последний оплот и резиденция бирманских королей. Мандалай считался в XIX веке центром буддизма всей Юго-Восточной Азии. Теперь блеск королевской столицы потускнел, остались одни отблески — старинные поунджи-чауны.

В дальнем конце нашего сада за низкой кирпичной стеной тоже стоит поунджи-чаун. Самый обыкновенный: несколько приземистых строений вокруг такого же невысокого центрального здания скрываются в тени деревьев. Кстати, одна из заповедей Будды — жить в тени деревьев.

Долго я не отваживалась поближе познакомиться с жизнью необычных соседей, хотя калитка в разделяющей нас стене днем была постоянно открыта и монахи привычно сокращали путь, проходя через наш участок: ведь гораздо приятнее пройти затененным садом, чем идти по горячему асфальту под жгучим солнцем.

Ранним утром в саду мне нередко встречались поунджи с тапеитами в руках и черными зонтами. Они проходили мимо, молча приветствуя меня дружелюбной улыбкой. Ободренная их примером, я тоже несколько раз прошла краем монастырского сада, чтобы сократить дорогу до соседней улицы. Но всякий раз меня не покидало ощущение, что я делаю что-то недозволенное, неделикатное. К тому же такое сокращение пути имело свои неудобства: по территории монастыря нужно было идти босиком.

Лишь однажды я рискнула сойти с посыпанной гравием дорожки и заглянуть в зал центрального здания монастыря. И я увидела то, что ожидала: по всему залу размещались статуи Будды, а перед ними, низко склонив голову, недвижно сидели, поджав под себя ноги, оранжевые фигурки...

Иногда все обитатели монастыря собирались в зале, хором повторяя каноны на непонятном мне языке. И монотонный речитатив, доносившийся из-за калитки, необъяснимо тревожил душу. У наших домовладельцев были свои взаимоотношения с монастырем: они регулярно приносили ему дары, приглашали монахов на праздничные трапезы.

ИСКУССТВО ДАРИТЬ

Преподнести дар в полном соответствии с традиционными понятиями бирманцев не так-то просто.

Важно соблюсти три условия: дарующий должен быть бескорыстным, дар — добрым, а принимающий дар — достойным его. Сочетать все эти три требования довольно сложно.

Итак, дарующий должен быть абсолютно бескорыстен и помыслы его чисты. Сделать подарок — для него счастливая возможность сотворить добро. Бескорыстно. Безвозмездно. Не требуя благодарности. Без всяких расчетов на то, что этот добрый поступок зачтется в следующей жизни.

Второе условие: подарок должен быть добрым. Ведь в сущности, давая яд самоубийце, человек тоже, можно сказать, «подносит ему дар». Но это злой дар. Дар считается добрым, если он заработан собственным трудом и не приносит несчастья другому.

Можно подарить вещь, добытую нечестным трудом или ненужную. Но это не зачтется в заслуги. Вот если вещь дорога самому дарующему, тогда можно заслужить признательность. И третье: очень важно, кому предназначается подарок. Одно дело — одарить монаха, и совсем другое — облагодетельствовать плохого человека. Но и это не все. Даже если ты одаряешь святого, но с расчетом, что это улучшит твою карму, — зря стараешься. Буддийская этика гласит: «Неподдельная добродетель, основанная на истинной любви, — вот та золотая чаша, на которой надлежит подавать дары».

Целят не величину дара, а чувство, с которым он дается. Подарив вещь, не следует интересоваться ее дальнейшей судьбой. Как поступит с ней новый владелец — его личное дело.

«ЭТА ВОДА, ПЕРЕДАЮЩАЯ ЗАСЛУГИ...»

Наделить поунджи едой при утреннем обходе — значит пополнить список добрых дел, которые зачтутся человеку в следующем рождении. Но еще лучше пригласить поунджи на семейное торжество — свадьбу, рождение ребенка или просто на воскресный обед.

Каждая семья стремится услужить поунджи. Монахи всегда желанные гости в доме. Их зовут задолго до приглашения остальных гостей, первыми. Зовут рано утром, поскольку после полудня им есть запрещено.

Монастырь, что соседствовал с нами, был небольшим. Обычно мимо дома проходили поутру два-три монаха. Но однажды продефилировала целая колонна. С перекинутой через левое плечо оранжевой тогой, с прижатым к груди белым веером поунджи шли один за другим.

«Что такое? Неужели «наш» монастырь переселяется на новое место?» Однако не прошло и полутора часов, как те же монахи, точно так же, один за другим, проследовали обратно. В чем дело?

Монастырский сад за низким забором был особенно тих в тот день, лишь в одном углу виднелись развешанные на веревке свежестырянные оранжевые рясы. Они давно высохли и, развеваясь на ветру, поражали простотой своего покроя. В сущности это обыкновенный, даже не раскроенный кусок ткани. А вот как он будет выглядеть на фигуре, зависит от умения каждого монаха. Наверное, это не просто — искусно уложить кусок ткани на левом плече так, чтобы правое оставалось обнаженным.

...Нет, непохоже, чтобы монастырь готовился к переселению.

«Спрошу-ка у домовладельцев. Они все знают», — решила я.

— Что вы? Какой переезд? — удивилась Ли Ли. — Просто семья напротив устроила угощение для поунджи.

— Зачем?

— Просто позвали, из уважения. До Сеин еще вчера начала готовить.

До Сеин слыла в округе лучшей мастерицей готовить карри для праздничных обедов.

Я хорошо знала дом соседней напротив. Три ступеньки на веранду, оттуда в комнату, где одна из дочерей шила на старенькой швейной машинке детские платица, которые ее отец продавал на базаре. Я недоумевала, как туда могло войти столько гостей?

Прошел месяц, и к нашим хозяевам приехал на каникулы сын. Он возвратился из США, где в одном из университетов заканчивал курс электротехники.

Через две недели мне доверительно шепнули, что... «будущий господин инженер стал поунджи». Он никогда еще не жил в монастыре, и в семье решили, что будет лучше, если он пробудет в монахах до получения диплома и женитьбы.

— Куда же он ушел? — спросила я и тотчас поняла, что вопрос праздный.

Куда же еще, как не в монастырь за низким забором!

Уже все вокруг знали, что старый «господин домовладелец» утром усадил До Сеин в собственный автомобиль и они уехали на базар за покупками. Весь день хлопотунья До Сеин будет готовиться к завтрашнему приему почетных гостей: к хозяевам придут поунджи из соседнего монастыря, а с ними — их гордость и надежда, их единственный сын.

Такой случай упустить нельзя. Итак, решено: завтра придется встать с первыми ударами каледета. Когда же утром раздался привычный глуховатый резкий звук, по суете в доме хозяев можно было определить, что там уже давно все на ногах. Собака привязана за домом, входные решетки на дверях распахнуты настежь.

Было еще далеко до шести, когда старый хозяин вышел на порог поджидать дорогих гостей. На нем была ослепительно белая рубашка, праздничное лоунджи шелестело шелком.

Наконец-то! Через калитку прошли монахи с белыми веерами. Хозяин встретил их почтительным поклоном и, пропустив всех, вошел последним. Двери прикрыли, чтобы ничто не нарушало праздничной трапезы.

Что же теперь? Наверное, лучше всего последовать примеру поунджи и позавтракать. Потом выйти в сад для утренней прогулки, а там видно будет.

Застолье шло в комнате главы дома — самой большой и светлой, там, где стояло изваяние Будды. Много раз я проходила через весь дом, но двери в эту комнату всегда были закрыты. Но сегодня искушение увидеть вблизи незнакомую, таинственную жизнь монахов было очень велико. Я осторожно приблизилась к каменному крыльцу дома. Подходить вплотную неудобно.

— Нужно вернуться, — соображала я. Но все же заглянула в прихожую через приоткрытые двери. Несколько пар стоптанных резиновых шлепанцев рядом стояли у стены.

— А что, если подойти со стороны бассейна и незаметно заглянуть в полуоткрытые окна?.. Пожалуй, я так и сделаю, а цветущие под окном кусты бугенвиллей надежно скроют меня.

Но все меры предосторожности оказались излишними. Никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Все были поглощены происходящим. Широким полукругом лицом к статуе Будды и спиной к окну сидели поунджи, скрестив ноги; спина у всех прямая, напряженная, голова опущена, глаза устремлены вниз. Позади них расположились обитатели дома, склонившись в глубоком поклоне. Слышалось негромкое заунывное пение.

Приглашение монахов в гости — старинный обряд, имеющий свои правила. Еда, причем самая вкусная, должна быть на столе к шести часам утра. Не так легко к столь раннему часу успеть все приготовить и встретить гостей в праздничных одеждах.

Есть такое слово — шикоу. Оно означает воздание почестей Будде или достойным людям. Это жест покорности и уважения одновременно. Голова при этом склоняется к сплетенным на груди рукам, пока не коснется пальцев. Наиболее почтительная форма шикоу, предназначенная Будде, — коленопреклонение.

Бирманец, где бы он ни жил и какой бы высокий пост ни занимал, никогда не изменяет своим родным традициям. Когда бывший генеральный секретарь ООН У Тан ненадолго приехал на родину, чтобы повидать старую мать, то сразу же из политика международного ранга он превратился в обычного бирманца — надел лоунджи и босиком направился в пагоду. Фотографии в газетах запечатлели его склоненным перед Буддой. Точно так же поклонился он перед отъездом и самому дорогому человеку на земле — своей матери.

Когда в дом приходят поунджи, домочадцы молча приветствуют их почтительным поклоном. На низких столиках ждет угощение. Без единого слова поунджи усаживаются вокруг них на циновку и молча едят. Закончив трапезу и обмыв руки, отходят от стола и садятся полукругом вокруг домашнего алтаря в позе лотоса. Это служит знаком для остальных: все опускаются на колени и, склонив голову, слушают, как старший монах или настоятель читает заповеди праведной жизни. За ним, словно эхо, слова повторяют поунджи и хозяева дома.

В конце обряда хозяин дома поднимает стакан с водой и по капле переливает ее в серебряный сосуд. Под этот мерный звук поунджи произносят как заклинание: «Пусть эта вода, передающая заслуги человека от одного бытия к другому, как и его добрые дела, поможет ему в будущем перевоплощении»...

Обычай требует, чтобы хозяин выразил желание распространить заслуги на всех членов семьи. Поунджи соглашаются с ним и троекратно отвечают, что он поступает правильно.

На прощанье хозяева вручают гостям дары для монастыря. Гости не благодарят ни за трапезу, ни за подарки. Правила ритуала соблюдены. Гости в оранжевом в том же порядке покидают дом. С ними идут те, кто несет дары.

Только теперь, после ухода самых почетных гостей — монахов, в доме начинают готовиться к встрече светских гостей. Если же они придут раньше, то будут ждать, пока монахи не закончат весь ритуал. Лишь тогда, когда за последним поунджи закроется дверь, принесут новые блюда для всех прочих посетителей. Но до эюП минуты никто из пришедших не притронется к еде.

ДАТЬ ИМЯ РЕБЕНКУ — НЕ ПРОСТО

Прошло время, сын нашего хозяина получил диплом инженера, вернулся домой и через два месяца женился.

Утром в день свадьбы из ворот монастыря к дому вновь направилась группа монахов. Через год родилась девочка, и в доме снова принимали почетных гостей в оранжевом. К вечеру начали собираться родственники. Всем хотелось увидеть малышку. Дошла очередь и до меня.

— А вы почему до сих пор не пришли к нам? — спросила Ли Ли, встретив меня через несколько дней в саду. В голосе ее послышалась нотка уязвленного самолюбия.

— Но ребенок еще слишком мал, чтобы пускать к нему так много гостей. Что говорит ее мать? Она же врач. Минута недоуменного молчания.

— Мать ничего не имеет против... Она даже польщена, что все интересуются ее дочкой.

Раз так, мне ничего не остается, как завернуть подарок для новорожденной и присоединиться к потоку посетителей. Поднимаюсь по деревянной лестнице, намереваясь лишь взглянуть на девочку и оставить привезенную из Праги игрушку. Думаю, куда ее положить? Наверное, в кроватку или колыбельку, как принято у нас на родине. Но кроватки не было.

Ребенок лежал скорчившись на дне матерчатой люльки и безмятежно спал, прогибая ее тяжестью своего тельца.

— Ли Ли,— шепотом начала я,— почему у девочки нет кровати? Так лежать неудобно... Да и неокрепший позвоночник,— добавила я уже не совсем уверенно и тут же осеклась, уловив выражение отчужденности на лице молодой матери.

— Все дети так спят. Очень удобно. Ребенок не выпадет, его легко укачать, когда плачет. А главное — видно, когда он обмочится — все протечет на пол.

Доводы были перечислены с такой убежденностью, что я не возразила. Да и можно ли возражать против традиций! В конце концов мать ребенка — образованный человек, врач.

Мои опасения были напрасными. Через несколько месяцев малышка стала ладной, хорошенькой девчушкой с лицом цвета самой лучшей слоновой кости и широко поставленными черными глазами. Родители ее происходили из смешанных бирмано-китай-ских семей, и дитя унаследовало лучшее от каждой национальности.

Девочка уже гулила, улыбалась близким, сидела, даже пыталась неуверенно ходить, а все еще оставалась безымянной. Выбрать имя и без того сложно, а тут предстояло дать сразу два имени — бирманское и китайское. Двойная сложность. Проходили месяцы, а мама все еще оценивала и взвешивала плюсы и минусы разных имен.

Я этого не знала и потому, придя однажды взглянуть на пух-ленькое создание, вдруг спохватилась, что не помню ее имени.

— Ли Ли, как зовут твою племянницу? Лицо молодой тетушки, укачивавшей ребенка на руках, сделалось безучастным.

— Никак. Ее мать все еще не выбрала ей имя. Дитя скоро начнет ходить, а мы так и будем ее звать «наша малышка».

Раздражение, прозвучавшее в ее голосе, однозначно свидетельствовало о том, что семейные неурядицы случаются в любой стране, на любом континенте.

Но все имеет свой конец. Через несколько дней Ли Ли возникла у меня на пороге и радостно сообщила:

— Наконец-то наша малышка получила свои имена. Мамочка все-таки решилась, сделала выбор. Завтра придут родственники. До Сеин уже печет сладости. К шести утра мы ждем поунджи. Вы тоже успеете прийти до ухода вашего мужа на работу.

— Спасибо! Мы непременно придем.

На этот раз монахов было меньше и их пребывание в доме было не так продолжительно. Через четверть часа после их ухода хозяева встречали нас приветливыми улыбками и усаживали за низкий, покрытый пластиковой скатертью стол, тесно уставленный ароматно дымящимися маленькими мисками.

ШИНПЬЮ БЫВАЕТ РАЗ В ЖИЗНИ

Жизнь достаточно длинна, чтобы несколько раз выбрать время для пребывания в монастыре. Когда угодно и на какой угодно срок. Но только самому первому пострижению предшествует торжественный праздник — шинпью. Лишь однажды в жизни можно надеть по этому поводу «королевские» одежды и заслужить право находиться в тени белых и золотистых зонтиков.

Накануне в дом приглашают гостей, музыкантов, накрывают праздничные столы. А наутро, когда разойдутся гости и стихнет музыка, виновник торжества отправится в монастырь верхом на лошади, под зонтом, в пышном золоченом уборе. Впереди пойдут его родители с дарами монастырю. Там мальчика остригут, вручат оранжевую рясу и тапеит для сбора подаяний.

Чтобы шинпью сына прошло как можно великолепно, родители не жалеют средств. Это зачтется им и всем, кто им помогает, как доброе дело. Шинпью устраивается исключительно для мальчиков. Девочек это не касается.

Женщин-монахинь вообще гораздо меньше, чем мужчин. Они также обривают голову наголо, только вместо оранжевых носят светло-розовые рясы. Монахинь не так почитают, как поунджи.

Монахини не имеют права ходить на ежеутренние обходы и получать готовую еду. Помните? Монахи не должны касаться денег. Монахини же, напротив, принимают только денежные подаяния. На эти жалкие гроши они сами покупают на базаре продукты и готовят себе еду.

Протянутая рука монахини на лестнице у пагоды обычно долго остается без внимания прохожих. Величина подаяний под стать степени почитания. Женщины редко уходят в монастырь. Только отчаяние, крушение надежд может привести их сюда. Если они все же решаются на такой шаг, то делают это незаметно, без пышных проводов.

Итак, шинпью не для девочек. Зато у них есть другой праздник — натвин. Это обряд прокалывания ушей. Раньше его устраивали, когда девочка достигала двенадцати лет. Он означал конец детства и переход в юность. Теперь не обязательно ждать этого возраста. Так, дочке наших соседей, совсем еще крохе, уже проделали в уши серьги.

Часто натвин сестренки сдвигают по времени, приурочивая его к шинпью брата, которому полагается устроить праздник во всем великолепии. Так дешевле. Это, конечно, немаловажно. Но с другой стороны, выбрать для двойного праздника подходящий удачный день вдвойне сложнее.

Натвин не такой пышный праздник, как шинпью, но он позволяет девушке надеть красивые, похожие на королевские одежды и высокую сверкающую диадему.

Собственно обряд прост. Но ему предшествуют консультации у астрологов: очень важно все взвесить и правильно выбрать день для столь важного в жизни девушки события. Гостей на празднике натвин тоже не так много, как на шинпью, только самые близкие друзья и родственники. Кому-то из них выпадет честь проколоть уши девушки золотой шпилькой и вручить ей пару золотых серег.

Вплоть до начала нашего века бытовал обычай, по которому места проколов постепенно расширяли, пока отверстия в ушах не достигали сантиметра в диаметре. Вместо серег можно было носить стержни из стекла или серебра, украшенные драгоценными камнями.

Королевским отпрыскам и детям из знатных семей прокалывали уши независимо от их пола. Принц не мог быть коронован, а принцесса выдана замуж, если они не прошли обряд натвин.

СЕМЬ ДНЕЙ В ПОСЛУШНИКАХ

Иногда родители устраивают празднества шинпью и натвин в пагоде или в монастыре.

Свидетельницей одного такого торжества мне пришлось стать.

Во дворе «нашего» монастыря было шумно, многолюдно. Шелковые лоунджи мужчин соперничали с белоснежными эйнджи женщин. Цветы. Много цветов.

— Опять какой-нибудь религиозный праздник, — решила я. Но ошиблась. На этот раз в центре внимания оказались не статуи Будды, а дети.

Людской поток направлялся к низкому длинному зданию в центре двора. Мы тоже поднялись на несколько ступенек и оказались в просторном зале, где стояли ряды откидывающихся кресел, как в кино. Только вместо экрана три статуи Будды. У их ног лежали свежие цветы, стояли чаши с рисом, горели свечи.

Впереди, между изваяниями божества и первым рядом кресел, расположилась оживленная стайка детей в отливавших серебром одеждах, девочки — с диадемами на головах. Шинпью и натвин.

А мы явились в самой будничной одежде. Но отступать уже было некуда. У входа нам вручили приглашения-веера, испещренные вязью бирманского алфавита. Обширный

зал был заполнен до отказа. Всего два-три свободных кресла. Даже на полу, на расстеленных вдоль стен циновках, сидели люди целыми семьями.

Через минуту нам принесли тарелку с традиционным куском торта и стакан ярко-зеленого лимонада. Тут же подошла женщина средних лет в нарядном золотистом лоунджи. Это была устроительница праздника — мать детишек, расположившихся впереди.

— Рада, что вы посетили нас в такой торжественный день.— сказала она.— Оба моих сына сегодня станут послушниками этого монастыря. А девочки пройдут натвин.

В мгновение ока все пятеро детей окружили мать. Они сияли от счастья в своих необычных одеждах. У девочек алели нарумяненные щечки, в ушах блестели серьги.

— Мы сделали это дома, утром,— перехватив мой недоуменный взгляд, сказала женщина. — Ох и крику было! — добавила она, смеясь. — А мальчики всю эту неделю не выходили из дома. Нельзя было.

— Почему?

— Так принято исстари. Будущий послушник семь дней не должен покидать дом. Иначе, как говорят старики,— с улыбкой продолжала она,— злые духи из зависти могут помешать вступлению в монастырь... А на ритуал прокалывания ушей мы пригласили утром близких родственников. В их же кругу вечером мальчики пройдут обряд пострижения в самом монастыре.

— Как бы мне хотелось увидеть это! — не выдержала я.

— Так приходите. Сюда же в пять часов вечера. Обязательно приходите.

...Помня об утреннем опыте, мы принарядились.

Монастырь встретил нас прикрытыми воротами уже затихшего двора. Зал, который утром был полон народа, теперь опустел. Догорели свечи. Ряды кресел стояли с убранными сиденьями, привяли цветы у ног Будды. Никого...

Разочарованные, мы собрались уходить, как вдруг в дверях появилась та, которую мы искали.

— Я пришла за вами. Пойдемте! — И больше ни слова, так взволнованна она была.

Женщина молча взяла меня за руку и поспешно попела во двор, где на площадке рядом с колодцем в окружении нескольких взрослых сидели два мальчика, ее сыновья.

И снова мы оделись невпопад. Наши праздничные туалеты выглядели здесь неуместными. И хозяйка и гости были одеты весьма скромно, а на будущих послушниках вместо утренних королевских одежд была лишь полоска белой ткани, окутывавшая их от пояса до щиколоток. Один из мальчиков по знаку монаха стал на колени, опустил голову над расстеленной на земле простыней, и на белый прямоугольник посыпались пряди детских волос. Затем настал черед второго сына. Расстелили другую простыню, и процедура повторилась. Подошла мать и тщательно собрала все остриженные волосы.

Для шинпью, как уже говорилось, долго выбирают дату проведения. Бирманский гороскоп не рекомендует стричь волосы в понедельник, пятницу и в тот день недели, когда человек родился. Надо все это учесть и выбрать счастливый день, указанный звездами.

Постригшись, мальчики обмылись до пояса колодезной водой, после чего два монаха увели их в зал, где стояли статуи Будды и где утром было так шумно от собравшихся гостей. Родственники последовали за ними на некотором удалении.

Здесь юных послушников переодели, и маленькие босоногие фигурки с обритыми до синевы головами, в оранжевых одеждах предстали перед настоятелем монастыря — саядо. Вслед за умудренным саядо братья хором повторяли слова церемониала, обещая блюсти десять заповедей и строго придерживаться монастырского распорядка. После трехкратно повторенного «ухожу к Будде, ищу спасения в его учении» саядо вручил каждому новоявленному послушнику зонт, тапеит, ситечко для воды и иглу для шитья. Обряд закончился.

Послушников уводят. Устав предписывает им идти, склонив голову и опустив глаза в землю. Но до последней минуты дети оборачиваются, ища глазами ту единственную — мать, которая ничего не видит от слез.

Двери захлопнулись, послушников увели. У ног Будды остались корзины с дарами монастырю — одеялами и простынями, мылом и банками стуженного молока.

Первый урок монастырской жизни для мальчиков продлится семь дней.

МУЧЕНИКИ ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ

В апреле столбик термометра заползает за сорок градусов. Стоит невероятная жара, духота.

Именно в апреле, в день полнолуния, живущие в Рангуне тамилы — выходцы из Южной Индии — совершают свой древний ритуал. Это языческий обряд прокалывания щек, языка и хождения по раскаленным углям.

Считается, что огонь очищает душу от грехов и оберегает от злых духов. Пройти по «огненной дорожке» — значит покаяться, обрести расположение и заступничество божества, заслужить лучшую долю, здоровье, богатство.

Что толкает этих несчастных на самоистязание? Конечно, отчаяние, желание получить помощь от сил небесных, когда человеческих сил уже не хватает.

Вначале те, кто проходит этот жестокий ритуал, дают обет перед алтарем в храме, что они не дрогнут и совершат задуманное. И действительно, на что не решишься ради спасения ребенка или помощи близким любимым людям?

Но поспешим: обряд начинается. Все участвующие в нем одеты в желтое. Женщины в желтых сари, с распущенными волосами. Мужчины с обернутым вокруг бедер куском желтой материи. На шее венки из мелких белых цветов, напоминающих жасмин; у пояса гирлянды маленьких лимонов. Лицо, руки, все тело вымазаны желтым порошком.

Тихое местечко в предместье Рангуна с небольшим уединенным храмом в укромном дворе — вполне подходящее место для подобной церемонии. Здесь же ванна для омовения — пруд, в котором только что резвились свиньи.

Кающиеся уже ждут. Сидят на низких скамеечках, безучастно жуя бетель. Рядом на земле, в пыли и грязи, лежат пучки острых металлических игл, напоминающих шампуры для шашлыка.

Первый «доброволец» выходит из «ванны для омовения». На нем серый липкий налет тины. Тотчас к нему подходит церемониймейстер (а может быть, правильнее его назвать шаманом?) и уверенными, небрежными движениями начинает натирать его лицо, руки и спину какой-то кашицеобразной смесью порошка с водой, лоб мажет пеплом. Дым от тлеющих кореньев и ароматических палочек окутывает лицо кающегося. Звучат заклинания шамана, оглушительно звенят бубны, кто-то вскрикивает в толпе. Кающийся начинает слегка покачиваться вперед-назад, глаза его заволакивает туман. Транс. И в эту самую минуту церемониймейстер, не колеблясь, безжалостно вгоняет в его тело десятки длинных игл и водружает на плечи громоздкий алтарь.

Быстро считаю, сколько игл вонзилось в худое тело мученика. Одна, две, пятнадцать... сто четыре.

Расстояние, с которого я наблюдала за движениями шамана, позволяло рассмотреть каждый его жест. Вот правой рукой он берет очередную иглу, левой зажимает, оттягивает кожу и с силой прокалывает ее. Поразительно: нет ни капли крови! Не видно ни страха, ни гримасы боли на лице терпящего экзекуцию. Когда последняя игла заняла свое место, тело мученика оказалось сплошь покрытым металлическими иглами, как сеткой. Несколько человек, отделившись от толпы, вероятно родственники, ведут его в храм. А его место занимает следующий... Затем третий, четвертый. Богатые люди, участвующие в

ритуале, заказывают для себя иглы из серебра. Стоит ли жестокий бог таких жертв, мне так и не удалось выяснить.

А на ступенях лестницы храма уже идет другой ритуал — прокалывание щек. Снова желтый порошок на лицо, пепел на лоб, одурманивающий визг бубнов, монотонные заклинания — и первый мученик корчится в трансе. Эту процедуру выполняет уже не один, а трое священнослужителей. Они крепко держат за руки кающегося. Один из них отработанным движением быстро вытягивает изо рта жертвы язык и протыкает навывлет длинной иглой. Вторым движением он колет щеки... И снова конвейер «энтузиастов».

— Проколоть щеки насквозь... Это, наверное, больно? — спрашиваю стоящего рядом индийца.

— Нет, не больно. Прокол делают в момент транса, когда в тело верующего входит бог. Боль не ощущается.

— А когда он выйдет из транса? Потом?

— Потом тоже не больно.

— А как получается, что при прокалывании нет крови?

— Нет, и все. Очень просто. Прошедшие ритуал остаются в храме, иногда на месяц, пьют молоко, едят лишь фрукты и вареный рис. Раны быстро затягиваются...

Да, убедительное объяснение, ничего не скажешь.

К индуистскому храму на окраине Рангуна стекается в день ритуала толпа иностранных туристов с фотокамерами. Для них это экзотическое зрелище, щекочущее нервы.

Вечером процессия мучеников направляется к пылающим углям.

На площадке, за высокой изгородью, заранее готовят «огненную дорогу» — углубление в земле, полное багровых, раскаленных углей. У ворот нас останавливают: нет входного билета. Нужно вернуться и купить билет. Куда девалось древнее таинство обряда? Шумный столичный город превратил сокровенный религиозный ритуал в спектакль для иностранцев. Испытываем минутное замешательство: идти или нет? И все же решаемся.

Во дворе храма грязно. Под ногами обрывки бумаги, банановая кожура, мусор, плевки с бетелем, а в центре разлилась липкая желтоватая лужа.

Внутри храма пахнет благовониями, мерцают свечи. К алтарю непрерывным потоком подходят верующие. В руках у них кокосовые орехи величиной с голову ребенка. Они подают орехи индийцу атлетического сложения, и тот могучим ударом разбивает твердую светло-зеленую скорлупу. Половинки орехов он возвращает верующим, а сок выливает на пол, и он, растекаясь по храму, «выползает» наружу по ступенькам. Так вот откуда липкое месиво во дворе.

За храмом уже все готово к «горячему» обряду. Служители сгребли пунцовые угли с двух огромных костров, забросав кострища мокрой соломой, и уложили их в «беговую» дорожку длиной в десяток метров. Небольшую ямку в конце дорожки заполнили водой.

На тех, кому предстоит пройти по углям, жалко смотреть. Проколотые еще утром щеки и языки вспухли, над ними вьются мухи, слепни. Время от времени кто-либо из истязуемых начинает дергаться. К нему подходит священнослужитель, втирает в лоб! пепел, капает на перекошенные побелевшие губы лимонный сок, и бедняга успокаивается.

Ритуал начинается. Под грохот бубнов к «огненной» дороге подходит полуголый человек в желтом. Он останавливается у самого края, словно не решаясь шагнуть. Но церемониймейстер ударяет его ладонью по лбу, и тот отваживается: пробегает по багровым углям не переводя дыхания и прыгает в спасительную ямку с водой. Брызги летят во все стороны.

Один за другим преодолевают адскую дорожку верующие — кто большими, судорожными прыжками, кто не спеша, с выражением триумфа на лице, — подбадрываемые выкриками из толпы.

Грохочут барабаны, плачут от страха дети, которых иные кающиеся несут на руках, пробегая дорожку... Час, проведенный здесь, показался вечностью.

Толпа за изгородью, разогретая азартом, начинает визжать. Она все более подается вперед. Угрожающе трещат прутья изгороди. Самое время уйти. Но сделать это не так просто. Выход из храма запружен людьми — не проберешься! Приходится дожидаться конца зрелища.

Наконец-то! Все кающиеся прошли добровольную голгофу. Звуки ритуальной музыки стихли, сменившись отдаленным рокотом двигателей турбореактивного лайнера.

Через минуту широкий белый след пересек небо над храмом, над головами людей с вонзенными в их тела иглами и водруженными на их плечи алтарями. Самолет компании «Бирма Эйр-вэйз корпорейшн» летел по направлению к Бангкоку. Раньше, чем из последнего кающегося вынут иглы, пассажиры лайнера уже будут в столице соседней страны.

ОБ ИСЛАМЕ, ТАКОМ НЕСПРАВЕДЛИВОМ К ЖЕНЩИНАМ

Мусульманки в Рангуне чадру не носят, но закутываются во все черное с головы до ног. Мне было жаль смотреть на них. Каково им, бедным, если даже в открытом сарафане некуда деться от жары? Да и потом — молодые женщины в таких удручающе черных, как униформа, одеждах...

Но погодите. Как-то мне довелось быть на свадебном мусульманском обеде.

Обычно супружеская чета, званная на такое торжество, получает два приглашения. Одно для мужчин — их зовут до полудня, как самых почетных гостей. Второе для женщин — после полудня. Такова традиция ислама.

Но на сей раз была сделана вежливая уступка европейским традициям. На послеполуденном «женском» обеде присутствовали две-три супружеские пары. Гостей было так много, что всех усадить за столы оказалось невозможным. В просторном арендованном зале стояли ряды кресел, как в театре. Мужчин усадили впереди. И я готова поспорить, что ни одна женщина не испытывала ни малейшего чувства неловкости оттого, что представитель сильного пола сидел впереди нее.

Женщин было больше ста — и совсем юные создания, и сморщенные временем старухи. Дети тоже были. Естественно, только девочки. Мальчики, их сверстники, в соответствии с кораном отобедали вместе с отцами до полудня.

В прихожей женщины выпорхнули из своих верхних траурно-черных одежд, как бабочки из куколок. И на свет явились платья из парчи, муслина и шелка, засветилась белизна кружев. Бархатные туфельки заблестали вышивкой и бисером.

Восток богатых людей принципиален в одежде: уж если что-нибудь блестит, как золото, можете не сомневаться, что это настоящее золото.

Здесь, на обеде, драгоценности были выставлены напоказ. Дорогие перстни красовались на каждом пальце. Нити жемчуга, массивные цепочки в несколько рядов лежали на тонких кружевах. Позванивали браслеты на смуглых руках. Гладко уложенные смоляные волосы украшали золотые шпильки и гребни. Даже самые маленькие девочки были раззолочены, как рождественские елки. На минуту я почувствовала себя неуютно со своей скромной ниткой кораллов на шее. Стояла, пораженная блеском и роскошью.

Когда вся эта шелестящая, блестящая и щебечущая стайка женщин расселась по местам, появились жених с невестой. Они шли в сопровождении молодых девушек, одетых во все белое. Молодожены с белым девичьим «конвоем» расположились в центре зала на достаточном удалении друг от друга.

Две девицы опекали жениха, другие две хлопотали около невесты. Они угощали виновников торжества, подносили напитки, обмахивали веером, поправляли прическу, словно соревнуясь между собой. По всему было видно, что жених чувствует себя неловко.

Еще бы! Сотня женских любопытных глаз уставилась на него. Гости перешептывались, заговорщически улыбались, критиковали. Лишь появление десерта несколько отвлекло их внимание.

На десерт подается, как правило, одно и то же: сладости, иногда фруктовое желе, мороженое, стакан лимонада со льдом, о «стерильности» которого лучше не думать. Словом, ничего особенного в меню нет. Но если учесть число гостей, то становится ясно, что на угощение пришлось затратить целое состояние.

Часа через два свита в белом продефилировала к выходу. Угощение закончилось. Гости, обменявшись последними репликами, стали потихоньку собираться домой. Траурные одежды вновь надежно скрыли шелка, бархат и кружева. Угас блеск драгоценностей. По длинной скучной лестнице на раскаленную зноем рангунскую улицу выходили «монашенки» в черном, и никто из пешеходов не подозревал, что скрывается под темными покрывами.

Уходя, мы еще раз поздравили молодоженов, пожелали им счастья. Жених до свадьбы поклялся, что будет иметь лишь одну жену. Возможно, так и будет. Но его старший брат уже имел четырех.

ГОРСТЬ РИСА С ПОЖЕЛАНИЕМ СЧАСТЬЯ

Довелось мне побывать и на свадьбе по индуистским обычаям. Поскольку молодожены были небогаты, свадьбу праздновали в маленьком захолустном храме — небольшом каменном строении за серым забором.

Нужно ли снимать обувь в этом случае? С минуту перекладываем туфли из одной руки в другую и наконец направляемся к дверям.

Еще издали слышны пронзительные звуки свирели и бубна. В полумраке храма едва различимы силуэты музыкантов, больше смахивающих на странствующих нищих. Их убогая одежда обнажила худые, жилистые ноги. Давно не стриженные, не чесанные волосы туго сплетены в косицу и закинута за спину... Стараюсь сосредоточиться на обряде, но глаза непроизвольно вновь и вновь обращаются к несчастным оркестрантам.

Жених с невестой сидят в центре храма на полу. Вокруг них гости. Все взгляды устремлены к мужчине в белом лоунджи. Позвольте! Да это же тот самый человек атлетического сложения, что недавно разбивал кокосовые орехи в храме.

Теперь у него в руках плоская чаша с тлеющей смесью ароматических кореньев. Он произносит напутственные слова, и фимиам из чаши окутывает лица молодоженов. На собравшихся обрушивается барабанная дробь и вихрь свирельных рулад.

Как долго это длится — минуту, час, вечность? Теряешь ощущение времени. Фигура барабанщика раскачивается из стороны в сторону в такт ударам. Глаза его закатились, рот полуоткрыт. Музыка, кажется, доводит его до экстаза. На минуту становится жутко...

И вдруг тишина. Оглушительная лавина звуков остановилась. Открываю глаза и вижу, как человек в белом лоунджи, а за ним и все остальные гости осыпают молодых горстями риса и цветами, чтобы счастье и достаток были в семье.

Невеста склонилась к ногам своей матери и оmyвает их в тазу с благовонной водой. Делает это не спеша и бережно: сначала одну ступню, затем вторую. Знак дочерней благодарности.

Обряд закончен

ОТНЫНЕ ЭТИ ДВОЕ НЕРАЗЛУЧНЫ...

Бирманскую свадьбу увидеть не так просто. Обычно ее празднуют в узком кругу родственников. Многочисленные гости приглашаются лишь на свадебное угощение.

Бракосочетание в Бирме не религиозный обряд. Это светское событие, а в мирские дела буддизм не вмешивается.

Свадебный церемониал обычно проводит родственная молодоженам супружеская чета, желательно с большим стажем совместной жизни. Обряд несложен. Руки молодых, ладонь к ладони, соединяют шелковой лентой и погружают в серебряный сосуд с водой. «Отныне эти двое будут неразлучны, как неразделима вода в сосуде».

Затем жених с невестой должны отведать по горсти риса из стоящей перед ними другой серебряной чаши, символизирующей общий домашний очаг. Вот и все. После этого гостям подают традиционные чашечку кофе и десерт.

Итак, обряд прост. Но ему предшествуют совсем не простые приготовления. Главное — консультации у астрологов и звездочетов. Они сравнивают гороскопы молодых и предсказывают, будет ли благоприятным соединением их судеб.

При вычислении гороскопа точкой отсчета служит не знак зодиака, а знак того дня недели, в который человек родился. А их в Бирме восемь.

Как и везде, бирманская неделя содержит семь дней. Но это календарная рабочая неделя. Если же речь идет об астрологах, тогда другое дело. Тут на первый план выходит темная, мифическая планета Раху, разделяющая один день недели, а именно среду, пополам. Таким образом, в бирманской астрологической неделе оказывается не семь дней, а восемь. И каждый имеет свое знамение.

Понедельник обозначается знаком тигра, вторник — льва, или чинте, среда (до полудня) — знаком слона с бивнями, среда (после полудня) — слона без бивней, предвещающего дурную судьбу. Четверг отмечен знаком крысы, пятница — морской свинки, суббота — знаком дракона Нага, а воскресенье — знаком приносящего счастье мифического создания Галоун — полуптицы-полу зверя.

Вот теперь-то и начинаются сложности. Астролог сравнивает дни рождения будущих молодоженов и соответствующие им знаки. К примеру, могут ли сочетаться крыса со змеей? Разумеется, нет. А значит, союз тех, кто родился под этими знаками, не принесет ничего хорошего. Или: что ждет родившихся под знаками тигра и морской свинки? Тоже ничего путного. Следовательно, соединение судеб людей, родившихся в пятницу и в понедельник, неблагоприятно.

Но допустим, гороскопы молодых счастливо сочетаются. Теперь можно переходить к следующему этапу — определить наиболее удачный день. Ведь дни бывают «счастливыми» и отмеченными «невезением». Кроме того, существует еще одно табу на проведение свадеб — трехмесячный буддийский пост во время муссонов, когда не рекомендуется заключать браки. Такие браки сулят лишь несчастья и болезни.

А вот таинджут, который приходит на смену посту, называют «месяцем свадеб». Заключаемые в это время брачные союзы оказываются прочными и счастливыми.

Когда все консультации с астрологами закончены и выбран день торжества, молодые могут вздохнуть свободнее. Наступает очередь приятных забот. Невеста продумывает свадебную прическу и наряд: каждая девушка мечтает предстать на свадьбе королевой.

Женское тщеславие одинаково во всех уголках Земли. В Бирме нет театров, концертных залов, нет балов, где можно было бы появиться в новом туалете, блеснуть красотой. Свадьба — редкая возможность встретиться с друзьями, предстать во всем блеске красоты и молодости.

Что же надеть? Нарядное бархатное лоунджи и к нему шелковое — ах, нет! — лучше кружевное эйнджи. Итак, кружевное эйнджи. И, конечно, белоснежное. К темным волосам пойдут эти прекрасные белые орхидеи. И наконец, драгоценности.

Не отстает от невесты и жених. Тщательно готовит он праздничное лоунджи и головную косынку гаунбаун.

Традиционны свадебные наряды, традиционно и свадебное меню. Снова кофе, лимонад, десерт. Казалось бы, много ли стоит чашечка кофе, кусок торта и мороженое?

Но умножьте это на астрономическое число гостей, и получится сумма, достаточная для покупки автомобиля. С точки зрения европейца, это непрактично.

Как-то в разговоре я коснулась этой щекотливой темы, когда наши хозяева собирались выдавать дочь замуж.

— Я не понимаю, зачем звать сотню гостей — знакомых и малознакомых? Вместо того чтобы тратить деньги на сбор гостей, не лучше ли купить для молодых...

— Иначе нельзя,— перебила меня жена домовладельца.— Все родственники поступают точно так же и всегда зовут нас. Что они подумают, если мы их не позовем?

Меня не поняли. Как видно, возражать было бесполезно, и я сдалась.

У бирманцев иная психология, иные критерии жизненных ценностей. Копить деньги — это не для них. Здесь говорят: «Богат не тот, у кого есть деньги и дом, а кто носит в душе благородные истины и живет в ладу с ними».

С этим трудно не согласиться. Главное — душевная гармония и спокойствие. А деньги? Они имеют лишь ту ценность, что на них можно получить сиюминутную радость. Хотя надо признать, что в городах такой «сиюминутный» взгляд на жизненные блага постепенно трансформируется. Но вековые традиции еще очень сильны, особенно если дело касается семейных праздников.

НО БЫВАЕТ И ИНАЧЕ

Недалеко от нас, в маленьком доме, всего в два окна, жил шофер нашего представительства У Тун Тин. Он работал у нас уже столько лет, что стал «нашим Тюнтинком». У него была очаровательная жена. Но была у нее одна слабость, доставлявшая мужу немало огорчений,— любвеобильность. Не один раз она исчезала из дома неизвестно куда и с кем, а потом вновь возвращалась как ни в чем не бывало. Долго терпел Тюнтин, но однажды решительно, хотя и с горечью заявил, что расстанется с ней. Так он и сделал. Проходили месяцы. Домик на окраине сада оставался заброшенным — ставни закрыты, двери тоже. А неизменная улыбка Тюнтина стала какой-то вымученной.

Но вот однажды домик ожил. Распахнулись окна, до блеска выскоблена, вымыта веранда. На веревке в саду висели, проветриваясь, одеяла, подушки, выстиранные рубашки и клетчатые лоунджи. То и дело на пороге дома мелькала симпатичная женщина средних лет.

«Тюнтин позвал кого-то на генеральную уборку»,— подумала я, мимоходом выглянув из окна.

Однако «уборка» почему-то не заканчивалась. Прошла неделя, и «уборщица» расположилась на веранде в часы послеполуденной сиесты, как у себя дома.

— А вы не знаете? — удивились хозяева нашего дома. — У Тюнтина новая жена.

— Как? Разве была свадьба? — пришел мой черед удивиться.

Но мне растолковали, что неделю назад женщину привел в дом Тюнтина ее старший брат, поскольку родителей уже не было в живых. Привел торжественно, как официальную новую жену.

Буддийская этика гласит: «Пусть мужчина, которому женщина отдана своим ближайшим родственником, станет ее мужем».

И хотя свадьбы как таковой не было, все отвечало традициям, и соседи приняли пришедшую в дом женщину как полноправную супругу Тюнтина.

Уже начинало смеркаться и на веранде у Тюнтина зажгли новую лампу, когда в ворота дома с двумя окнами проследовали фигуры в оранжевом. Немного посидели, попили чаю (без сахара) и ушли. Поунджи обязаны вернуться в монастырь до захода солнца.

IV

КТО СОСЧИТАЕТ, СКОЛЬКО В БИРМЕ ПАГОД?

ПЕЙАДАГА — ТОТ, КТО ПОСТРОИЛ ПАГОДУ

Статистика уверяет, что в Бирме два миллиона четыреста сорок шесть тысяч пагод. Но как их сосчитать?

Пагоды везде, куда ни посмотри. Они есть в каждой деревушке, прячутся в лесах, белеют по берегам рек, зовут вдаль с вершины холмов. Маленькие и гигантские, знаменитые и безвестные, полуразвалившиеся и обласканные заботами, беленные известью и позолоченные. Одни кичатся блеском золота, другие взывают о помощи обрушившейся кирпичной кладкой. Сколько же их? Попробуйте сосчитать крупинки песка на дне морском или звезды в высоком тропическом небе!

Вот одно сравнение: в Китае пагод немногим более двух тысяч. А в Бирме в одном только Пагане их вдвое больше. Буддизм исповедуют в нескольких странах, но ни в одной нет такого несметного количества пагод, как в Бирме.

Очень почетно возвести навес — сая, под которым могут отдохнуть усталые путники. Еще почетнее построить монастырь. Но высшая заслуга перед Буддой — построить пагоду, заслужить честь называться «пейадага».

Стать пейадага — страстное желание каждого бирманца. Это почтенный, всеми уважаемый человек. Его пагода стоит на земле как наглядное доказательство того, насколько он продвинулся на своем пути к нирване.

Но далеко не каждый может позволить себе такую роскошь. Возведение пагод было под силу лишь королям и их свите. И все же пагоды выростали как грибы после дождя. Многие не выдержали испытания временем и стоят по сей день обрушенные. Считается, что ремонтировать пагоду не имеет смысла, потому что это не прибавит заслуг тому, кто возьмется за сей неблагодарный труд. Гораздо лучше построить пагоду самому или хотя бы принести несколько кирпичей на строительство новой пагоды.

Давно появился и живет еще обычай жертвовать пагоде тонкую золотую пластину по случаю семейного или религиозного торжества. Но если состоятельным людям купить такую пластину было просто, то бедняки копили деньги, месяцами отказывая себе в самом необходимом, чтобы приобрести вожеленную пластину и прикрепить ее к пагоде — водрузить свой, кровно заработанный золотой листок.

Уже в давние времена познали мастера секрет изготовления тончайших, почти прозрачных, толщиной в микрон, золотых листочков. Особенно славятся мастера Мандалая. На древнем языке пали золото называли «гема». В Мандалае есть целая улица златокузнецов, которая так и зовется: Гема-мала.

КОЛОКОЛА НЕ ИМЕЮТ «СЕРДЕЦ»

Колокола на платформах бирманских пагод не сзывают верующих к богослужению, как в христианских церквях. Они висят низко над землей, доступные каждому. Языков у них нет, зато рядом всегда лежит деревянная колотушка. И каждый желающий может поднять ее и ударить в колокол, чтобы привлечь к себе внимание небес.

Низкий протяжный звон колоколов часто слышится в пагодах. Намного труднее услышать «голос» их меньших собратьев — маленьких серебряных колокольчиков, подвешенных к тхи пагод. Чтобы услышать их мелодичное позванивание, нужна хотя бы минута полной тишины, чем многолюдный Рангун похвалиться не может. Серебряный звук колоколов очаровал меня вдали от шумных рангунских улиц — в храме Швемодо, что стоит в городе Пегу.

Обширный двор известной пагоды ранним тихим утром был безлюден, лишь из прилегающего монастыря время от времени показывалась фигура поунджи и бесшумно исчезала в дальнем углу двора. В тиши едва слышно позванивали колокольчики на тхи маленьких пагод, окруживших центральную ступу.

В эту минуту привычный окружающий мир будто исчез, отодвинулся со всеми его страстями и проблемами. Повседневные человеческие стремления показались до смешного ничтожными перед этим вечным спокойствием пагоды, сиявшей в лучах утреннего солнца.

В едва уловимом дрожании теплого воздуха осталось лишь чудо золотой пагоды и вселенский покой. Удивительное чувство умиротворения: ни забот, ни проблем, ни желаний — ничего, кроме растворенных в тебе благостной тишины и покоя. Наверное, в эту минуту мы испытали состояние, близкое к нирване.

Но вот от главного входа донеслись до нас голоса людей и звуки трещоток. Это любящие родители купили игрушки своим чадам в лавочках, расположившихся внизу, у лестницы.

Идиллия разрушилась безвозвратно. По двору пагоды шествовала многочисленная семья. За ними шли поунджи с уже наполненными тапеитами — сейчас за стенами монастыря начнется утренняя монашеская трапеза. Пагода ожила. Таинство прикосновения к нирване без следа исчезло. Мы вернулись в мир людей.

ДОСТИГШИЙ НИРВАНЫ

Некогда могущественная монская столица Пегу — ныне заштатный провинциальный город, известный гигантской скульптурой лежащего Будды, самой большой во всей Бирме.

Будда лежит в позе блаженного небытия — нирваны. Длина колосса — пятьдесят пять метров, высота — пятнадцать. Исто рики считают, что статуя создана в X веке.

Когда на монское государство Пегу в 1757 году напал бирманский король Алаунпая, он не пощадил ничего, кроме золотой ступы Швемодо и статуи лежащего Будды. Но то, что уберег завоеватель, разрушила стихия.

В 1930 году Пегу подвергся сильному землетрясению — город и пагоды были превращены в руины. От славной Швемодо уцелела лишь небольшая часть. Она и теперь стоит на подворье новой пагоды, которая превзошла по высоте даже рангунскую Шведагон.

Воины Алаунпаи отнесли к лежащему Будде с тем же почтением, что и к Швемодо. Но вот беда: они разрушили город до основания, и люди покинули его. Постепенно джунгли поглотили статую, скрыли в густых зарослях. О существовании каменного колосса забыли. Два века прошло, прежде чем джунгли раскрыли свою тайну и знаменитая статуя снова стала местом паломничества.

Из Рангуна в Пегу едем по шоссе, среди рисовых полей. Серая, иссушенная жарой, плоская, как стол, земля. То тут, то там дымятся небольшие костры. Это крестьяне жгут рисовую солому, чтобы удобрить поля для будущего урожая.

К лежащему Будде стекается не меньше народа, чем к самой Швемодо. Чтобы уберечь статую от дождей и солнца, люди построили навес. Низкий, почти касающийся головы колосса, он безнадежно испортил вид статуи. И все-таки она очень впечатляет: оранжевый цвет одежд, меловая белизна лица, на котором резко очерчены черные дуги бровей и скользящие в улыбке красные губы, золотые ногти на руках и ногах. Столетиями люди приходят и уходят, а Будда все лежит и в лазури утреннего неба, и в багровом отсвете заката.

Недалеко отсюда есть другая достопримечательность. На равнине, открытой всем ветрам, с огромного пьедестала, сделанного в виде куба, взирают на мир четыре Будды. Они сидят спиной друг к другу, а вокруг ни души. Я не устояла перед соблазном увековечить себя рядом с божеством. Моя фигура затерялась между пальцами правой руки гиганта, недвижно лежащей на его колене.

ЛЮБОЙ ДРУГОЙ ПОРЯДОК СУЛИТ НЕСЧАСТЬЯ

Будда размышляющий, проповедующий и уходящий в нирвану — такова триада, три последовательных состояния Великого учителя.

Статуя сидящего, размышляющего Будды встречается чаще других. Она представляет Гаутаму в той позе, когда на него снизошло просветление под священным деревом Бо. Ноги его поджаты, правая рука покоится на колене.

Будда стоящий, с поднятой рукой изображает Гаутаму проповедующим свое учение людям и встречается реже.

Статуя лежащего Будды представляет его в момент земной смерти, когда он достиг нирваны. Он лежит на правом боку, подложив под голову правую руку, а левую вытянув вдоль тела.

Все три позы имеют сходство: оранжевая тога, обнаженное правое плечо, узел волос на темени, длинные, почти доходящие до плеч мочки ушей, родинка на лбу и вечная улыбка.

Такая последовательность в изображении поз Будды неукоснительно соблюдается во всех случаях: при поднесении статуй в дар пагоде, кому-нибудь в подарок или при приобретении их для домашнего алтаря. «Любой другой порядок,— говорится в старинном поверье,— принесет несчастье».

Встречаются развалившиеся пагоды и храмы, но нигде вы не увидите пришедших в ветхость статуй Будды. Они всегда сияют яркими красками.

Большие по размеру статуи высекают из камня, кладут из кирпича, вырезают из тикового дерева. Поменьше делают из мрамора, бронзы, алебаstra. Самые маленькие могут быть сделаны из слоновой кости, яшмы, серебра, золота, драгоценных камней.

Даже в самых бедных хижинах есть домашний алтарь. Строя дом, хозяева заранее предусматривают специальную нишу для статуи Будды. Наши домовладельцы ежедневно проводили около часа перед домашним алтарем.

Вскоре после женитьбы Тюнтина к нам пришла дочь хозяина дома и радостно сообщила:

— Тюнтин купил две статуэтки Будды. Не хотите посмотреть?

Приходите вечером, он будет ждать.

Вечером Тюнтин встретил нас на узкой веранде и повел в единственную комнату, где в углу на столе, на белой скатерти, стояли две бронзовые, слегка позеленевшие статуэтки. Полагалось бы выразить свое восхищение приобретением. Но даже слова вежливой похвалы не слетали с языка: статуэтки были на редкость невыразительными, а он отдал за них более чем месячное жалованье.

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ, КАК ДРАКОН, СИЛЬНЫЙ, КАК ЛЕВ

Чинте — мифическое существо, удивительное, как сам Восток. Как правило, он стережет вход в пагоды. В Бирме всеобщей известностью пользуются четыре самых величественных чинте. Два десятиметровых каменных стража установлены у пагоды Шведагон в Рангуне. Два других — у Мингунской пагоды, стоящей напротив Мандалая, на противоположном берегу Иравади.

Мингунским чинте почти двести лет. Высота их достигает тридцати метров. На создание каждого ушло восемьсот тысяч кирпичей.

Именно эти чинте символизируют героя старинных бирманских сказаний Кетайзу — повелителя всех диких зверей.

Чинте иногда называют крылатым львом. В самых древних легендах упоминаются фантастические существа — полульвы-полусобаки. Чинте действительно напоминает сидящего пса, но, разумеется, в более величественной позе.

Львиный поднятый кверху хвост покрыт орнаментом. Гривы нет и в помине. Стесанная пасть открыта, видны четыре устрашающих клыка, красный язык. Круглые

глаза вытарашены. На голове нечто вроде петушиного гребня. Над задними ногами крылья, как у грифона. На груди цветочек. А внушительное туловище одето в роговую чешую. Поистине сказочное создание.

Чинте стоят у пагод как верные хранители, как материализованные символы защиты. Однако при всем их свирепом виде они совсем не внушают страха. Напротив, они весьма добродушны. Эти фантастические создания — излюбленный сюжет для мастеров — резчиков по дереву, ювелиров.

«САПОК» — РАБ, СЫН РАБА

Почти у всех пагод вы увидите убогих нищих, просящих подаяние, обездоленных, отверженных людей.

Таковыми же изгоями были некогда «нечистые» — рабы при пагодах. Даже нищий не взял бы у них милостыню. Ни один монах не принял бы от них дара. «Рабам» при пагодах было запрещено вступать в монастырь или приносить пожертвования храмам.

Рабы при пагодах жили особняком. На них лежала печать проклятия. И никто, даже сам король, не в силах был изменить их судьбу, дать другую работу. Они не могли откупиться. Никто не мог вернуть даже их детей и внуков в общество остальных людей, потому что они стали принадлежностью пагод и были осуждены жить, как прокаженные, лишь в обществе себе подобных. Если бы кто-то осмелился вступить в брак с таким отверженным, то его детей ожидала бы та же участь. Бытовало даже специальное слово «сапок» — раб, сын раба.

Столь суровое осуждение этих людей удивительно: буддизму чуждо понятие каст. Вероятно, здесь сказалось учение о карме, о перерождениях, когда судьба человека в текущей жизни зависит от его кармы — баланса добрых и злых поступков в прошлой жизни.

Если кто-нибудь родился королем, богатым человеком, значит, он заслужил такую судьбу благочестивыми поступками в прежней жизни. Если же родился нищим или рабом при пагоде — никто в том не виноват. Пеняй на себя. Значит, заслужил такую участь неблагоприятными делами в прежнем земном бытии. Надо сказать, что в Бирме никогда не было классического рабства, как, скажем, в Древнем Риме. Рабами, а точнее, зависимыми — «чван» — становились несостоятельные должники или военнопленные. «Чван» были двух категорий: те, кто находились в услужении у частных лиц, и те, кто принадлежали храмам, — пагодные рабы.

Все рабы имели надежду на выкуп, кроме пагодных.

Полагают, что пагодные «чван» появились в XI веке, при царе Анируде. У них был даже свой король, которому разрешалось носить драгоценности, расшитую золотом обувь и иметь золотистый зонтик. Но все эти королевские атрибуты не прибавляли ему уважения в глазах общества. Люди относились с презрением к избранному из рабов.

История Бирмы знает случай, когда пагодный раб был действительно настоящих королевских кровей. Это был царь монского государства Татхоун, покоренного бирманским королем Анирудой. Звали его Мануга. Царь был захвачен в плен вместе со всем своим двором и препровожден в Паган.

Поначалу ему оказывались почести, с ним обращались как с важной персоной. Но затем Анируда, опасаясь, что Мануга попытается вернуть себе утраченный престол, решил «обезвредить» его.

Хроники повествуют об этом так: «Однажды в присутствии всех придворных король приказал накормить Манугу с блюда, предназначенного для пагоды. Мануга подчинился, и сразу потускнел ореол славы над его головой».

По существовавшим законам человек, отведавший «храмовую» еду, пожизненно становился рабом при пагоде.

— Во времена расцвета Пагана,— объясняли мне в Институте буддизма,— короли и вельможи отдавали своих ближних в рабство при пагодах. Их окропляли святой водой, чтобы «спасти от греха». А иногда и сами высокопоставленные особы становились рабами.

— Почему? — недоумевала я.— Разве не лучше построить пагоду, быть счастливым и уважаемым человеком?

— Легко даровать имущество или деньги.— Мой собеседник снисходительно улыбнулся.— Но очень трудно отказаться от мирской жизни, расстаться с привычками. Стать рабом при пагоде было наиболее трудновыполнимым и потому наиболее благородным обетом.

Рабам разрешалось на время уйти из пагоды. Но этим правом они практически не пользовались, потому что каждый встречный, завидев их издали, спешил свернуть с дороги. Только в своей среде они чувствовали себя равными.

А ведь когда-то, уверяет легенда, еще при жизни Будды, король отрядил в один из монастырей нескольких верующих, обязав их делать всю хозяйственную работу, чтобы монахи могли посвятить себя исключительно размышлениям. И эта работа считалась не хуже других, напротив, выполнявшие ее освобождались от налогов.

Но прошло время, и в пагоды для черных работ стали «ссылать» в чем-то провинившихся людей. Возник своеобразный тип рабства — средство отмщения врагам. Имена рабов высекались на камнях и навеки хранились при храмах.

Большинство несчастных безропотно несли свой крест. Но были и такие, которые бунтовали, соскабливали свои имена с камней и бежали. Но далеко уйти им не удавалось. Беглецов ловили и вновь возвращали к ненавистной работе.

А находили их, как ни странно, все в той же пагоде, откуда они бежали.

Существовало поверье, что, если пагодный раб за неделю не съест хотя бы кусочка от «храмовой» еды, он заболит проказой и силы оставят его. Вот почему беглецы тайком возвращались, чтобы отведать заветной пищи. Монахи это отлично знали. Тут-то и ловили провинившихся. А как их узнавали? Очень просто. Никто, кроме раба, не осмелился бы куснуть еды из пагоды.

Рабы при пагодах постепенно исчезали. Лишь в Нагане они продолжали существовать до тех пор, пока правительство Не Вина в шестидесятых годах не предписало им оставить пагоды и вернуться к мирской жизни. Власти гарантировали им жилье и работу.

НА СКАЛЕ, НАД ПРОПАСТЬЮ

Однажды ранним утром меня разбудил шум в саду. Зафырчало оранжевое трехколесное такси, залаяла собака. В такси сел старый господин, вслед за ним поставили корзины с провизией, и экипаж укатил. Не успела я позавтракать, как на пороге появилась Ли Ли.

— Как поживаете? Давно вас не видно... Но с первого взгляда было ясно, что пришла она не затем, чтобы задать вежливый вопрос. И тут же выяснилось.

— Знаете, папа уехал к Тьяктхийоу. Он уже был там. Давно, еще с родителями. А теперь решил съездить самостоятельно. Из Рангуна туда отправилась целая группа.

— Да? Наверное, он с удовольствием поехал туда? — деликатно поинтересовалась я, не имея ни малейшего представления, о чем идет речь.

Через три дня Ли Ли пришла опять.

— Вчера папочка вернулся. Приходите, я вам кое-что покажу.

К реликвиям семьи, которые я уже изучила,— свадебным фотографиям, дипломам об окончании колледжа — прибавилась еще одна — фотография старого господина, стоявшего у пагоды на скале, над крутым обрывом.

— Это в память о поездке папочки к Тьяктхийоу. Необычное место расположения пагоды заинтересовало меня.

После я узнала, что маленькая Тьяктхийоу в горах, над пропастью, или, как ее еще называют, «Пагода старого отшельника», является для бирманцев своеобразной Меккой. Ее надо посетить каждому хотя бы раз в жизни. Это принесет удачу паломнику. А попросту говоря, он обязан это сделать.

Путь к пагоде нелегок. Дорога вьется по краю обрыва, и подъем занимает не один час. К тому же в этом районе небезопасно: не исключены вылазки мятежников.

От горы скалу отделяет глубокая расселина. Где она кончается, толком никто не знает. На самом краю скалы лежит гранитная глыба, напоминающая своей формой огромный шар. Кажется, достаточно сильного порыва ветра — и она скатится в пропасть. На самом верху этого «качающегося камня» и стоит пагода. Легенда рассказывает о ее происхождении так.

Когда-то в этих местах обитали карены. Как известно, каждая пагода имеет свой праздник. У Тьяктхийоу он приходился на весну. В это время в окрестностях пагоды становилось особенно оживленно. Люди приходили издалека поклониться ей. Они мешали местным жителям, вытапывали их поля.

Долго терпели карены, потом пришли к выводу: «Пока стоит пагода, покоя не будет». И решили они свалить пагоду вниз вместе со скалой. Но в то время, когда они привязывали к скале веревки, раздался громовой голос: «Остановитесь!» Веревки соскользнули со скалы вниз. Пагода осталась на месте, а несчастные люди упали в пропасть и превратились в обезьян. И по сей день множество обезьян обитает в этих местах. А еще, уверяет легенда, на горе живут могущественные духи-наты, которых не следует сердить. Если кто-то усомнится в их существовании, они возмутятся и отомстят без промедления. Неожиданно может подняться буря, и вихрь будет свирепствовать до тех пор, пока дерзкий неверующий не покается и не попросит у них прощения. Только тогда духи успокоятся. Иногда с таким неверующим Фомой может приключиться обморок или приступ тошноты.

— Тебе трудно поверить, но это правда,— просвещала меня моя бирманская подруга Мэгги.— Я была на Тьяктхийоу совсем маленькой, но подробно помню, что случилось тогда с нами.

Мы поднимались в гору всей семьей с группой знакомых. Взрослые завели разговор о духах на горе. Рассказывали разные истории, а мы, дети, прислушивались к ним, затаившись, как мыши.

Лишь папа посмеялся над всеми этими рассказами. «Все выдумки! Не верю!» — сказал он, сделал еще несколько шагов и остановился. Ему вдруг стало плохо. Так плохо, как никогда не было. Закружилась голова, началась рвота. Два дня его нельзя было трогать с места. Только на третий день мы двинулись в обратный путь. И по мере того как пагода на скале удалялась, отцу становилось лучше. А когда она совсем скрылась из виду, папа стал совершенно здоров.

— Но, Мэгги,— пыталась я возразить,— ведь ты сама говоришь, что это было нелегкое путешествие. И твой отец, может быть, устал, был измотан жарой и подъемом. Или съел что-нибудь испортившееся на жаре. Ты так не думаешь?

Нет, Мэгги так не думала.

— Нет. Подъем для всех был одинаково труден. И ели все одно и то же,— остановила она меня.— Ты не родилась здесь, а потому не веришь в натов. Думай как хочешь!

Я лишь пожала плечами.

САЙВИНГАБА ВСЕ-ТАКИ НЕ МЕЧЕТЬ

Я увидела это сооружение, возвращаясь из «земли обетованной» — Нгапали в Рангун.

Рядом с аэродромом алел купол, словно перенесенный сюда из сказочного Багдада. Яркое-красное пятно посреди белого подворья с четырьмя тонкими высокими стрелами минаретов по углам.

— Мэгги, дорогая, я вернулась из отпуска,— надрывалась я в телефонную трубку.— Мы подлетали к Рангуну, и знаешь что я увидела с высоты? Мечеть. Совершенно новую и большую. Ты не знаешь, кто ее там поставил?

— Я думала, ты интересуешься только пагодами,— разочарованно отозвалась Мэгги. — Но я узнаю, что это за мечеть. Через несколько дней она удивила меня сообщением:

— Это не мечеть, а пагода Сайвингаба. Вот что я сделаю: объясню вашему Тюнтину, как туда добраться, а на неделе договорюсь в Институте буддизма, чтобы тебя приняли и все разъяснили. Идет?

«Мечеть» стала предметом моих непрофессиональных разговоров со специалистами в религии.

Сайвингаба удивляла и разочаровывала одновременно. Ее чопорное величие едва ли могло выдержать конкуренцию с благородной простотой традиционных бирманских ступ.

Минареты с узкими галереями наверху сияли новизной, которой еще не коснулся муссон. Во дворе, выложенном каменной плиткой, высился белый храм под красным куполом. В отличие от традиционных пагод во двор вел всего один вход. Стены храма ослепляли цветной мозаикой и кусочками зеркального стекла, вкрапленными в штукатурку.

Белоснежный потолок с лепниной украшала люстра в виде цветка водяной лилии.

Эта необычная пагода была построена каренским монахом, знаменитым проповедником. Он сам сделал проект, сам собрал средства на строительство.

Не будем так строги. Может быть, блестящая мишура храма — трогательное подражание былому великолепию, ведь велел же король Миндон сто с лишним лет назад поставить в Мандалае «зеркальный» монастырь, красотой которого люди любовались в замороженном молчании.

V СУЕВЕРИЯ В ТЕНИ ПАГОД

НАТ — ХРАНИТЕЛЬ ДОМА

После затянувшейся жары муссона ждут как манны небесной. Дожди не обрушиваются внезапно. Сначала появляются их предвестники. В небе, выбеленном солнцем, возникает первая робкая тучка. С каждым днем их становится все больше. Они выстраиваются в цепи, заволакивают горизонт. Гремит гром, изломанные молнии вспарывают небо.

В один такой грозовой вечер наш старый хозяин вышел в сад с горящей свечой. Он неторопливо подошел к высокому ветвистому дереву и поставил свечу в небольшой игрушечный домик, прикрепленный к стволу.

Пока свеча горит, я расскажу вам легенду.

Давным-давно в одной деревне жил человек. Задумал он построить дом и срубил несколько подходящих деревьев. А на одном из них жил дух-нат. Потеряв жилье, нат обратился с жалобой к старейшинам деревни. Те велели незадачливому дровосеку выстроить новый домик для ната вблизи дома и, чтобы искупить вину, каждый день подносить ему рис, фрукты и цветы.

Легенда старая, но святилища для натов строят и теперь. Домик ната в саду нашего хозяина напоминал скворечник, только, пожалуй, раза в два больше. Очевидно, из-за высокой влажности воздуха он был сделан не из дерева, а из жести, и его каждый год после дождей красили красной краской.

Обиталище духа подвесили на дереве напротив окна комнаты хозяина, в которой стоял алтарь с Буддой. Однако соседи-визави не вмешивались в дела друг друга. Да и причин не было: каждое утро нат получал свою миску воды и два-три цветка. Каждое утро к ногам Будды с глубоким поклоном тоже клали подношения.

Святилище на дереве долго оставалось для меня тайной. Несколько раз я намеками пыталась коснуться этой темы. Напрасно. Хозяева переводили разговор на что-либо другое. Ну что ж? Я не настаивала. Но мысль разузнать о домике побольше не покидала меня.

Каждый раз, проходя мимо, я мельком взглядывала на него, но ни разу не решилась подойти близко и заглянуть внутрь.

Не хотела задевать чувств хозяев. А какой из патов жил там — мне все равно не удалось бы выяснить.

Каждая бирманская семья стремится снискать расположение и заступничество ната — хранителя домашнего очага Мей Маджи. К порогу выставляют подносы с кокосовым орехом, фруктами и хором поют: «Прими подношение и пошли нам процветание».

От ната-домового ведет ниточка к самому могущественному пату Бирмы, к Господину Великой горы Мину Махагири. Их часто отождествляют. Точнее говоря, Мей Маджи — это тот же Мин Махагири, но «домашний», живущий в каждой семье. Считается, что он обитает в кокосовом орехе.

Не знаю, как в городе, но в селах нет дома, где бы не был подвешен в укромном месте кокосовый орех — обиталище ната.

Мей Маджи охраняет жилье от дурного глаза, от непрошеного гостя. Как и все остальные бирманские духи, он очень похож повадками на человека со всеми его достоинствами и слабостями: благосклонен к тем, кто почитает его и делает подношения. Как и любой человек, нат хочет иметь душевное спокойствие, а потому отваживает любого, кто замыслил бы нарушить его покой. Он охраняет дом прежде всего для себя, а заодно и для всех его обитателей.

КУЛЬТ ТРИДЦАТИ СЕМИ

Произнося слово «дух», мы представляем себе призрак, являющийся в глухую полночь и наводящий ужас. Бирманцы не боятся своих духов. Наты живут рядом с человеком и похожи на него. Если к ним хорошо относиться, они ответят тем же. Натов много. Леса, горы, небо, реки, долины — все полно натов.

Они бывают добрыми и злыми, мужского и женского пола, старыми и молодыми. Есть совсем непритязательные наты, и их домом может быть дерево. Есть более влиятельные духи — хранители дома и деревни. Мелких, локальных, безыменных натов не счесть.

Самых могущественных и известных духов в бирманском пантеоне тридцать семь. Их культ идет исстари. Многие из первых натов были забыты, их место заняли другие. Время от времени в Бирме составлялись реестры «всепочитаемых» духов. Первый был составлен при короле Анируде, в XI веке, последний... спустя семь веков — при Бодопайе.

Итак, натов множество. У каждого свое имя, свой миф, своя сфера действия. Но всех объединяет одно: наты когда-то были людьми, преждевременно умершими «зеленой», не своей смертью, когда не было времени подумать о Будде в последнее мгновение жизни.

Обычно в списке натов оказывались именитые особы. Трагедии простых людей никого не интересовали. В последнем списке было всего четверо простолюдинов, все

остальные — короли, королевы, принцы, вельможи. Все они погибли трагически — казнены, отравлены, убиты, ужалены змеями, умерли от горя, несчастного случая...

В пантеоне натов двадцать шесть мужчин, десять женщин и один верховный нат — Тинджамин.

ХРАНИТЕЛЬ ДЕРЕВЕНЬ

Слово «нат» первоначально означало то же, что на санскрите «натха», — господин, имеющий власть над группой людей или

Нат — хранитель деревни властен над «всеми, кто родился в ней и кто пришел сюда жить». Он охраняет тех, кто проявляет почтение к нему в виде скромных подношений риса, цветов или воды. Он может удовольствоваться покорной молитвой или поклоном.

Нат уберегает жителей «своей» деревни от болезней воров, колдовства, от любого зла, приходящего извне, но он бессилен перед стихийными бедствиями — бурями, землетрясениями, наводнениями, молниями. Он не вмешивается в распри между отдельными поселянами, зато уж если разгневется, то карает вою деревню, насылая эпидемии, неурожай, засуху.

В Рангуне и его окрестностях мы не видели святилищ натов, очевидно, они хорошо спрятаны от любопытных глаз. А вот по дороге на Мандалай встретили их десятки.

Мы остановились у одной деревушки. У въезда в нее стояли маленькие сантиметров в двадцать высотой, примитивные домики на сваях сколоченные из неструганых досок и ярко выкрашенные. А в самой деревне высился кирпичный, старательно выбеленный домик — жилище ната — со статуэткой белого коня внутри.

Минпьюшин — Господин белого коня — относится к известным натам. Им стал верный слуга принца, несправедливо казненный своим хозяином давно, еще во времена Паганского царства.

ГОЛУБАЯ ГОРА ПОУПА

Недалеко от Пагана, на однообразной и скучной равнине, внезапно словно призрак, возникает голубая гора, увенчанная белым монастырем. Это знаменитая Поупа, потухший вулкан.

В то время как вся земля вокруг серая и безжизненная Поупа щедро покрыта зеленью и цветами, поэтому ее часто называют Цветущей горой. Издавна она была окружена ореолом магии и волшебства. Растущие на ее склонах трава и корни имели целебную силу. Их приходили собирать знахари со всей округи.

Легенда утверждает, что на горе обитают самые могущественные в Бирме наты — кузнец Мин Махагири и его сестра, Дева с прекрасным лицом, жена короля.

Когда-то на севере жили брат и сестра. Родители их умерли. Они жили одни, нежно заботясь друг о друге. Махагири был кузнецом таким ловким и сильным, что от звука его молота дрожала земля. Сестра его была красавица, в народе звали ее Дева с прекрасным лицом.

Однажды король послал в эти края гонцов, чтобы найти самую красивую девушку, которая стала бы главной королевой. Гонцы увидели Прекраснолицую деву и увезли ее во дворец. Неутешна была сестра. Тосковала о брате и много рассказывала о нем королю. Завидую необыкновенной силе и известности кузнеца, задумал лицемерный и слабый король известить его. Хитростью заманил он кузнеца во дворец и велел казнить, обвинив в измене. Утром у места казни собралась толпа. Король пригласил и главную королеву. Кузнеца приковали к дереву железными цепями и развели у его ног костер. Уже багровые языки пламени побежали по ногам и плечам богатыря, но он не издал ни звука. И тут

неожиданно для всех королева бросилась в пламя, обняла брата руками и разделила его участь.

Сгорев в пламени, оба они стали натами — хранителями Бирмы и поселились на высокой горе Поупа.

Махагири и его сестра — самые могущественные и почитаемые наты. Ни один бирманец не рискнул бы нарушить клятву, данную перед натами Великой горы.

Прошли столетия, прежде чем люди отважились подняться на священную гору, чтобы поставить на ее вершине святилище в честь натов — две фигуры с золотыми головами. К святилищу приходили не только простые люди. Сюда тотчас после коронации приезжали короли из Пагана со всем двором. Свято верили, что Господин Великой горы явится каждому новому королю и даст мудрый совет в государственных делах. Позднее, когда иностранца принимали на службу к бирманскому королю, его заставляли давать клятву в верности... именем натов Великой горы.

СОК КОКОСОВОГО ОРЕХА УТОЛЯЕТ БОЛЬ

Культ духов Великой горы древнее, чем почитание Будды в Бирме. Король Анируда, распространяя в стране буддизм, приказал уничтожить все домашние святилища натов.

Его преемник, Кьянситта, известный в истории под именем Тилуин Мана, возродил прежний культ духов и повелел, чтобы каждая бирманская семья почитала натов Великой горы, подвешивая внутри дома кокосовый орех. Вероятно, это и привело к слиянию культа Махагири и Мей Маджи. Ну а Прекраснолицая дева была забыта, как это часто случается с женщинами на Востоке.

Но почему именно кокосовый орех? Вероятно, потому, что сок его приносит облегчение при высокой температуре и ожогах. А оба ната Великой горы сгорели в пламени. И еще важная деталь: в подношениях натам никогда не должно быть желтых цветов дерева зага, около которого кузнец и его сестра были сожжены на костре.

Вплоть до XVI века в полнолуние девятого месяца к Великой горе стекались люди со всей округи, чтобы выразить свое почтение могущественным натам.

Им жертвовали животных белой масти — быков, кур, коз. Пальмовое вино текло рекой, люди веселились, танцевали, впадали в транс, считая, что это состояние вселяют в них наты Великой горы.

В XVI веке бирманский король Байиннаун, известный не только ратными подвигами, но и борьбой с суевериями, запретил под угрозой смерти оргии у подножия горы. Запретил приносить в жертву животных и пить одурманивающие напитки. Одновременно он отменил жестокий обычай, существовавший у шанов, по которому после смерти вождя было принято убивать его жену, рабов и любимых животных, чтобы их духи сопутствовали ему в последнем пути.

Великая гора так и осталась священной. Праздники полнолуния продолжались, но без оргий и жертвоприношений. Старинные поверья постепенно отступили перед догматами буддизма. Святилище натов на горе затерялось, а его место занял белый буддийский монастырь.

День за днем, с утра до вечера тянется цепочка паломников и туристов по длинной крытой лестнице вверх, к монастырю, чтобы выразить почтение... могущественным натам.

Я тоже прошла по этим крутым исхоженным лестницам.

Был канун сезона дождей, и жара стояла невыносимая. Кто назвал гору Цветущей? Цветов нет и в помине — выжжены солнцем. Деревья высохли, трава побурела. Остались лишь ветер и обезьяны.

Спасибо, кто-то посоветовал нам заранее запастись бананами и орехами, чтобы избавиться от назойливых обезьян. Благо внизу, у подножия горы, теснится множество

лавок, в которых продают все, что годится в подношение Будде и натам,— свечи, цветы, зонтики. Не забыты и обезьяны; в каждой лавке лежало их любимое лакомство — бананы.

Гора буквально кишела обезьянами. Мне никогда не приходилось видеть таких настырных животных-попрошак. Они вымогали свое препротивными голосами, бегали в кустах, прыгали по веткам деревьев, по лестничному навесу из гофрированного железа. Пожалуй, эти четвероногие привлекали внимание иностранных туристов больше, чем Будда и наты.

Склоны Великой горы очень крутые, и мне бы ни за что не одолеть такой высоты, если бы не лестница — узкая, но удобная, с перилами. Между маршами можно было отдохнуть на площадке, посидеть на скамье, выпить лимонад. Кое-где от лестницы ответвлялись тропинки с низеньким ограждением, не выше щиколотки. Куда они вели?

По одной такой тропе шел монах с гонгом в руке и не переставая бил в него, словно звал за собой. Я не удержалась и пошла следом. Что там может быть, в конце пути? Может, удивительное святилище натов?

Тропинка свернула к обрыву, и фигура в оранжевом остановилась на самом краю. Я в нерешительности замедлила шаг: над головой — нависшая скала, под ногами — пропасть. Хождение по краю бездны. А что, если наты Поупы требуют человеческих жертв? Конечно, я знала, что это вздорная мысль, что жертвоприношения давно отменены и не согласуются с канонами буддизма, и все же страх на минуту приковал меня к земле. Первым импульсом было вернуться назад, к людям, к спасительной лестнице, подальше от монаха, от завораживающего звука его гонга.

А на лестнице никого. Мои спутники поднялись уже высоко. Я осталась одна перед скалой, на которую вели две крутые лесенки — одна вверх, другая вниз. Преодолев боязнь высоты, я наконец добралась до каменных зубчатых стен монастыря.

Здесь, наверху, бушевал вихрь, срывал одежду, останавливал дыхание. По дороге вниз мы задержались у нескольких святилищ. В одних стояли изваяния Будды, в других — фигурки Махагири и его сестры в королевских одеждах. И те и другие не отличались мастерством исполнения. С трудом можно было представить себе, что Прекрасная дева была необыкновенно красивой.

Вечерело. И обезьяны, вероятно сообразив, что скоро поток посетителей иссякнет, усилили свой натиск. Они скакали, верещали, производили невообразимый шум, устраивали дикую возню в кустах, садились прямо на перила лестницы. Но тщетно: бананов у нас больше не было.

НЕ СЛЕДУЕТ СЕРДИТЬ НАТОВ

Если спросить бирманцев, верят ли они в натов, то половина из опрошенных ответит отрицательно, усмехнувшись при этом. Из женщин же — ни одна, поскольку не известно, что повлечет за собой это слово «нет».

Вера в духов уживается с буддизмом, хотя и противоречит ему. Все, что происходит с человеком, предопределено кармой — так считают буддисты. Предопределено неотвратно и безоговорочно. Поэтому, если человек заслужил счастливую судьбу, разве могут повлиять на нее наты?

И однако простые люди на всякий случай стараются задобрить духов, жить с ними в дружбе. Ибо кто знает: судьба судьбой, но, если духи существуют, они могут сильно испортить жизнь.

А жить в ладу с духами очень сложно, так как они во всем похожи на людей — самолюбивы, щепетильны и очень чувствительны к мнению окружающих. Если вы угождаете духам, то можете рассчитывать на их расположение. Но остерегайтесь задеть их неосторожным словом или поступком — навлечете на себя гнев.

Наты как люди: у каждого свой характер. Скажем, нат, живущий на заброшенном острове, больше всего ценит покой и может забросать камнями путника, который прилег

отдохнуть в тени его дерева или нарушил тишину. Лесные наты так же сурово наказывают нарушителей спокойствия. Наты на Тьякхийоу не выносят сомнений в их существовании.

А сколько бытует суеверий, связанных с Мей Маджи — Господином Великой горы, живущим в каждом доме!

Поскольку дом — место жительства одновременно и людей и духа, нельзя совершать поступки, которые могли бы прогневить его. Когда в семье рождается ребенок или кто-нибудь умирает, кокосовый орех, отождествляемый с жилищем ната, выносят на улицу, чтобы не потревожить ната суетой или плачем.

— В некоторых семьях из-за Мей Маджи супружескую спальню располагают только на северной или западной стороне дома...— услышала я однажды на приеме в бирманском МИДе, устроенном по случаю Тинджана, разговаривая с очень приятной женщиной, женой одного чиновника.

Удивление так явственно отразилось на моем лице, что моя собеседница понизила голос до шепота, чтобы никто не слышал, и продолжала:

— Видите ли, натам Великой горы принадлежит место на самой почетной, юго-восточной, стороне дома. А поскольку они были братом и сестрой, то вид супружеских ласк мог бы оскорбить их.

Мне удалось скрыть невольную улыбку, ко я все же припомнила, где стоят наши кровати. Двери из спальни ведут на балкон, откуда виден закат солнца. Значит, запад. Стало быть, все в порядке по отношению к Мей Маджи.

Зато я была «наказана» другим натом, не выносящим свинины. Вот как это случилось. Мы ехали в Пегу посмотреть лежащего Будду. На выезде из Рангуна наш «пежо» попал в автомобильную пробку. Последнее, что я запомнила,— впереди двигалась санитарная машина.

Очнулась я через два часа в госпитале. Он оказался недалеко от места происшествия, и мне не отказали в помощи. Кстати сказать, медицинская помощь в Бирме бесплатна.

А через день я уже кружилась по дому с обмотанной бинтами головой. Едва я встала на ноги, ко мне заглянула Мэгги.

— Ну как ты? Что произошло? — участливо спросила она.

— Дорогая, если бы я знала! Просто диву даюсь: мы ехали медленно. Встречная полоса была свободной, и поток машин двигался по ней быстрее. Видимо, одна из них угодила в выбоину, оставшуюся после муссонов. Водитель не справился с рулем. Машина изменила направление и врезалась в наш левый борт. Переднего крыла как не бывало. Всего метр оставался до дверцы, где я сидела. А если бы она «прошила» нас чуть дальше? Представляешь?

Мэгги покачала головой:

— А что с остальными?

— Мне досталось больше всех.

Добрая моя Мэгги снова посочувствовала и неожиданно спросила;

— Вы ведь на целый день собирались? Наверное, прихватили с собой еду. Вспомни, не брала ли ты свинину?

Что за вопрос? На чае и апельсинах долго не продержишься. Бананы набили оскмину. Сыра нет, копченостей тоже, масло брать нельзя — растечется. Что же еще взять? Конечно, жареный шницель между двумя кусками хлеба и пльзенское пиво в сумке-холодильнике.

— Да-а,— неуверенно протянула Мэгги и уточнила: — А кто держал сумку с припасами? Не ты ли?

— Ну кто ж еще? — пожалала я плечами. Мэгги помедлила и вдруг выпалила:

— Знаешь что говорят старые люди? В одной из пагод Пегу живут наты, которые не выносят свинины. И наказывают каждого, кто задумал приблизиться к ним хотя бы с кусочком этого ненавистного им мяса.

Сказала она об этом как бы между прочим, случайно. Попрошались и ушла.

Несколько минут я не могла опомниться. Иронизировала над собой:

— Вы ошиблись, любезные наты. Я ехала не к вам, а к Будде. Это во-первых. А во-вторых, откуда мне было знать о вашей нелюбви к свинине. И потом, я была со своим шницелем так далеко от вас! Вам не следовало быть такими жестокими. Оставался всего какой-то метр...

Старые верования и суеверия в Бирме отмирают, но мучительно долго. Решительное наступление на веру в духов повело правительство Не Вина.

Первый удар был нанесен натам Великой горы. Власти запретили строительство нового святилища для них, которое собирался возвести бывший президент страны У Ну. Газеты писали тогда, что деньги, отпущенные для сооружения святилища, использованы на нужды крестьян и рабочих.

Затем последовал второй удар: вышло постановление, запрещающее выпускать кинофильмы, в которых действуют наты, призраки и колдуны. Черная магия была отлучена от кино.

Сеть суеверий начала рваться, хотя она сделана и не из паутины.

ОСТЕРЕГАЙСЯ РАСКРЫТОЙ ПАСТИ ДРАКОНА

Мир окружен огромным чудовищем — Нага. Этот полудракон-полузмея вращается вокруг Земли не спеша, но беспрестанно, год за годом, и пасть при этом у него широко раскрыта.

По туловищу Нага можно ходить взад и вперед, от хвоста к голове. Но следует избегать разверстой пасти. Того, кто направится к ней, ждут несчастья. Поэтому возникло целое «расписание» перемещений по Земле.

В первом, втором и двенадцатом месяцах не рекомендуется путешествовать в направлении на восток. С третьего по пятый месяцы нежелательно двигаться на юг, с шестого по восьмой — на запад, с девятого по одиннадцатый — на север.

— А что это значит — «пасть дракона»? — спрашивала я исподволь у разных людей. И каждый раз реакция была одна: все понимающе улыбались, но разговаривать на эту тему не хотели. Никто не решался вступать в дискуссию о суевериях хотя и отмирающих, но все еще прячущихся в тайниках души. Тема была слишком деликатной и требовала доверительных отношений.

А что, если снова обратиться к Мэгги? Ее отношение к суевериям было сложным. Она долго жила в Лондоне, доучивалась в Америке, но суеверий пока полностью не преодолела — сказывались давние, вековые традиции.

— «Раскрытая пасть» Нага? — слегка запнулась Мэгги.— Как тебе объяснить? Это условность. Допустим, ты сказала кому-нибудь, чтобы он не рисовал черта на стене, хотя в действительности его никто не рисует. Так и с пастью дракона. Понимаешь?

Нет, я не понимала.

— Просто считается, что путешествие в определенном направлении окажется неудачным, поскольку приведет в открытую пасть Нага. Это всего лишь аллегория. Но многие люди верят, что существуют эти «несчастливые» маршруты, и воздерживаются от них.

Мэгги посмотрела на стену, где висел календарь, и, перехватив мою улыбку, спросила:

— А ты знаешь, как составлен бирманский календарь? Я имею в виду традиционный. Листала его когда-нибудь? Ну так посмотри на досуге. Там все это есть!

Вечером я села за изучение календаря.

Ряды знакомых арабских цифр по-дружески называли мне даты в соответствии с грегорианским отсчетом времени, год в котором начинается с первого января.

Но рядом с каждой общепринятой датой стояло число по бирманскому календарю, в котором начало года совпадало с полнолунием в апреле. И тут же давалось объяснение: какой день соответствует определенной дате — счастливый или нет.

Етйаза — счастливые дни, когда любое начинание увенчается успехом. Эти дни наиболее удачны для свадеб.

Пьятзада — их безрадостные антиподы. Они не предвещают ничего хорошего. В это время лучше ничего не предпринимать, никуда не ездить. А поскольку в жизни счастье встречается не так часто, то в календаре плохих дней вдвое больше, чем хороших.

Еще хуже *варамейту* — опасные, невезучие дни. Их следует старательно избегать.

Бирманские календари содержат не только обозначения счастливых и несчастливых дней. Здесь вы найдете сведения о положении звезд, их влиянии на судьбу, а еще предостережение... не направляться в сторону открытой пасти дракона.

ВОСКРЕСЕНЬЕ — ПОД ЗНАКОМ ПТИЦЫ ГАЛОУН

Мы сидели в гостях. В семье было пока всего четверо детей. Старшему восемь лет. Несобранный, непоседливый, он стоил целых троих.

— Он такой у нас сызмальства, — сетовала молодая мать. Напрасно мы ее убеждали, что со временем он станет лучше, что школа исправит его.

— Нет, таким останется. Ну что бы ему родиться днем позже? Он появился на свет в субботу, а это плохо.

Суббота находится под знаком дракона. Дети, родившиеся в этот день, доставляют родителям много хлопот. Они неуравновешенны, неуправляемы.

Все будущие матери мечтают, чтобы их ребенок родился в воскресенье — под счастливым знаменем птицы Галоун. Спросите любую женщину, и она подтвердит мои слова.

Так и оказалось. Когда я показывала своим бирманским друзьям фотографию дочки, светловолосой девочки с большими синими глазами, они говорили: «Спокойная, милая» — и спрашивали: «Когда родилась?» Я называла месяц и год. «Но в какой день?» — «Двадцать пятого октября». — «Вы опять не поняли: в какой день недели?» — «Кажется, в среду утром», — припоминала я. — «Ну, тогда ясно: дети, родившиеся в первой половине среды, бывают прелестными...»

Такой диалог повторялся несколько раз.

Для бирманского гороскопа важны не знаки зодиака, а знаки, соответствующие дням недели. Согласно ему, люди, родившиеся в понедельник, ревнивы и непостоянны; во вторник — честны и надежны; в среду до полудня — спокойные и милые, в среду после полудня — неприветливые и нестойкие. Рожденные в четверг — уравновешенны, в пятницу — словоохотливы. Хуже всех те, кто родился в субботу: они вспыльчивы, сварливы, трудно управляемы. Самый золотой характер у родившихся в воскресенье, под счастливым знаменем мифической птицы Галоун, одолевшей в поединке дракона Нага.

Суеверия предупреждают, что нельзя мыться людям, начинающим оправляться от болезни, во все дни, кроме вторника, четверга и воскресенья. Если в семье ожидается прибавление, надо снять все крышки с кастрюль, вынуть пробки из бутылок и вылить содержимое, чтобы роды были легкими...

Суеверий не счесть. Они ходят рука об руку с табу, табу — с суевериями.

Как же все это удержать в памяти? Простому смертному не под силу. Вот почему при всех жизненных поворотах они идут за советом к астрологу. Интересно, как он выглядит, такой прорицатель?

СКАЖИ МНЕ, КОГДА ТЫ РОДИЛСЯ?

— Мэгги, не знаешь ли ты какого-нибудь астролога,— начала я осторожно,— к которому можно было бы пойти? Мэгги заколебалась.

— Знала когда-то, но давно у него не была. Понятия не имею, что с ним сейчас... Правда, моя сестра, она детский врач, обращается к одному астрологу довольно часто. Он не раз предсказывал ей неожиданные события, которые потом сбывались. Но к сожалению, я не знаю, где он живет.

— Пожалуйста, узнай, будь добра!..

Нельзя сказать, что Мэгги восприняла мою просьбу с горячим энтузиазмом; она посчитала ее просто капризом. Пришлось долго уговаривать ее, и все напрасно. Тогда я сменила тактику.

— Через два месяца уезжаем домой. Так хотелось бы заглянуть в будущее, узнать, что меня ждет дома. Чем буду заниматься? Вернусь ли в Бирму еще раз и вообще... что откроет мне астролог?

Мэгги испытующе посмотрела на меня. Вероятно, мое выражение лица вполне ее удовлетворило. Однако прошло еще два дня, прежде чем она окончательно сдалась и вызвалась провести меня к семейному «советнику» своей сестры.

— Но учти: нужно встать рано, чтобы быть там первыми. Народу у него хоть отбавляй.

Она была права.

Астролог жил на окраине Рангуна. Дом его ничем не выделялся из ряда деревянных построек на захолустной улочке. Мы приехали туда на машине задолго до семи утра. Наше появление не привлекло ничьего внимания. Вероятно, здесь привыкли к подобным визитам. Даже собака, гревшаяся на еще не жарком солнце, не повернула головы, не залаяла.

Мы были первыми посетителями.

Воображение рисовало мне старца, склонившегося над магическими квадратами, карты звездного неба на стенах и шарик из горного хрусталя. Ничего этого не было.

Астролог сидел в плетеном ротанговом кресле на крытой веранде, пил свой утренний кофе и читал газеты.

И все же он не походил на обычного бирманца. У него были густые седые усы и длинная борода, с которыми резко контрастировала тщательно выбритая голова. Лицо его было темным. Очевидно, кто-то из его предков был моном (у бирманцев кожа светлее). Он ничуть не удивился, увидев нас на крыльце.

Поздоровавшись, мы уселись на стулья, рядом. И Мэгги обрушила на него водопад слов. Говорила она тихо, приглушенным голосом, заговорщически.

И вот началось. Никакого составления гороскопа, никакого гадания по руке. Астролог попросил меня назвать день моего рождения. 2го и стало камнем преткновения на пути к моему «прозрению».

Год, месяц и дата рождения его не интересовали. Он просил назвать день недели и точный час по бирманскому календарю.

Увы, я не знала ни того ни другого. Астролог онемел от изумления, а Мэгги даже стало стыдно за меня.

— Но ты ведь должна знать, родилась ли ты в воскресенье, понедельник или вторник,— задавала она «наводящие» вопросы.

Но я решительно не знала. Мы растерянно смотрели друг на друга. Как можно не знать дня недели, в который родился!..

Но делать было нечего. Задав несколько приличествующих случаю вопросов типа «что меня ожидает?», я с облегчением отошла от прорицателя.

Настал черед Мэгги. У нее не было проблем — выпалила все, что нужно. Они говорили по-бирмански. Мне сделалось скучно, и я стала рассматривать людей, сидящих на стульях у стены и терпеливо ожидающих своей очереди.

СТАТЬ ВЕЧНЫМ, БЕССМЕРТНЫМ

Магия, колдовство, алхимия, магические квадраты, почитание натов и змееподобного Нага процветали в Бирме до тех пор, пока их не коснулась рука короля Анируды.

Алхимия, пришедшая из Индии, вплоть до XI века была почти культом. В стране не было недостатка в минералах, в которых нуждались алхимики. Не было недостатка и в королях, которые нуждались в золоте, хотя имели его в избытке. В надежде еще больше разбогатеть короли покровительствовали алхимикам, и не раз рискованные эксперименты «ученых мужей» опустошали казну.

Бирманские алхимики образовали отдельные «школы». Все «великие открытия» записывались кодом, шифровались. Сами металлы и их смеси также получали тайные знаки. Некоторые названия звучали просто — «Мышь», «Лев», а другие витиевато — «Женщина с несколькими мужьями», «Многодетная мать».

Различали девять так называемых женских металлов: сурьма, цинк, олово, свинец, медь, серебро, золото, железо и ртуть. К ним добавлялось двенадцать металлов мужского рода. Считалось, что только соединение противоположных групп металлов давало эффективные результаты.

Весь мир, согласно теории алхимиков, состоит из четырех основных элементов: земли, огня, воды и воздуха. Поэтому все сущее на земле, в том числе человеческое тело, содержит эти четыре элемента, подвергающиеся старению.

Но кроме них существует еще нечто не стареющее, неизменное — вещество, являющееся основой основ.

Заветной мечтой каждого алхимика было выделить это вещество, получить его в чистом виде и ввести в тело человека, сделав его вечно юным, не стареющим, бессмертным; сделать его «зоджи».

Много веков бились они над тем, чтобы найти «животворящий камень», подобие которого искали и в Европе, называя его «философским камнем».

Считалось, что от соприкосновения с «камнем» свинец превращается в серебро, а медь — в золото. Имея такой «камень», человек мог летать по воздуху, погружаться под воду, жить под землей. Он становился неуязвимым для оружия врага.

Найти такой «камень» — полдела. Сплав предстояло ввести в организм человека, чтобы он постепенно впитался. А для этого нужно было... зарыть «счастливчика» в землю на семь дней.

Как это сделать? Кругом столько завистников! Днем с огнем нужно было искать надежных людей, которым можно было доверить охрану покоящегося под землей беззащитного тела. Таких, которые сами бы не посягнули на чудодейственное средство, за которым было достаточно протянуть руку.

Итак, нужны два условия: изобрести сплав и найти надежных стражей. Тогда алхимик мог спокойно проглотить волшебный сплав и закопаться в землю, чтобы через семь дней и ночей выйти оттуда существом с вечно молодым телом, в которое перешли все чудодейственные свойства «животворящего камня». Ему не нужно будет пить, есть, он не будет знать физической усталости. Он сможет жить, где захочет: на земле, под водой или в воздухе. Будет жить без старости и болезней тысячи лет, до прихода в мир нового Будды.

Но вероятно, дорога к бессмертию была слишком тернистой. Даже легенды, столь щедрые на выдумки, не оставили имя человека, которому удалось бы стать «зоджи».

Алхимией занимались в основном монахи, поэтому о них и сложено большинство легенд. По одной из них, Паган своим возникновением на берегу Иравади обязан «животворящему камню». Только с его помощью, считает легенда, люди смогли за два столетия на пустом и ровном месте создать «город тысячи пагод» — одно из архитектурных чудес Востока.

На юго-востоке подворья рангунской Шведагон стоит большой навес — дазаун. Он укрывает от солнца статуи сидящих Будд. Если присмотреться, можно увидеть интересную вещь: у одной статуи левый глаз значительно больше, чем правый. Говорят, это сделано в память об алхимике Шине Итзагуне, который в давние времена Паганского царства умел превращать свинец в серебро, а медь в золото.

МАГИЧЕСКИЕ КВАДРАТЫ

Стать бессмертным, стать «зоджи» — эта мысль не давала покоя и составителям магических квадратов. Они терпеливо составляли квадраты, чтобы найти идеальную композицию, с которой человек должен был проделать примерно те же манипуляции, что и с «животворящим камнем»: семь дней и ночей находиться под землей или три дня гореть в огне.

Старинные культы, мифология захватили и меня.

Но Мэгги не поддержала моего увлечения. Ее мало интересовали мифы, она даже не знала всего того, что собрала я. Она помнила кое-какие легенды, о «зоджи» имела весьма смутное представление. А когда дело дошло до магических квадратов...

— Что я знаю о них? — начала она. — А то, что многие верят в них, особенно в Верхней Бирме. Правда, в наши дни уже нет людей, которые могут их составлять. Обычно их получают в наследство от предков. Конечно, теперь никто уже не помышляет стать «зоджи». Они служат просто талисманом. Охраняют дом, если их наклеить на окно или стену напротив входа. Могут оберегать человека, если он носит их с собой.

— Послушай, Мэгги, я даже себе представить не могу эти магические квадраты. Ты их видела когда-нибудь? Как они выглядят?

Мэгги чуть заметно улыбнулась:

— Не только видела. У меня они есть. Достались от мамы. Только вот не помню, где они,— закончила она неожиданно, видимо, предчувствуя, что я захочу посмотреть.

Она не ошиблась. Я начала спрашивать:

— Найди, пожалуйста. Мне очень интересно. Убедившись, что я не отступлю, через день Мэгги вошла ко мне, держа в руках небольшой предмет.

— Нашла! — сказала она и показала, не выпуская из рук, свою драгоценность.

Это был кусок старого, выцветшего серо-зеленого картона. На нем был начертан квадрат, разделенный на более мелкие квадратики, испещренные таинственными знаками, буквами бирманского алфавита и арабскими цифрами. Эта пестрая смесь ни о чем мне не говорила. Я старалась не выдать своего разочарования. А моя приятельница осторожно завернула картон в чистый платок и тут же унесла, чтобы снова спрятать в надежном месте.

ДЫХАНИЕМ ОСЛЕПИТ ЧЕЛОВЕКА, ВЗГЛЯДОМ ОБРАТИТ В ПЕПЕЛ

Бирманский Нага напоминает китайского дракона. Никто точно не знает, откуда ведет свое происхождение это мифическое создание. В некоторых пагодах, особенно Верхней Бирмы, нередко можно увидеть статую сидящего Будды с обвитой вокруг него змеей. Предания так объясняют эту деталь.

Однажды, когда Будда сидел под баньяном, разыгралась страшная буря. И король Нага, огромный змей, прикрыл его своим телом, семь раз обвинившись вокруг него.

Так Нага был признан буддизмом; здесь и конец истории. А начало?

Трудно разобраться в добуддийских культах. Хроники, археологические находки содержат лишь фрагментарные сведения. Одна из легенд рассказывает о короле Прома, женившемся на принцессе-нага. Другая, связанная с именем паганского короля Кьянситты, рассказывает, как Нага охранял будущего владыку в детстве и не раз спасал от недругов.

Нага могуществен. Своим горячим дыханием он может ослепить человека, а взглядом — испепелить его.

Лишь перед птицей Галоун Нага пасует: Галоун сильнее его. В поединках она неизменно берет верх и с удовольствием поедает мясо поверженного Нага. Вот почему Нага, хотя и умеет летать, старается не подниматься в воздух, чтобы не подвергнуться нападению птицы.

Нага предпочитают жить глубоко под землей или на дне морей. Это они, разгневавшись, вызывают землетрясения. А те, что лежат под водой, создают огромные и опасные водовороты.

Нага могут принимать человеческий облик. Обычно это случается, если они влюбляются в простых смертных. Принцы и принцессы нага бывают необыкновенно красивыми, и никто не догадывается, что это не люди. Когда такая красавица вступает в брак с человеком, то вместо того, чтобы родить ребенка, она откладывает змеиное яйцо. Только так можно распознать, что это не женщина, а нага.

Нага — одно из самых популярных существ в бирманской мифологии. В его тени прячутся два других — птица Галоун и полуптица-получеловек Кейнета.

БИЛУ — ЧУДОВИЩЕ С ОТВРАТИТЕЛЬНЫМ ЛИЦОМ

Чудище с огромными ушами и острыми клыками — популярный персонаж бирманских сказок, распространенный сюжет у резчиков по дереву. Фигурки билу вырезают из тика и слоновой кости. Их изображения заполняют подворья пагод и полки лавок на базарах. Билу прошли тот же путь перерождения, что и остальные герои поверий. Зловещие создания, соприкоснувшись с Буддой, как по мановению волшебной палочки, изменили свой жестокий характер.

На склоне Мандалайского холма я набрела на скопище фигурок билу, склонившихся в глубоком поклоне в направлении вершины холма, где стоит статуя Будды.

Не могла понять, в чем дело.

— Тюнтин, объясни, пожалуйста, что они тут делают? Билу... в таком священном месте?

Тюнтин усмехнулся, но был снисходителен к моему невежеству.

— Говорят, раньше в этих краях жили билу. Люди обходили стороной эти места. Случайно забредшего человека они разрывали на куски и поедали.

Но когда на холме поставили пагоду, все билу стали поклоняться Будде и уже никогда не вредили людям. Так рассказывают старые люди.

«Наверное, в этом есть закономерность,— подумала я,— если даже билу, существа злые и безобразные, «реабилитированы» буддизмом».

В легендах Великий учитель даже решал споры между людьми и чудищами. Вот одна из них.

Однажды к Будде, читающему проповедь, подбежала женщина. Она задыхалась от волнения и была вся в слезах. Женщина положила к ногам Будды свое только что родившееся дитя и умоляла о помощи.

Каждый раз, когда у нее рождался ребенок, появлялась страшная великанша-билума и поедала его. Вот и теперь чудище стоит в стороне, ожидая жертвы.

Будда успокоил бедную мать и ласково подозвал великаншу. Он объяснил им, что в прежней жизни великанша была ланью, а женщина — тигрицей, поедавшей ее детенышей. Вот почему теперь «бывшая лань» мстит «бывшей тигрице».

Глубоко потрясенная услышанным, билума поклялась никогда больше не приносить вреда людям. Женщина сжалилась над нею и взяла ее к себе в дом. Не осталась в долгу и великанша: она давала такие мудрые советы, когда начинать сев риса, где выбрать участок, что женщина очень скоро разбогатела.

С тех пор все жители деревни приходили к билуме за советами, всем она помогала, и ее очень полюбили в деревне.

ТАМ, ГДЕ СТОЯТ ПАУНЫ

Если перед въездом в деревню стоят врытые в землю столбы — пауны, значит, ее жители верят в духов. Паун, отдаленно напоминающий индейский тотемный столб, украшен резьбой, а сверху раздваивается, как мальчишеская рогатка.

В Бирме живут около ста народов, стоящих на разных ступенях социального и экономического развития. В глухих горных районах есть малые народы, которые цивилизация веками обходила стороной. Жизнь их регламентируется верованиями и обычаями предков.

Так, до недавнего времени чины татуировали тело от ушей до икр магическими знаками. По старинным поверьям, это делало воина неуязвимым для стрел и копий врага. По рисунку татуировки можно было определить, к какому племени принадлежит человек.

Лицо было принято «разрисовывать» мелкими кружочками, располагая их продольными рядами: пять у женщин, шесть у мужчин. Кроме того, наносились точки вдоль носа и подбородка. Считалось, что женщина, вышедшая замуж без кружков на лице, будет бесплодна и несчастлива, а умершая без татуировки *на* шею попадет в страну злых духов.

Теперь, однако, охотников покрывать тело магическими рисунками становится все меньше, несмотря на то что вместо старинного пучка заостренных бамбуковых игл мастера татуировки пользуются специальными машинками. Обычай уходит в прошлое.

В ОДНОМ ИЗ СЕМИ ДОМОВ ОТЫЩЕТЕ КОЛДУНЬЮ

В отдаленных горных провинциях люди продолжают жить в плену суеверий и по сей день.

Несколько лет назад недалеко от городка Лойко в деревне была вырезана целая семья из-за того, что все они... «были колдунами, наславшими ужасную болезнь на родственников мстителей».

Когда специальная комиссия Союзного апелляционного суда приехала расследовать этот случай на месте, слугам закона пришлось нелегко. Большинство опрошенных свидетелей подтвердили факт колдовства, нисколько в нем не сомневаясь. Они даже перечисляли признаки, по которым легко распознать колдунов. Днем такие люди не отваживаются смотреть собеседнику в лицо, отводят глаза в сторону или смотрят в землю. Ночью от них исходит синее сияние...

Судьи обратились к совету старейшин деревни и услышали:

— Да, колдуны в этих местах есть, и немало. Другое дело, что нельзя чинить над ними самосуд, убивать их. По традиции, если кто-нибудь из поселян подозревается в черной магии, его вначале предупреждают. А если это не помогает — изгоняют из деревни.

Что оставалось делать защитникам правосудия? Они созвали старейшин всех окрестных деревень и долго втолковывали им, что больных следует отвозить в больницы, оказывать им врачебную помощь, а не искать причин «порчи».

К сожалению, подобное происшествие не единственное.

Как его рассматривать? Как обычное убийство? Или учитывать власть суеверий над людьми? А как поступать с местными обычаями, зачастую противоречащими государственному закону?

Там же, где дело касалось небирманской народности, решение могло быть истолковано как ущемление прав национальных меньшинств.

После долгих обсуждений специалисты пришли к выводу, что пора выработать правовые кодексы для отдельных районов страны с учетом местных, национальных традиций и обычаев.

И все же время ворожбы и жертвоприношений духам проходит. Все больше людей в самых глухих уголках начинают понимать, что помощи надо искать не у шаманов, а у людей в белых халатах, а молитвам и заклинаниям предпочитать лекарства. Жизнь меняется, изгоняются невежество и фанатизм. Некогда заброшенные окраины сегодня преодолевают вековую косность.

ПАДАУН — «ЖЕНЩИНЫ-ЖИРАФЫ»

У каждого народа свой взгляд на красоту.

«Чем длиннее шея, тем красивее женщина», — убеждены мужчины народности падаун, живущей в горах на северо-востоке Бирмы, в бывшем княжестве Монгпай. А представительницы слабого пола этой народности следуют правилу: шея должна быть втрое длиннее обычной.

За окном нашей машины мелькают шанские селения. Хижины в окружении рощиц масличных и арековых пальм. В огородах трудятся мужчины в черных широких штанах и куртках, с ножом за поясом. Женщины хлопочут у открытых глиняных очагов или стирают у ручьев белье, выколачивая его о камни.

На шоссе лежит толстая, в руку, темно-серая змея. Тюнтин отчаянно гудит. Но змея, пригревшись на солнце, не шелохнется. Тогда, ворча и кряхтя, он осторожно объезжает ее по самому краю обрыва. Как истый буддист, он никогда не лишит жизни живое существо, даже если это связано с риском для себя.

Стоп! У въезда в деревню стоят святилища духов — пауны. Не здесь ли живут падауны? С любопытством смотрю по сторонам в надежде увидеть хотя бы одного человека. Но вокруг ни души.

Друзья предупреждали нас, что падауны довольно замкнуты, неохотно вступают в контакт с чужеземцами, прячутся от фотообъективов...

Деревня словно вымерла.

И вдруг вижу: у хижины, в рассеянной тени акации, сидит девочка лет пяти и старательно трет песком закопченный медный казан. У ее ног суетится маленький, похожий на куничку зверек — мангуста. Девочка то изо всех сил скоблит посуду, то играет с мангустой. Она подставляет ладонь — зверек мгновенно усаживается на нее, беспокойно поводит розовым носом и прыжком взбирается на плечо. Девочка смеется, стряхивает зверька и снова принимается за работу. Лохматый рыжий пес, внимательно наблюдая за происходящим, радостно повизгивает. Видно, что и ему хочется включиться в эту веселую возню. Красные стрекозы летают над высокой сухой травой. И все, от земли до неба, залито солнцем, уже готовым вот-вот уйти за горизонт.

Ну можно ли проехать мимо такой картины, не запечатлев ее?

Увлеченная игрой, девочка не заметила, как я подошла и настроила фотообъектив. Щелкнул затвор камеры.

И тут случилось совершенно неожиданное: девочка зарыдала, стала бить себя в грудь, лицо исказил страх, глаза расширились. С громким воплем она кинулась в хижину. Оттуда донеслись возбужденные голоса.

Теперь настала моя очередь испугаться. Что делать? Отступить к машине, пока не поздно? Но в сложившейся ситуации это было бы не самым лучшим выходом. Надо было уладить недоразумение.

Я попросила Тюнтина объяснить родителям ребенка, что ни малейшего вреда я ему не причинила и в руках моих был всего-навсего фотоаппарат...

Через несколько минут из хижины вышел молодой мужчина и дружелюбным жестом пригласил меня войти. Прихватив с собой детскую книжку, я вошла в дом.

У порога на тощей циновке, свернувшись калачиком, спал ребенок. На полу у стены сидела женщина и кормила малыша, удобно устроившегося в подоле ее широкой юбки. На ее неестественно длинной шее поблескивал высокий медный воротник. Из-за спины женщины выглядывала испугнутая мною девочка. Она уже успокоилась и с интересом смотрела на яркую обложку книжки в моей руке.

Я вручила подарок и принесла извинения. Хозяин хижины заверил, что все в порядке. Девочка испугалась потому, что слышала о мятежниках с автоматами, которые нападают на деревни и расстреливают жителей, не щадя даже детей. К тому же завтра ей предстоит торжественная церемония надевания на шею обруча. По традиции за неделю до этого ребенок не должен выходить из дома, иначе злые духи могут испугать его или даже похитить, чтобы сорвать празднество.

Так вот оно что! Меня приняли не то за мятежника, не то за злого духа... Но хорошо то, что хорошо кончается. Непонимание рассеялось, в доме наступил мир и покой. И я могла теперь осмотреться.

В комнате, кроме низкого столика, ничего не было, если не считать двух свернутых в рулон и прислоненных к стене циновок, которые ночью служили постелью всем домочадцам.

Над дверью висел пучок сухой горчичной травы. По стене неуловимо и бесшумно, как струйка, скользила ящерица. Рывок — и комара как не бывало. Заглотив жертву, ящерица дернула плоской змеиной головкой, метнулась в сторону и замерла, подкарауливая новую добычу.

Между тем хозяйка кончила кормить малыша, положила его рядом с братом на циновку и пригласила нас к столу. Главным блюдом в ужине семьи был горячий рассыпчатый сероватый рис, лежавший на зеленых банановых листьях, и соус из трав...

Никто не помнит, когда появился обычай вытягивать шеи девочкам. Рассказывают: повадился в деревню тигр-людоед. Ночью он подкрадывался к хижинам, нападал на спящих девочек и перегрызал им горло. Вот тогда-то, чтобы защитить их от зубов хищника, им на шеи начали надевать медные кольца-обручи.

Свое первое кольцо девочка получает, когда ей исполняется пять лет. В подходящий день полнолуния в дом приходит знахарка. Накануне ребенка готовят: массируют шейку, втирают мазь из пчелиного меда, собачьего сала и кокосового сока, чтобы придать коже эластичность. Во время процедуры мать стоит позади девочки, поддерживая голову и оттягивая ее за подбородок. Начинать всегда трудно. Поэтому под первый обруч подкладывают мягкие плоские подушечки, притупляющие боль, пока тело не привыкнет. Но часто ребенок, польщенный вниманием собравшихся гостей, отказывается от такой подушечки. После того как девочке надели обруч, с нею снова занимается мать, заставляя вращать головой.

Если семья состоятельная, то одновременно надевают обручи на запястья и икры ног.

Высокий бронзовый или медный «воротник» получил название «спираль тщеславия». За это тщеславие приходится дорого платить: женщина оказывается навечно закованной в металл.

Падаунская женщина обычно имеет по восемь — десять детей и ни одного не может увидеть, когда кормит грудью: обручи не дают ей наклонить голову. Если она хочет оглянуться, то поворачивается всем корпусом. Так, зажатая обручами, она работает в поле, носит на голове корзины, кувшины с водой, торгует в деревенской лавке.

«Спираль тщеславия» на шеях падаунских женщин содержит от пяти до двадцати пяти колец. Вес такого «ожерелья» достигает пятнадцати килограммов. Надевается оно на всю жизнь. Если обручи снять, то неминуемо наступит смерть. Шейные позвонки разошлись, и мышцы не в состоянии удержать голову. Искусственно вытянутая шея беспомощно повиснет, как сломанная ветвь. По обычаям племени, снятием с шеи колец женщину наказывают за измену мужу, практически приговаривая ее к смерти. Итак, свой

первый шейный обруч девочка-падаун получает в пять лет. Через двадцать четыре полных луны, то есть почти через два года, к первому обручу добавляют второй. Потом еще и еще. Каждый год на шею, как на детскую пирамидку, нанизывают одно-два кольца. И так до тех пор, пока она не вытянется до тридцати сантиметров.

Самые широкие обручи лежат на плечах. Сзади они соединены небольшим колечком, выступающим, как ручка у кувшина. Попробуйте лечь спать в таком «ожерелье»! Да и днем оно причиняет массу неудобств. Каждый день приходится протирать шею влажным жгутом, просовывая его между обручами, смазывать кожу жиром.

На мой взгляд, «спираль тщеславия» больше походит на наказание, чем на украшение. Но вероятно, хозяйка хижины, где мы сидим, так не считает. Она вполне довольна жизнью. На прощание она снимает со стены пучок душистой высушенной травы и протягивает мне:

— Возьмите! Это табьей. Он приносит счастье...

VI РОЖДЕННЫЕ ДЛЯ ПРАЗДНИКОВ

ТОНКАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В Бирме принято тройное летосчисление: христианское (грегорианское), буддийское и бирманское.

Если во всем мире встречают 1984 год, это значит, что по буддийскому календарю настал 2527 год, а по бирманскому... 1346-й.

В бирманском календаре красным цветом отмечены не воскресенья, а дни полнолуния.

Хотя буддизм учит воздержанности, бирманцы любят праздники. И это, наверное, закономерно: так же как жизнь в убогих лачугах рождает тягу к красоте и ярким краскам, так и аскетизм религии пробуждает неистощимое жизнелюбие и чувство радости бытия. Врожденная веселость бирманцев находит выход в празднествах.

«...Слишком много веселимся,— писали газеты,— не проходит и месяца без праздника».

Официально в Бирме отмечается двадцать праздников в году. Это очень пестрая смесь дат: День независимости, День Бирманского Союза, День армии, День крестьянина, День писателя, Первое мая, праздник воды, праздник огней, рождество Христово, мусульманские празднества...

Свои праздники имеют отдельные пагоды. К ним приурочивают семейные торжества — шинпью, натвин, свадьбы.

Ко всем праздникам бирманцы готовятся задолго и с большим энтузиазмом.

Умение радоваться — свойство бирманского характера, естественное, как дыхание. В Европе давно не умеют веселиться так, как в Азии. Нет-нет да и проскочит в глубине души искорка зависти к людям, мимо которых жизнь не скачет бешеным галопом, а течет размеренной, спокойной рекой,— к людям, которые близки друг к другу, потому что имеют на это время.

Много в Бирме праздников, но самый веселый и любимый — новогодний — Тинджан. Новый год приходит в Бирму дважды: в январе по общепринятому календарю и в апреле по лунному.

В Европе шел 1977 год, когда мы встречали в Бирме... 1339-й по бирманскому летосчислению, начавшемуся в 638 году.

Бирманский Новый год настаёт в день полнолуния в апреле. Поэтому праздник всякий раз приходится на иное число, час и даже минуту — в зависимости от расчетов астрологов.

Традиционный бирманский календарь берет начало от древнего брахманского, основанного на фазах движения Луны. Бирманский год состоит из двенадцати несколько укороченных месяцев — по двадцать девять-тридцать дней. Поэтому он опережает астрономический год. Чтобы сравняться с ним, добавляется еще один переходный, «високосный» месяц. Вазоу, четвертым месяц бирманского календаря, повторяется дважды. Первым вазоу подобен Золушке. Настоящим считается второй, дополнительный месяц, в котором отмечается праздник полнолуния.

Вот коротко о календаре. Но как он возник и почему точкой отсчета взят именно 638 год нашей эры — не известно.

Одна из версий отсылает ко временам, когда на земле Бирмы существовало государство Пью. По дошедшим до нас надписям на урнах с прахом королей Пью можно высчитать, что примерно в это время была основана могущественная династия Викрама. Возможно, она и дала начало новому бирманскому летосчислению.

В современной Бирме официально признан грегорианский календарь. Социалистическая Республика Бирманский Союз живет, как все другие страны, в XX столетии. И все события датируются так же, как в любой другой стране. Традиционное летосчисление применяется лишь тогда, когда дело касается прежде всего каких-либо внутренних событий. Вот один пример: «Революционный совет заявляет, что народ Бирманского Союза провозгласил и принял Конституцию Социалистической Республики Бирманский Союз путем референдума в одиннадцатый день текущего месяца пьядо в 1336 год бирманского летосчисления (3 января 1974 года). Подписано Не Вином, Председателем Революционного совета Бирманского Союза».

В этом важнейшем политическом документе обозначены две даты, и предпочтение отдано бирманскому календарю.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТИДЖАМИНА...

Когда во Вселенной возникла Земля, она была пустынной и безжизненной. Индуистские боги, увидев новую планету, отправились познакомиться с ней. Почва Земли источала такой сладостный аромат, что они отведали ее по кусочку. Понравилось. Они съели еще и еще. И так увлеклись, что не заметили, как священный нимб вокруг их голов постепенно угас.

Наступила тьма. Боги поняли, что не смогут найти дорогу назад и заплакали так жалобно, что сам король натов Тиджамин сжалился, снизошел к ним, чтобы утешить. Он велел натам Солнца и Луны осветить Землю. Одел ее растительностью, населил животными и научил богов, оказавшихся узниками Земли, многим полезным вещам.

А потом всемогущий Тиджамин покинул Землю, обещая им в канун каждого Нового года на несколько дней возвращаться, чтобы увидеть плоды своего труда. С приходом Тиджамина начинаются веселые праздники воды. Момент его возвращения в небесную обитель означает наступление первого дня Нового года. Моменты прихода и ухода Тиджамина определяют астрологи. Это время, когда Солнце движется от созвездия Рыб к созвездию Овна. Ну а по общепринятому календарю Тинджан начинается 13—16 апреля.

Если у нас с последним ударом колокола в полночь 31 декабря кончается старый и начинается новый год, то Тиджамин уходит, когда пожелает, а вернее, когда предскажут звездочеты.

Тинджан начинается в ночь, когда зацветает падаук — так называют желтые цветы мирта. Цветет падаук всего одну ночь. Тот, кто увидит, как распускаются его золотистые соцветия, будет удачлив в новом году.

Раньше начало и окончание праздника Тинджан знаменовались выстрелами из королевских пушек. Сегодня же все газеты заблаговременно сообщают, что начало праздника воды отметят «сирены всех морских судов в Рангунском порту, локомотивов на

железных дорогах, заводские гудки, а радиостанция торжественно оповестит о том, что Тинджан начался».

Тиджамин «приходит» на Землю в различных одеждах и с различными предметами в руках. Иногда он облачен в военные доспехи, порой несет фонарь или соху. Может явиться верхом на каком-нибудь звере, а может — пешком. В зависимости от этого астрологи дают точный прогноз наступающего года и в общих чертах определяют характер детей, которые родятся в этом году.

Подробные предсказания публикуются в газетах, журналах, издаются отдельными брошюрами.

Если, к примеру, Тиджамин одет в золотисто-красные одежды и прибывает на мифической птице Галоун, то год ожидается в целом без каких-либо неприятностей. Если же король натов облачен в ярко-красные одежды и восседает на билу или нага, а в руке у него горящий факел или меч, то год сулит несчастья — прольется много крови, будут пожары, стихийные бедствия.

Лучше всего, когда Тиджамин, одетый во все золотистое, прибывает на буйволе или быке, держа в руках цветы и кувшин с водой. Люди радуются: год выдастся счастливым, мирным, урожайным... Вариантов множество.

Но какими бы ни были предсказания астрологов, в них всегда в первую очередь говорится о дождях. От дождей зависит урожай риса. Будет рис — будет и жизнь. В Бирме говорят: «Не земля родит, а вода».

Есть еще одна общая черта во всех предсказаниях: воздействие дурных прогнозов можно уменьшить. Как? Быть благочестивым, добрым, работающим, почитать родителей и учителей, соблюдать заповеди. Добрыми делами и чистыми помыслами можно противостоять злу, можно изменить мир вокруг своего маленького «я». Но каждый это должен делать в одиночку. Каждый сам за себя.

ЧТО ДЕЛАТЬ С ГОЛОВОЙ БРАХМЫ?

Итак, люди радостно встречают Тиджамина. Но причем здесь вода? Потoki воды текут в праздники Тинджан, и обычай этот уходит в седую древность. Есть много легенд по этому поводу. Вот одна из них.

Давным-давно родился на Земле человек необыкновенной мудрости. Потомок оставшихся на Земле богов, он умел летать, по воздуху. Однажды он взлетел так высоко, что достиг стены, ограждающей Вселенную, и изучил сложнейшие астрологические формулы, начертанные на ней.

Но стар он стал. Однажды, наблюдая за звездами, астролог почувствовал, что тело его скоро умрет. В ту же минуту он увидел молодую чету, шедшую по лесной тропе. Внезапно из-за куста выползла змея, укусила мужчину, и тот умер на месте.

Старый мудрец быстро склонился над холодеющим телом, отсосал змеиный яд и сказал обезумевшей от горя женщине, что ее муж оживет.

Сказав так, старец ушел по тропинке так далеко, что исчез из виду. И там, в лесу, его немощное тело умерло. А душу свою он вдохнул в тело юноши, укушенного змеей. Молодой мужчина открыл глаза, и жена рассказала ему о случившемся. Супруги решили отыскать старца, чтобы отблагодарить его. Под деревом они нашли мертвое тело и предали его, как полагается, погребальному костру.

— Несчастный умер, чтобы я мог жить! — сокрушался муж, но ни словом не обмолвился жене, что в нем отныне живет душа мудреца.

Вскоре «воскресший из мертвых» стал звездочетом, да таким, известным, что все называли его Свет Мудрости. Молва о нем дошла до самого Тиджамина, и решил он, сойдя на Землю, испытать мудрость астролога.

Бог принял обличье человека и пришел к дому звездочета. Усевшись на пенек и положив одну руку на бедро, а другой прикрывая усмешку, Тиджамин спросил звездочета, где сейчас находится король духов.

Астролог даже не взглянул на гостя, углубился в свои расчеты и через минуту ответил:

— Короля духов сейчас нет в обители богов.

— А где же он может быть? Астролог снова посчитал:

— Король Тиджамин находится на Земле.

— А что делает? — в третий раз спросил пришелец. Долго вычислял астролог, а потом ответил:

— Сидит на пеньке, подбоченившись, и усмехается. Удивленный король задал последний вопрос:

— А как далеко он от твоего дома?

Звездочет снова обратился к своим формулам и, не веря самому себе, произнес:

— Моя наука утверждает, что он сидит перед моим домом. Значит, ты и есть не кто иной, как сам Тиджамин.

Такая мудрость астролога изумила бога. Через год, когда он вновь собрался на Землю, вместе с ним решил отправиться в путь бог Рыжий Брахма. Они завели разговор об астрологии и поспорили: сколько дней должно лежать в основе астрологических вычислений? Тиджамин уверял, что семь, Брахма настаивал на восьми. Долго спорили они и решили обратиться к земному мудрецу, предварительно договорившись между собой, что победитель должен обезглавить проигравшего.

Когда спорщики предстали перед звездочетом, тот вздохнул и объявил, что прав Тиджамин.

В тишине, воцарившейся после его слов, упала на Землю огненная голова Рыжего Брахмы. Король духов поднял ее, взял в руки и сказал:

— Я был вынужден обезглавить Рыжего Брахму. Он упорствовал в заблуждении, что не достойно бога, а потому я не могу вновь прирастить его голову к телу. Но и на Земле ее нельзя оставить, иначе она сожжет все живое. Как быть? Если я брошу ее в небо, то больше не упадет ни капли дождя. Если брошу в океан — он высохнет. Такую огненную голову могут держать только боги.

С минуту подумав, Тиджамин дал астрологу свой меч и приказал:

— Иди на север и отсеки голову первому, кого встретишь, и принеси ее.

Звездочет так и сделал. Ему повстречался слон, блестящий подобно золоту. Он отсек ему голову и принес богу. Тот приставил голову слона к телу Брахмы, окропил его живой водой, и Брахма ожил. Если прежде он своей огненной головой возбуждал в людях страх, то теперь выглядел милым и добросердечным, и люди полюбили его. В свою очередь он почувствовал расположение к людям и помогал им преодолевать трудности и невзгоды.

А что было делать с отрубленной огненной головой?

Тиджамин созвал семь богинь и велел им по очереди держать голову в течение одного года. Момент передачи головы из рук в руки должен совпадать с приходом Тиджамина на Землю и, стало быть, с началом нового года.

В те два-три дня, когда голову держат обе богини — на Земле проходит праздник воды. А в тот миг, когда ее берет в руки одна из них, наступает новый год.

Отрубленная голова Брахмы навсегда осталась огненной, и ее нужно без устали охлаждать, поливая водой. Не потому ли возник у людей обычай поливать друг друга водой в дни Тиджана?

МЫСЛЬ ДОЛЖНА БЫТЬ СПОКОЙНОЙ И ЧИСТОЙ

Но первоначальный смысл обычая за сотни лет существенно изменился. И сегодня, обливая друг друга водой, люди вряд ли помнят о Брахме.

Тинджан празднуют и в самых глухих деревнях, и в столице. Раньше это был домашний праздник: достаточно было опустить цветок в благовонную воду и обрызгать ею близких. Теперь праздник выплеснулся на улицы, приобрел мобильность и размах.

Воду в городе запасают заранее. Все, стар и млад, вооружаются шлангами, насосами, просто ведрами. Поливают всех, но никто не в обиде: ведь облить — значит смыть горести и заботы прошлого года, пожелать счастья, щедрых дождей и доброго урожая.

С утра до поздней ночи текут по улицам Рангуна реки разлитые. Куда только делась проблема нехватки воды?

К празднику начинают готовиться задолго до его начала. Выбирают специальные «комитеты по проведению Тинджана». В них входят представители авторитетных административных органов, молодежной организации Ланзин.

Пожарные, врачи, регулировщики уличного движения, журналисты — все включаются в подготовку, чтобы, как пишут газеты, «Тинджан прошел в духе лучших традиций и без беспорядков».

Готовятся конкурсы на лучшую песню, стихи, танец или лозунг к новогоднему празднику. Печать сообщает, где будут стоять «водные киоски», в которых можно будет «заправиться» водой.

А в канун праздника газеты посвятят ему передовую статью. Не важно, что для этого придется потеснить сообщение о каком-нибудь событии мирового масштаба, ведь «завтра начинается бирманский Тинджан!».

Приехать в эти дни в Бирму с намерением решить какой-нибудь деловой вопрос — абсолютно безнадежно. Все учреждения закрыты, кроме почты, больниц и международного аэропорта. Всюду плещется вода, текут потоки, всей страной завладевает «водная лихорадка».

Один бизнесмен, возвращаясь из Японии в Европу, по пути решил уладить свои дела в Рангуне. Ему выдали транзитную визу на двадцать четыре часа, а дата его прилета совпадала с первым днем Тинджана. Мы срочно телеграфировали: «Не приезжайте. Праздник воды». И все же упрямый человек приехал.

Тинджан уже вовсю бушевал на улицах, когда он позвонил по телефону и сообщил, что преспокойно добрался до гостиницы. Затем он спросил, нельзя ли договориться с кем-нибудь из ответственных чиновников бирманского торгового департамента о деловой встрече. Сколько мы ни объясняли, что это бесполезно, убедить его не удалось. Пришлось ехать в отель.

Увидев нас в спортивных костюмах, приехавший коммерсант очень удивился. Мы снова с жаром принялись убеждать его, что в эти праздничные дни никого в департаментах найти нельзя и что на улицу лучше не показываться, а если рискнуть выйти, то надеть такие вещи, которые легко потом просушить. Нет, не поверил.

А вечером раздался звонок:

— Вы были правы. Завтра улетаю. Ни с чем. Виза истекла.

Когда на следующее утро мы приехали проститься с неудачливым визитером, в окне его номера висели совершенно мокрые пиджак и брюки выходного костюма.

— Вероятно, не просохнут до отъезда? — спросил он с кислой улыбкой.

НА СЛОВА НЕТ ВРЕМЕНИ

В дни Тинджапа вы не услышите никаких слов поздравления вроде «Счастливого Нового года!» или «Всего наилучшего!». На слова просто не хватает времени. Праздник бурный, стремительный. Люди в мокрых, прилипших к телу одеждах радостно

возбуждены. Все улыбаются. Все счастливы. Отброшены в сторону заботы — Тинджан пришел.

Город принарядился. Повсюду — в домах, в кабинах водителей, в волосах девушек — замелькали золотистые веточки падаука.

Праздник открывают дети. В первый день только им позволено обливать родных, знакомых и прохожих. Затем в игру включаются взрослые. Никто не работает. Весь народ высыпает на улицы. На каждом углу вы рискуете попасть под водяной «обстрел». Но поскольку в апреле особенно жарко, такая процедура не только не страшна, но, напротив, приятна. Холодная вода бодрит, снимает усталость.

Спрятаться от воды некуда. На улицах стоят «водные киоски» — навесы из пальмовых листьев, украшенные цветами, гирляндами. Под ними громадные бочки с водой, ведра, пожарные рукава. Здесь особенно весело — танцы, смех, шутки.

Современность коснулась и Тинджана. На «джипы» и грузовики ставят бочки с водой, и экипаж, вооруженный ведрами, ковшами, насосами, нейлоновыми пистолетами, отправляется в город участвовать в веселых водных баталиях. В кузовах машин, превращенных художниками в павлинов и драконов, видны лишь грибы соломенных шляп и мокрые спины.

По улицам разъезжают разрисованные машины — импровизированные эстрады. Переполненные автомобили носятся по городу от одного «водного киоска» к другому. А дороги от воды становятся скользкими, возбужденные водители утрачивают чувство опасности. Грустный факт, но моторизованное веселье не обходится без жертв.

Пассажиров городских автобусов «обстреливают» водой через окна, на остановках, при выходе на улицу. Но и в собственном автомобиле нужно быть начеку — плотно закрыть окна и дверцы, а прежде чем выйти, оглядеться по сторонам. Стоит только на секунду зазеваться — готово дело. Вернешься домой мокрый, как водяной.

«Не обливайте почтальонов. Вы испортите корреспонденцию!» — ежегодно зывают к гражданам газеты. Но тщетно: поливают всех подряд. Признаться, я ни разу не встретила почтальона в дни водных баталий.

Мне хорошо запомнились первые впечатления от Тинджана. У дома затормозил автомобиль, распахнулись решетки на дверях, послышались знакомые шаги по ступеням и... затихли. Никто не вошел. Я открыла двери и остановилась на пороге, увидев мужа мокрого с головы до пят.

— Что случилось?

Не отвечая на вопрос, он развязал шнурки полуботинок и с тихим бешенством вылил из них воду через террасу.

— Да что с тобой?

— Ничего. Поливают, — буркнул он в ответ.

— Кто поливает? Зачем?

— Новый год. Праздник воды. На улицу просто нельзя выйти, вымокнешь до нитки.

Бирманец ты или нет, стар или молод — не имеет значения: вода смывает все различия. Тинджан есть Тинджан, со своими обычаями. И очень скоро его буйное веселье захватывает и тебя. Особое удовольствие — пройти пешком, смешавшись с уличной толпой.

Улица перед «нашим» монастырем тоже обзавелась «водными киосками». Мы прошли туда кратчайшим путем через тихий монастырский сад. Возвращались мокрые насквозь, и монахи, глядя на нас, не могли скрыть улыбки. Фигуры в оранжевом. — единственные, кого минует вода (да еще полицейских).

На секунду мне показалось, что им тоже хотелось бы принять участие в этом беззаботном празднике, но никому бы и в голову не пришло облить монаха.

Есть» правда, сухие островки в этом море воды — наскоро сколоченные и украшенные цветами подмости, на которых самодеятельные артисты танцуют, поют куплеты, разыгрывают сценки, соревнуясь за «приз Тинджана».

ВСТУПАЯ В НОВЫЙ ГОД

Четыре дня веселится Рангун. Но вот наступает первый день Нового года, и стихают водные баталии. Люди, надев лучшие одежды, направляются в храмы. В Шведагоне в этот день совершается торжественный ритуал — обливание водой статуй Будды. Поунджи в это время получают более щедрые дары, чем обычно. Каждый старается сделать доброе дело, совершить благочестивый поступок, чтобы обрести право на лучшую судьбу в будущем рождении.

Есть в Бирме такой обычай: в первый день Нового года даровать жизнь обреченному на гибель животному. Открываются птичьи клетки, на рынках выкупают у продавцов гусей и кур, чтобы выпустить их, снимают ярмо с натруженной шеи строго буйвола. Всем даруется свобода.

Первый день года клонился к вечеру. Я была в гостях у Мэгги, в ее комнате, полной шкатулок, безделушек и цветных открыток, когда раздались на улице резкие звуки бирманских флейт и трещоток. Мы выглянули в окно: по шоссе двигалась необычная процессия. Ее открывала группа девушек с кувшинами на головах. Они грациозно ступали друг за другом, придерживая ношу одной рукой. За ними шли музыканты и нарядно одетые люди.

— Что происходит? — спросила я Мэгги.

— Новый год наступил, ты же знаешь. Люди закупили рыб и несут их к реке, чтобы выпустить на волю. А привилегия выпускать рыб принадлежит исключительно молодым девушкам.

Ах, да, вспомнила. Я не раз видела в газетах снимки ритуала «новогоднего дарования свободы рыбам». Но однажды рядом с этими идиллическими фотографиями была напечатана другая: мужчина сосредоточенно ловил только что выпущенных на свободу рыб. Он не терял времени даром. Помнится, меня развеселила такая находчивость.

Но как же его карма? Ведь это грех — в новогодний день, когда все с удвоенной энергией вершат добрые дела, идти против традиционной морали. Однако под снимком «браконьера» не было никаких комментариев. Почему? Слова излишни.

Низкий поступок — его личное дело, дело его совести. Он сам отдаляет себя от заветной цели, нирваны. И вполне возможно, что незадачливый рыбак в будущей жизни родится одной из этих несчастных рыб, которых он выловил.

В начале нового года молодые люди приходят к родителям, учителям, чтобы выразить свою благодарность и почтение. Они приносят подарки, старым и немощным людям по традиции моют волосы водой, настоянной на цветах. Но и о себе забывать не стоит. Есть примета: вымоешь голову в первый новогодний день — тебе повезет в наступившем году.

Раньше мытье головы было сложным ритуалом. Надо было выбрать наиболее благоприятный день в зависимости от даты рождения и времени пребывания Тиджамина на Земле. Но современность упростила и эту процедуру получения патента на счастье. Сейчас для мытья головы все бирманцы выбирают первый день года.

Этот обряд тоже восходит, вероятно, к традициям Пагана, а позднее — Мандалая. Воду для мытья головы короля привозили тогда издалека, с островка посреди реки Салуин, считавшегося священным. И только после англо-бирманской войны, когда островок вместе с прилегающими к нему землями отошел к колонизаторам, король был вынужден довольствоваться обычной водой из Иравади.

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО БО

«Деревом прозрения» считают в Бирме фикус (баньян). Именно в его тени некогда Будда достиг просветления. Поэтому баньян люди называли «бодхи», или «махабодхн», то есть великое прозрение. Бирманцы говорят ласково и коротко: «Священное дерево Бо».

Ему посвящается большой праздник в майское полнолуние.

В этот день, согласно легенде, родился принц Сиддхартха Гаутама. Ровно через тридцать пять лет он достиг просветления под баньяновым деревом и стал Буддой, что буквально означает «Просветленный истиной». А еще через сорок пять лет, в такой же майский день полнолуния, он оставил этот мир, достигнув вечного блаженного покоя — нирваны.

Май — это канун муссонов, когда трава и деревья сохнут и жаждут влаги.

Люди направляются в первую очередь к священным деревьям, чтобы напоить водой пересохшие корни.

На платформе Шведагон растут два баньяпа. Один вырос из саженца, подаренного президентом Индии Раджендрой Прасадом 4 января 1948 года, в День провозглашения независимости Бирмы. Другой, гигантский баньян вырос, по преданию, из семени того самого священного дерева «махабодхи», в тени которого Будда постиг великую истину. К нему первому идет торжественная процессия в праздник полива дерева Бо.

В Шведагоне в этот день особенно оживленно. По лестницам поднимаются вереницы людей. Девушки в тщательно отглаженных белых эйнджи предлагают желающим стаканчики воды со льдом. Очень жарко, и помочь кому-то утолить жажду — значит совершить благочестивый поступок.

Вот одна из «фей» подносит мужчине воду и, улыбаясь, терпеливо ждет, пока он выпьет. Потом тем же стаканом она зачерпывает воду из глиняной чаши и подает следующему.

Недопитую воду выливают прямо на лестницу, и та стекает по ступеням.

А наверху, на платформе пагоды, церемония полива дерева Бо уже началась. Верующие покупают в палатках обычную воду по необычной цене — двадцать пять кьят за чашку — и с благоговением поливают дерево. С утра здесь уже прошли сотни посетителей.

Узловатые, скрученные корни гигантского дерева, похожие на старческие, подагрические пальцы, сегодня не испытывали жажды. Стекающая с них вода образовала целое озерцо на мраморной платформе пагоды.

Сколько понадобилось вылить двадцатипятикьятых чашек, чтобы возник этот поток! Сколько совершить добрых поступков!

ВЕЛИКИЙ ПОСТ - ВА

День июльского полнолуния — это начало буддийского поста. Три дождливых месяца длится он: с полнолуния вазоу до полнолуния тадинджу. Говорят, в это время Будда переставал странствовать и проповедовать и удалялся в монастырь размышлять.

В дни поста жизнь, кажется, замирает: не играют свадеб, не дают представлен ли. Пост предписывает монахам не переходить из одного монастыря в другой, молодым людям не вступать в браки: и дети будут болеть, и достатка в доме не жди.

Муссон стучится в дверь еще в середине мая. Синевя неба все чаще заволакивается облаками, зарницы бьют, как блицы фотокамер, и неискушенный человек облегченно вздыхает: наконец-то хлынет дождь и духота отпустит. Но он ошибается. Дождя не будет. Только в июне придет муссон в грохоте грома. К этим звукам прибавится мощный лягушачий хор.

В северных широтах гроза освежает воздух. Здесь же небо на несколько минут соединяется с землей мощными отвесными струями воды. Ливень кончается так же внезапно, как и начинается. Но желанная прохлада не наступает. Лишь влажнее ста-

новится воздух. Небо, налитое влагой, кажется, давит на плечи. Но все рады: ведь вода — источник жизни.

Дожди в Бирме оглушительны. Если ливень застал путника за рулем автомобиля, то лучше остановиться, притулиться к обочине и переждать, пока схлынет водная завеса и просветлеет.

После дождя солнце снова принимается яростно палить землю. От нее поднимается пар, как в бане от нагретого пола. И снова духота.

Короткие, «летучие» июньские дожди — предвестники обильных затяжных муссонов. В июле дожди уже хлещут беспрестанно. Влажность воздуха — девяносто восемь или сто процентов — не все ли равно?

Сырость проникает всюду. По стенам ползут пятна плесени, от которой не спасают и кондиционеры. И хотя жара сухого сезона спадает и становится прохладнее, дожди облегчения не приносят. Скорее наоборот. Они угнетающе действуют на психику, настроение подчас такое же пасмурное, как и небо над головой. А с неба все льют потоки воды, день за днем, безостановочно, без конца. Чувствуешь себя осой, безнадежно приклеившейся к липкому муссону.

С приходом дождей начинается самая горячая пора у земледельцев — сев. Давно известно: что посеешь, то и пожнешь. К концу поста, в октябре, рис уже должен созреть, иначе прощай, урожай. Поэтому крестьянские дни в дождливый сезон заполнены тяжким трудом. А свободное время после сбора урожая отмечено печатью буддийского поста — временем размышлений и воздержанности. И монахи и миряне придерживаются в это время десяти заповедей Будды. Едят лишь утром, до полудня, посвящая досуг размышлениям.

В день июльского полнолуния в разные годы произошли три важных в истории буддизма события.

Зачала королева Майя, чтобы произвести на свет принца Сиддхартху, ставшего Буддой. Кстати, имя Сиддхартха означает в переводе с санскрита «выполняющий свое предназначение».

Спустя годы в этот же день принц оставил отцовский дворец, чтобы начать поиски смысла жизни и пути к спасению.

В тот же день, через несколько лет, он произнес свою первую проповедь первым пяти ученикам, бывшим товарищам по аскетической жизни.

В полнолуние месяца вазоу, еще затемно, на подворье Золотой погоды собираются верующие. Некоторые проводят там всю ночь в ожидании праздника, чтобы с первыми лучами солнца сложить дары к статуям Великого учителя.

Это время самосовершенствования, пострижения в монахи.

Праздник полнолуния второго месяца вазоу носит другой, совсем не религиозный характер. Он полон веселья и спортивного задора. К тому времени муссон ослабевает, но русла рек еще полноводны. Это подходящая пора для соревнований на лодках. На старт выходят длинные суда с тридцатью—сорока гребцами.

В октябре пост кончается, приходит конец и сезону дождей.

ГИРЛЯНДЫ ОГНЕЙ В НОЧИ

Дожди кончились, поля засеяны, напоены, теперь надо ждать жатвы. Рис — стрелка барометра благосостояния каждой бирманской семьи и страны в целом.

С окончанием дождей начинается прохладный сезон — «бирманская весна». В Европе весна приходит постепенно, ровно, шаг за шагом. Здесь это взрыв, вспыхнувшее пламя. Живительные струи дождей вдоволь напоили землю, и стоит только показаться солнцу, как в природе все моментально расцветает, растет нетерпеливо и бурно.

Во время такого буйного цветения, в день октябрьского полнолуния, по всей Бирме зажигаются миллионы огней и — да здравствует веселье! Настает праздник огней —

Тадинджут. Время ярмарок, фокусников, заклинателей змей, веселых скоморохов. Праздник длится три дня. И точно так же, как в Новый год, молодые люди проявляют почтение к старшим, получают их благословение.

XX век изменил внешнее обличье традиционных торжеств. Вечером контуры пагод, домов, кораблей в порту загораются сотнями разноцветных электрических гирлянд. Иллюминированные кроны деревьев похожи на вспышку фейерверка, взлетевшего в темное небо и застывшего там.

Бирманцы очень любят огни в ночи. По рекам плывут маленькие лодочки с огоньками. У дверей хижин, на верандах и балконах светят фонарики, лампадки, мерцают свечи, горят фитильки в банках с кокосовым маслом, отбрасывая красноватый, колеблющийся свет.

На душе празднично и светло. Нужно вознаградить себя за долгий, трехмесячный пост. На улицах снова вырастают подмости, на которых разыгрываются написанные на скорую руку злободневные сценки из жизни.

Октябрь — не только праздник огней, но и месяц свадеб. Его прихода ждут с нетерпением все влюбленные. Кончается трехмесячное табу на свадьбы, и теперь самое время начинать совместную жизнь.

НОЯБРЬСКИЙ ДОЖДЬ ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Так утверждает старинная бирманская поговорка. Дожди в это время очень редки, но они необходимы, поскольку рис созревает.

День ноябрьского полнолуния — лучший день в году. Ноябрь вообще самый прекрасный месяц в Бирме. Зелень еще свежа, солнце не жгучее, ночи полны прохлады. Оглушительно звенят цикады в траве. Звездное небо залито лунным сиянием. Чего еще желать для празднеств?

И снова повсюду вспыхивают огни: свечи, фонари, лучины, грозди электрических ламп. На радость людям, а не во славу божества.

День ноябрьского полнолуния — последний день в году, когда монахи могут принимать в дар оранжевые тоги. По преданию, в эту ночь королева Майя ткала тогу для своего сына, уходившего искать истину. Торопилась, чтобы успеть закончить работу к четырем часам утра.

Точно так же торопятся, спешат девушки, ткущие материал для монашеских одеяний на подворьях пагод и сегодня.

В канун полнолуния сюда приносят ручные ткацкие станки. И начинается соревнование. Ту, которая первой закончит работу, ждет награда. Титул победительницы останется за ней на весь год.

В эту ноябрьскую ночь ткут ткани во многих пагодах Бирмы, однако во дворе Шведагона этот обряд наиболее торжествен. Утренние рангунские газеты помещают фотографию счастливой победительницы.

Монастыри получают в дар постельное белье, мыло, циновки, зонтики, полотенца, веники, банки сгущенного молока, рис, фрукты, монашеские тоги, тапеиты и полочки для книг — все, что нужно для непритязательного монастырского быта.

Кстати сказать, не каждый день можно делать подношения монастырям. Только в день «упои». Их четыре в месяце: день новолуния, неделю спустя, день полнолуния и снова спустя неделю.

До рассвета бодрствует народ. В парках, на ипподроме Чай-касан всю ночь шумят базары, дают представления актеры-энтузиасты. Гремит музыка, кружится карусель. Веселятся люди.

ПАГОДЫ ИЗ ПЕСКА

Годы уплывают, как мутные воды Иравади. Но старинные традиции остаются. Декабрьское полнолуние посвящается патам и богу Вишну, заимствованному у индуизма. А следующее, январское, раньше отмечалось празднествами при королевских дворах. Проводился пышный парад-смотр боевых слонов.

Первый урожай риса в Бирме снимают в феврале. А потому февральское полнолуние — праздник сбора урожая. Рис отваривают с арахисом, сдабривают кунжутным маслом. Получается любимая бирманцами еда — тхамане. Она не только вкусна, но и целебна. «Больным с повышенной температурой,— утверждает народная молва,— помогает тхамане».

Март — последний месяц по бирманскому календарю. В это время проходят особые празднества: бирманцы строят символические пагоды из песка и ставят их по берегам рек, на холмах, близ ворот монастырей.

Ничто не вечно на земле. Время безжалостно разрушает любую постройку, даже из камня и мрамора. А чтобы выразить почтение Великому учителю, вполне достаточно возвести пагоду... из песка. Хотя такая пагода и не принесет строителю заветного звания «пейадага», но зачтется в реестр добрых дел.

Апрель в Бирме — пик жары. Душно. Влажно. Сорок два градуса в тени днем. К утру чуть прохладнее, но с восходом солнца снова разгорается неистовый тропический день.

Бирманский год завершается. Скоро грянут водные празднества, придет Новый год. Будет Тинджан.

ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО КАК ЗЕНИЦУ ОКА

Каждый год 12 февраля Бирма отмечает свой национальный праздник — День единства Бирманского Союза. Этот праздник должен демонстрировать сплочение всех народов страны под единым знаменем.

По центральной улице Рангуна — Пром-роуд проходит яркая, красочная демонстрация. Зрители, недостатка в которых никогда не бывает, с утра пораньше занимают удобные места. И действительно, есть на что посмотреть. Все народы, населяющие страну, шлют в этот день своих посланцев в столицу.

По красным домотканым одеждам легко узнать каренов, по косичкам у мужчин — монон, по черным широким брюкам — шанов. Идут скуластые, похожие на монголов качины и качинки в пелеринах, украшенных серебряными кругами.

В колонне чинов мелькают чистые девичьи лица, а ведь совсем еще недавно в чинских деревнях уродовали лица женщин синими полосами татуировки.

Рядом с чинами шагают охотники из племени нага. Вид у них экзотический: в набедренных повязках, в шлемах с рогами, за плечами копья. Но это всего лишь дань традиции. В руках у нага белые веера, на которых начертаны лозунги. Они скандируют их вместе со всеми демонстрантами. Правда, не забыто еще время, когда нага слыли охотниками за черепами. Считалось, что, убив врага и завладев его черепом, можно заставить его дух служить себе. Но этот жестокий обычай уже отжил свой век.

Конечно, есть еще силы, которые пытаются помешать консолидации народов Бирмы. Всякого рода сепаратисты и мятежники, которых еще немало в Бирме, «отмечают» этот праздник по-своему — раздаются взрывы на улицах городов, в кинотеатрах, поездах, автобусах. Бандиты атакуют мирные деревни, сжигают дома, убивают жителей. Деньги на приобретение оружия они получают от контрабандной торговли опиумом через печально известный «Золотой треугольник».

Много сил и средств у государства отнимает борьба с сепаратистами — Каренской национально-освободительной армией, Качинской армией независимости, Шанской объединенной армией.

Народ поддерживает регулярные войска в их нелегкой борьбе с мятежниками, которые уже полностью лишились своих позиций в центральных частях страны, в дельте Иравади, но пока продолжают вылазки в горных, приграничных районах.

И все же большинство национальных меньшинств проголосовали за новую конституцию, постепенно порывают с феодальными устоями.

Бирманский Союз — не случайное смешение народов. Общая история народов Бирмы насчитывает тысячелетия. И хотя в прежние времена не раз вспыхивали междоусобицы, тенденция к единству уверенно прокладывала себе дорогу.

VII РАНГУН ЕЩЕ НЕ ВСЯ БИРМА

ЭТА МНОГОЯЗЫЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Почти каждый столичный город, являясь сердцем страны, все же не дает о ней представления в целом. И Бирма не исключение.

Свыше тридцати миллионов человек, шестьдесят семь народов живут на ее земле. И у каждого свой язык, традиции, верования, своя одежда, кухня, свой особый уклад жизни.

Издавна самой обжитой, густонаселенной была долина Иравади, район Рангуна, на юге страны, хотя центр бирманской культуры исторически сложился на севере, в районе Мандалая.

История бирманских народов — это история их продвижения с севера на юг, к дельте Иравади. Они приходили со стороны Гималаев, Тибета, занимали долины и осваивали их, а затем под натиском новых волн миграций смещались к югу. Чем южнее живет народ, тем раньше он пришел в страну. На самом юге обитают моны — самое древнее население Бирмы. Центральные долины заняты бирманцами. Шаны и качины, расселившиеся на северо-западе, пришли в страну позднее.

Много веков два народа — моны и бирманцы — боролись за лидерство в стране. Извечный спор «кто — кого?» был решен в XVIII веке, когда бирманский король Алаунпая завоевал монскую столицу Пегу. Тысячи монов бежали в соседний Таиланд, многие ассимилировались бирманцами.

Собственно Бирма занимает три пятых страны, на остальной территории живут национальные меньшинства.

Этнический состав населения очень пестрый. Самый многочисленный народ — бирманцы, их больше двадцати миллионов. За ними следуют карены и шаны — их примерно по два миллиона. При этом в самой Каренской национальной области живет не более миллиона, остальные рассеяны по всей стране.

Шаны владели Бирмой до XVI века, когда возродилась бирманская династия. Затем шанские владения распались на мелкие княжества, возглавляемые наследными принцами — собуа — и вождями племен. Шанские правители, привыкшие иметь неограниченную власть, нередко играли консервативную роль, препятствуя объединению народов Бирмы в единую семью.

Из других наиболее многочисленных народов можно назвать монов, араканцев, чинов, качинов. В труднодоступных горных областях расселились более мелкие народы — кая, падауны, ва, нага и десятки других. На северо-востоке страны, недалеко от районов возделывания опийного мака, обитают мяо, яо, лаху — небольшая горстка «камешков» в многоцветной мозаике населения Бирмы.

БИРМА — СТРАНА КРЕСТЬЯНСКАЯ

В Бирме десятки тысяч деревень и всего четыре крупных города: Рангун — с населением в два миллиона, Мандалай — около миллиона, Моламыян и Бассейн, насчитывающие по двести тысяч жителей. В городах живет меньше двадцати процентов всего населения страны. Интеллигенция сосредоточена в основном в Рангуне и Мандалае.

Различие между городским и деревенским жителем колоссальное, хотя подчас оба относятся к одной народности, связаны общей религией, обычаями и говорят на одном языке. То, что мы имеем в виду, говоря «различие между городом и деревней», здесь означает пропасть. Да и в разных селениях живут по-разному. Одно дело, если деревня расположена недалеко от города, и совершенно другое — когда она затеряна где-то в горах или в джунглях.

Чем заброшеннее деревня, тем непритязательнее там жизнь. Как утверждали западные исследователи страны, бирманскому крестьянину достаточно поработать полчаса в день, чтобы иметь пищу, одежду и крышу над головой. Запросы были скромными, и их легко было удовлетворить. Пальмы давали кокосовые орехи, бананы росли у каждой хижины, рис дарила земля. Чего ж еще?

Если урожай выдавался хорошим, можно было продать излишки и на вырученные деньги купить новое лоунджи или сандалии. Если очень постараться, то оставалось еще на золотой листик для пагоды, на дары монастырям и угощение поунджи. Можно еще построить маленький навес для путников у дороги или выкопать колодец. Для чего же экономить деньги? Добрые дела сделаны, и нужды в деньгах нет.

Функции накопительства взяли на себя в основном иностранцы — англичане, индийцы, китайцы. А бирманский крестьянин продолжал жить скромно, как прежде. Он работал ровно столько, сколько было нужно, чтобы хватило на пропитание семье.

И тут, как чертик из табакерки, «выскакивает» вопрос: что это? Привычка довольствоваться малым или отсутствие соблазнов? Если подумать: для чего копить деньги, когда нечего на них купить?

Однако все меняется в мире. Постепенно стал изменяться и образ жизни бирманской семьи, сначала в больших городах, а затем и в деревнях. Появились вещи, которых раньше не было в обиходе, — столы, стулья, кровати, шкафы. Вошли в быт телефоны, автомобили, кино, радио... А с ними возросла потребность в деньгах. Деньги можно теперь потратить не только на богоугодные дела, но и получить в обмен на них известный комфорт. Появился смысл эти деньги добывать.

Но ведь личное благосостояние тесно связано с благосостоянием общества, с положением дел в его экономике. Многовековая инерция еще дает о себе знать. Сегодня многие религиозные постулаты становятся тормозом в решении социальных и экономических задач.

Важно, чтобы люди поняли, осознали, что надо не ждать туманного прекрасного будущего после смерти, а работать засучив рукава сегодня, каждый день. Нирвану лучше утверждать не на небе, а здесь, на земле.

Но с чего начинать? Открыто критиковать освященную веками религию нельзя: пережитки слишком сильны в сознании людей и было бы катастрофой пренебречь влиянием буддийских общин.

И все же с приходом к власти Революционного совета в 1962 году буддизм несколько сдал свои позиции.

Сангха и правительство страны имеют несовместимые цели. Сами люди должны осознать свою роль в строительстве новой жизни. Вместо давнего религиозного «это личное дело каждого» нормой морали должно стать «это наше общее дело». Чрезмерная снисходительность должна уступить место требовательности и гражданской сознательности. А это не легкий и не скорый процесс.

РАЙ НОСИТ ИМЯ НГАПАЛИ

Быстро пролетели три года нашей жизни в Рангуне.

Мы собрались на недельку к морю, на «бирманское Таити» — в тихий уголок Араканского побережья.

Синее небо и синее море, соленое и теплое. Переливающееся из сини в изумруд. Вспененное, искрящееся, как бирманские сапфиры, у берега и тяжелое, спокойно-величавое вдали.

Прогретый солнцем пустынный пляж с чистейшим песком, закиданный ракушками причудливой формы и кокосовой скорлупой. Шелест и зелень пальм, освежающий ветер с моря. И ничем не нарушаемая тишина. Не рай ли?

Вода такая соленая, что слегка покалывает, как слабые токи. Можно подолгу, не шевелясь, лежать на спине, закинув руки за голову. Нас пугали водяными змеями и ядовитыми медузами, ожог которых смертелен, огромными раковинами, захлопывающими ногу неосторожного купальщика, и, конечно, акулами. Но нам повезло. Ничто не испортило отдыха. Море было добрым и ласковым.

Мы живем в бунгало, в тени пальмы. Рядом кухонька с открытым очагом, терраса, обращенная к морю. На песке лишь следы собственных ног — к морю и обратно.

А где-то вдали, за изгибом берега, рассыпаны коттеджи отеля «Стрэнд», вечером зажигаются цветные огни европейского ресторана.

Пока не был построен аэродром, о путешествии сюда нельзя

было даже мечтать. Добираться пароходом? Но он ползет неделями вдоль побережья...

Маленький аэродром с единственной взлетной полосой; сделал когда-то тихий уголок весьма оживленным курортом. Дважды в неделю здесь приземляется небольшой «фоккор» с туристами на борту. По сравнению с лайнерами международных линий это летающая игрушка, зато с ее борта можно рассмотреть землю во всех деталях.

Рангун прощается с нами последним блеском Золотой пагоды. Проносится мозаика рисовых полей. И вот под крылом хребет Ракхайн — беспорядочно разбросанные холмы, поросшие зеленью, без людей, без домов, без дорог. Одну из них только начали прокладывать. Она должна пересечь хребет, соединив внутренние районы с побережьем.

Приближаемся к цели путешествия. На горизонте смыкаются две линии: бирюзовая и чуть темнее — небо и море. Самолет летит вдоль изрезанной линии берега, затем забирается далеко в сторону моря и, развернувшись, направляется к двум холмам. Это похоже на шутку: единственные холмы на абсолютно плоском побережье, и почему-то мы приземляемся именно между ними. Но вот они благополучно мелькнули за окном. Наш бесстрашный «фоккер», подпрыгивая по узкой бетонке, подруливает к низкому деревянному домику аэровокзала.

Мы на месте. словно и не было тяжелой рангунской духоты. Рядом с нами небольшая рыбацкая деревушка — несколько бамбуковых хижин. «Здесь мой кусок берега», — словно говорит изгородь, отделяющая бунгало от хижин.

Бамбук — традиционный строительный материал. Кирпич шел исключительно на строительство пагод и храмов. Монастыри и дворцы были, как правило, деревянными. Их делали из тика, покрывали искусной резьбой. И только хижины строили из бамбука. Поколение за поколением. Стоят такие хижины на сваях, в метре от земли. Это защищает от змей, насекомых, а также от наводнений в сезон дождей.

Поначалу кажется, что поставить хижину очень просто. Но не спешите с выводами. Сначала советуются с астрологом. Он указывает место, которое окажется счастливым для хозяев, точно называет день и час начала строительства. Я прекрасно знаю, что каменный дом, в котором мы жили в Рангуне, тоже был заложен с соблюдением этих условий. Однако вернемся к хижинам. Их опора — четыре столба, к которым крепятся стены. Столбы различают четырех видов: мужские, женские, нейтральные и «билу».

Считается, что «мужской» столб, ровный по всей длине, защищает дом от неприятностей. «Женский», утолщенный у основания, приносит удачу и уважение

хозяевам дома. «Нейтральный», утолщенный в середине, соответствует своему названию: не обещает ничего хорошего, но и не предвещает бед. А вот от столба «билу» только и жди неприятностей.

Араканское побережье печально известно разрушительными циклонами. Налетающий со стороны Бенгальского залива ураганный ветер сметает все на своем пути. Бамбуковые хижины разлетаются от ветра, как перья. Летят крыши и стены, сплетенные из бамбука, но опорные столбы, как правило, продолжают стоять.

К счастью, циклон обычно захватывает Нгапали лишь крылом, его эпицентр находится севернее. Так, город Акьяб подвергается нападению циклона ежегодно. Человеческие жертвы насчитываются десятками.

Однажды шквальный ветер снес... местную тюрьму. Узники разбежались. Когда вихрь утих, несколько человек возвратились к месту своего заточения, от которого остались развалины, и ожидали своей участи. В награду за честность власти амнистировали их и разрешили вернуться к семьям. Всех остальных полиция выловила и снова отправила за решетку.

Но нам циклоны не грозили: сезон дождей не скоро. А впереди несколько дней в раю, имя которому Нгапали.

В первое же утро к бунгалу подошла старая крестьянка, принесла две роскошные папайи из своего сада. Одной рукой она держала корзинку, другой — огромную сигару-черут. Старушка протянула лакомые плоды и получила свои деньги, но уходить не спешила.

Облокотясь на перила террасы, она затаилась сигарой и начала неторопливый разговор. На бирманском языке. Английского она не понимала, а я не знала бирманского. Поэтому не все ли равно, на каком языке говорить. Прислушиваясь к звукам чешской речи, моя гостя внимательно смотрела на меня, терпеливо ожидая конца фразы, и продолжала рассказывать дальше на своем языке.

И так каждый день: придет, отдаст плоды, поговорит и тихонько уйдет. Мне было интересно познакомиться с жизнью деревенских жителей, и однажды я отправилась навестить свою соседку.

Хозяева приняли меня с естественной простотой, радушно, хотя пришла я не совсем вовремя: моя новая приятельница и два ее сына ужинали на веранде, сидя на циновках вокруг низкого столика.

В середине стола, на блюде, дымилась горка сероватого риса. В мисках всего понемногу: красноватый соус с кусочками мяса, вяленая рыба, зелень.

Честно говоря, дом не показался мне цитаделью. Ветхая, непрочная крыша. Стены в углах пригнаны неплотно. Наверняка, во время дождей пол в хижине заливает. На кухне — горшки для варки риса на пару, глиняный кувшин для воды и плетеные корзины для овощей. Примитивный очаг, сложенный из камней и обмазанный глиной. В центре — три кирпича, между ними горящее полено.

Рядом «спальня». Никакой мебели. Циновки с одеялами и бамбуковая корзина с крышкой. В ней, вероятно, хранилось все достояние семьи: праздничные лоунджи и рубашки.

Я поразились простоте этого быта. Хозяйка, приветливо улыбаясь, взяла меня за руку и повела показывать свои «владения». Сначала в сад, где росло несколько деревьев папайи, густо унизанных тяжелыми продолговатыми желтыми плодами.

Под навесом стояла корова-зебу. Рядом курятник. Старушка наклонилась над ним, и оттуда с громким кудахтаньем вылетели перепуганные наседки. Она взяла пяток розоватых, слегка просвечивающих на свет яиц и положила рядом с папайей в плетеную корзину, стоявшую на срубе колодца.

Я взяла корзину и жестами пригласила хозяйку пойти со мной к машине, чтобы там расплатиться с ней. Она поняла, что речь идет о деньгах.

— Манепьян (завтра),— добродушно сказала она. И столько мудрого спокойствия было на ее смуглом морщинистом лице, что я невольно загляделась. Странное чувство шевельнулось в душе. Может, я пожалела бы ее, если бы не была уверена, что не завидую ей.

Прожив здесь, на побережье, весь свой век, она даже не подозревала, что в мире есть города с грохотом метрополитенов, потоками автомобилей и пульсирующей неоновой рекламой. Не ведала о роскоши вилл с зимними садами, о белых яхтах и скоростных лифтах. Да что там лифты! Даже местный паровичок, ползущий, как гусеница, она умудрилась не увидеть.

Разве не позавидуешь человеку, который ничего не знает о жизни современного «цивилизованного» общества, пробегающей по заколдованному кругу добывания денег и погони за наслаждениями! Не знает о разительных контрастах на планете: о том, как уживаются в мире проповедь любви к ближнему с печами Освенцима, о нескончаемых войнах и конфликтах, о зловещем призраке атомного гриба, нависшем над человечеством XX века. Счастливая, она прожила жизнь, где высокая синь неба чередовалась с низкими тучами во время муссонов. Никуда не спешила, не спешит. Живет себе безмятежно...

Я стою в хижине и сквозь щели в полу вижу зеленую траву. Тянет дымком, в очаге потрескивают поленья — это варится рис в казане.

Да, я определенно завидовала этой пожилой, по-своему мудрой женщине. Но остаться здесь навсегда?.. Нет, не смогла бы. Точно так же, как она не согласилась бы жить там, где жила я.

РИС И РЫБА, РЫБА И РИС

А пока мы живем здесь, у самого синего моря. Справа — на холмах — рисовые поля, слева — на водной глади — паруса рыбацких лодок.

Два главных источника существования: рис и вода. Почти в каждой деревушке вы увидите примитивную рисорушку — бамбуковое сооружение высотой около метра, со съемной остроконечной крышей. В отверстие на крыше сыплют рис. Внутри два деревянных диска с острыми бороздками, сбоку укреплено дышло. Буйвол ходит по кругу, вращая верхнюю часть конструкции, зерна попадают между бороздками и обмолачиваются. Однако очищенный таким домашним способом рис всегда сероватого цвета.

Отвеивают рис просто: раскладывают на землю рогожку, поднимают рис в плоской плетенке, подкидывают повыше, а затем потихоньку высыпают на подстилку, благо морские ветры дуют постоянно и невесомая шелуха легко уносится прочь.

Море кормит, радует красотой и удивляет могуществом. В прилив рифы и скалы почти скрываются под водой. Бирюзовые волны одна за другой с шумом разбиваются об их выступающие вершины, поднимая веселые белоснежные фонтаны. В отлив море отбегает. Темные скалы и камни вновь выступают из-под воды, делая побережье унылым. Обнажившееся дно открывает свои сокровища.

В отлив за дарами моря выходят женщины и дети с корзинами. Из ракушек и обломков кораллов, которые они соберут, потом сделают ожерелья и будут продавать в лавочках возле аэровокзала. Рыбки и рачки станут лакомством для ребят.

Кто хоть однажды видел тропические закаты, тому никогда не забыть эту феерическую игру красок на небе. Важно только не пропустить момент, когда океан начинает «всасывать» в себя огромное красное солнце. Всего несколько минут длится это волшебство.

Стоит багровому диску коснуться воды, как горизонт вспыхивает золотом. Цвет сгущается, становится оранжевым. И вот уже небо зарделось, потом засветилось фиолетовыми тонами. Когда уже невидимое солнце посылает земле свой последний луч, небо начинает «остывать». А море, еще розовое вдали, темнеет у берегов. Но ненадолго.

Через несколько минут взойдет луна и побежит по волнам лунная дорожка, неся от горизонта к берегу зыбкое серебро.

Уже в шесть утра на горизонте появляются белые паруса. Это рыбаки в ветхих юбочках и соломенных шляпах возвращаются с ночного лова. Лодки пристают недалеко от деревни, у рынка. Быстро пересчитав улов и выбросив ядовитых тварей, попавшихся в сети, рыбаки начинают торг.

Какая редкая возможность выбирать! Целые лодки рыбы! Получив деньги, рыбаки бросают рыбу в корзины покупателей, но никогда не убивают ее. Цены здесь несравнимо ниже, чем в столице.

Мы выбрали одну из рыбин и унесли на обед. Даже самая большая рыба должна быть съедена сразу. Не было ни холодильников, ни электричества. Была лишь жара.

КОРЗИНА НА ГОЛОВЕ

Царство ракушек начиналось в двух метрах от деревянного домика аэровокзала. Лавочки, крытые пальмовыми листьями, жались так тесно друг к другу, что образовали сплошной торговый ряд. Вездесущее солнце проникало в щели и высвечивало перламутровые раковины, кораллы с еще не осыпавшимся песком, длинные вязки ожерелий из ракушек, висевших над прилавками.

Дважды в неделю приземлялся самолет, и дважды в неделю здесь шумел базар. В остальные дни торговли укладывали свой товар в корзины, водружали их на голову, предварительно подложив ловко скрученный платок, и, придерживая груз одной рукой, бродили по песчаному пляжу в поисках покупателя.

Завидя купальщиков, они останавливались, снимали корзины, ставили на песок и садились на корточки, терпеливо ожидая потенциальных покупателей. Наверняка это заезжие туристы: местные жители в море не купаются. Океан не развлечение, а место ежедневной тяжелой и опасной работы их мужей и братьев — рыбаков.

Сегодня женщины устроились на скамейке, в тени толстого, в два обхвата, дерева, около пляжа. Едва я приблизилась к ним, все наперебой стали предлагать свой товар. Губы говорили, но объяснялись мы жестами.

— Пожалуйста, вон ту ракушку,— говорил мой указательный палец.— А нет ли у вас побольше? — вопрошали руки, разведенные в стороны.

— Нет, к сожалению, у нас нет,— качали женщины головами.

Я показываю на свое бунгало, закрываю глаза, имитируя сон, и загибаю семь пальцев. Это означает, что мы пробудем здесь еще неделю.

— Принесете?

Согласно закивали. Значит, поняли. Не спеша уложили свои сокровища в корзину и собрались уходить.

— Может быть, зайдете ко мне на чашку чая?

Женщины растерянно переглянулись, и прошло не менее минуты, прежде чем они утвердительно кивнули.

Чай с лимоном пришелся им по вкусу. Они осмелели, разговорились. Вынули коробочки с бетелем. Предложили и мне, но, поблагодарив, я воздержалась.

— Зачем вы это жуете? Вкусно?

В ответ улыбнулись и стали жестами показывать то на солнце, то на желудок.

«Это освежает, притупляет голод»,— наконец поняла я. Голод?.. В кухне под ситом, единственной защитой от мух, лежали куски жареной рыбы — той, что мы купили утром. Женщины быстро справились с ними.

— А как насчет супа?

Несколько нарушив обычный порядок обеда, я принесла им горшочек рыбного супа, разложила тарелки, ложки. С минуту мои гости колебались, но все же не устояли перед соблазном. От столовых приборов вежливо отказались и по очереди выпили

содержимое из горшочка до дна. Ничего удивительного: они ушли из дома ранним утром, а сейчас уже далеко за полдень.

Через два дня обе женщины вновь пришли. В корзине между связками ожерелий лежала перламутровая раковина-завиток, отливающая нежными голубовато-розовыми тонами.

— Пейзутин барэ! Большое спасибо!

Раковина была великолепной. Теперь они приходили каждый день, прихватив с собой соседского юношу, знавшего несколько английских слов. Та, что моложе, была не замужем.

— Не хочу терять свободу,— крутила она головой, принебрежительно наморщив нос.

На руке старшей блестело обручальное кольцо. У нее двое детей, мальчики. Старший ходит в специальную школу.

— Чтобы не надрываться на работе там,— кивнула она в сторону моря,— или там,— обернулась к полям.— А младший очень болен.— Она вздохнула.

— Никто в деревне не может ему помочь,— с трудом подбирая слова, объяснял переводчик.— Больные ноги.

— Сломанная нога?

— Нет, обе. Здесь и здесь... (показывает на бедра).

Я поняла смысл его жестов лишь в день отлета. Женщина стояла в своей лавочке, а на краю прилавка сидел мальчик лет девяти, с нежными, тонкими чертами лица. Собираясь проводить нас к самолету, мать привычным движением посадила его к себе на бедро, как здесь носят детей. Сам он едва двигался, сильно переваливаясь из стороны в сторону.

Так вот в чем дело! Тазобедренные суставы. Очевидно, с рождения или последствия полиомиелита. Вот почему в деревне никто не мог ему помочь!

Мать очень оберегала больного сына. В каждом ее движении сквозила трогательная забота, в каждом взгляде — любовь.

Дети — радость в бирманской семье. Им отдают все самое лучшее. И пусть это лучшее лишь малая часть того, чем обладают их сверстники в развитых странах, но зато дети здесь не обделены родительской любовью, как зачастую в «цивилизованном» западном мире. Здесь есть время для детей. А любовь и заботу дети потом сторицей возвращают родителям.

Семейные отношения в Бирме отмечены несравнимо большим взаимным уважением и привязанностью, чем в Европе.

ТАМ, ЗА МОРЕМ, ДРУГОЙ МИР

Мы встречались у моря каждый день. Но однажды я сказала им:

— Всё. Это в последний раз. Больше не придем. Возвращаемся домой.

— Куда?

Название «Чехословакия» ни о чем не говорило нашим знакомым в Нгапали. Это там, за горизонтом, где мир совсем иной, непонятный, известный лишь по слухам.

— Там Янгоун...— Взгляд устремлен вдаль, туда, где появился в небе серебристый самолет, вещественное доказательство того, «другого мира».

«Янгоун» — и ни звука больше. На смуглом симпатичном лице на минуту погасла широкая улыбка и отразилось одно желание — как бы это все увидеть!

Янгоун — так бирманцы называют Рангун — это уже часть другого, неведомого мира, отличного от жизни здесь, на побережье.

Здесь мир кончается у горизонта, где море соединяется с небом. Дальше уже иной мир. Изредка он напоминал о себе проплывающими вдали силуэтами океанских лайнеров и гулом самолетов, прилетающих сюда в сухой сезон.

— Завтра я не приду... Самолет. Мы улетим. Туда. И уже не вернемся... Поняли?

— Ну да, конечно. Очень жаль.

Мы помолчали. Я взглянула на море: по волнам прыгали солнечные лучи, дрожали, слепили. Мир купался в солнечном свете, и жизнь, казалось, была простой и радостной, как этот день.

Можно было часами неподвижно сидеть на берегу и созерцать море. Вдыхать это удивительное спокойствие, ощущать его на кончиках пальцев. Почувствовать очарование мгновения, которое хотелось бы остановить!

Стоявшая рядом со мной женщина вздохнула.

— Завтра мы придем проводить! — махнула она в сторону аэродрома. Встала, оправила лоунджи, снова поставила свою корзину на голову и пошла по берегу.

А на следующий день обе мои собеседницы и поставщицы морских даров оставили свои лавки под крышей из пальмовых листьев и пришли к самому трапу. Они ждали до последнего прощального взмаха рукой, несмотря на то что упустили благоприятный момент, так как среди лавочек бродила чета туристов, потенциальных покупателей.

СЕЗАМ, ОТВОРИСЬ!..

Жемчуг, сапфиры, шпинели... Все это есть в Бирме. Бирманские драгоценные камни по праву заслужили мировое признание.

У подножия горы, за синим озером, расположился белый город Могоу. На узких улочках выстроились особняки с лимузинами в гаражах. А земля здесь такая же дорогая, как в аристократических кварталах столицы.

— Могоу? Ах, да, Могоу... город рубинов...— говорят бирманцы, и в оборвавшейся фразе звучит скепсис.

Могоу — город, где деньги тратятся с не обычным для бирманцев легкомыслием, где люди живут в достатке и благополучии. Но все ли?

По склонам горы бредут одинокие фигуры или группы «золотоискателей» с кирками, лопатами и мотыгами. Незаконная добыча драгоценных камней. Контрабандный провоз за границу. Это большой секрет полишинеля.

Могоу — город, окутанный легендами. Здесь добывают рубины, сапфиры, александрит, лунный камень. И делают это часто примитивным способом: копают шахту метров в десять глубиной, опускают человека с корзиной и ножом. Тот долбит землю и заполняет корзину. Затем ее на веревке поднимают, высыпают содержимое и снова спускают в шахту. Землю крошат, просеивают сквозь пальцы в надежде «выловить» заветные камешки.

Добыча камней началась здесь еще в XIII веке. Торговля ими приобрела широкий размах при Миндоне, в XIX веке. Его сын, король Тибо, выдал лицензию на добычу рубинов французам.

После аннексии Бирмы Великобританией к подземным кладовым Бирмы приложили руку англичане. Частная добыча рубинов по лицензиям продолжалась вплоть до марта 1969 года, когда правительство национализировало все рудники.

Вот уже больше двадцати лет в Рангуне ежегодно проводятся импортумы — выставки-продажи бирманского жемчуга и драгоценных камней, на которые съезжаются специалисты и покупатели со всего мира.

Двери импортума открываются не для всех. Право на вход дает официальное приглашение. Глазам посетителей предстают сказочные богатства. На подносах россыпью лежат прозрачно-розовые рубины, сине-блещущие сапфиры, солнечные топазы, холодно-чистые аметисты, нежно-зеленые изумруды и нефриты, называемые здесь джейдами. Камни завораживают своей красотой. На черном бархате сияет жемчуг — серебристый, розовый, черный.

Самые редкие, крупные самоцветы — под стеклом. Они не продаются. Не для продажи и изумрудная статуэтка Будды на столике в центральном зале.

Веками путешествуют по всем континентам бирманские жемчуга и самоцветы.

Лилию на короне чешского короля Вацлава (X век) украшает великолепный рубин «Свет мира». О нем упоминают древние записи о драгоценностях в чешских коронах. Каково его происхождение?

В октябре 1945 года группа специалистов под руководством профессора Яна Кашпара провела тщательный минералогический анализ с помощью рентгеновских лучей, микроскопа и ультрафиолетового облучения и подтвердила подлинность драгоценностей, выявив их состав и происхождение.

Было доказано, что родина рубина в короне короля Вацлава массой примерно в 250 карат (около 50 граммов) — бирманский Могоу. Из этого же региона вывезены сапфиры и шпинели, украшающие корону.

«БЕЛАЯ СМЕРТЬ» ИЗ «ЗОЛОТОГО ТРЕУГОЛЬНИКА»

Наркомания — эпидемия XX века. И белый опийный мак играет в ней не последнюю роль. Прародина мака — Юго-Восточная Азия.

Более половины мирового производства опиума приходится на район, называемый «Золотым треугольником», — область на северо-востоке полуострова Индокитай, где сходятся границы Бирмы, Таиланда и Лаоса.

Еще в далеком прошлом мак выращивали народности яо и мяо в труднодоступных горных районах близ бирмано-китайской границы. С печально известным «Золотым треугольником» конкурирует в торговле «белой смертью» китайская провинция Юньнань.

По приблизительным оценкам, в районе «Золотого треугольника» под опийным маком занято двести тысяч квадратных километров. В непроходимых джунглях выросли, как поганые грибы, тайные лаборатории, вырабатывающие героин и морфий здесь же, на месте.

Уголок земли, затерянный в лесах на северо-восточной границе, доставил Бирме много неприятностей. Было время, когда опийный мак кроме проблемы контрабандной торговли, подрывающей экономику страны, ввергал страну в политические конфликты.

Потерпев поражение в Китае, 93-я гоминьдановская дивизия дислоцировалась в пограничных между Бирмой и Китаем районах. Опийный мак стал для гоминьдановцев поистине золотой жилой, но они не ограничились только его контрабандой. Вмешиваясь во внутривнутриполитические дела страны по обе стороны границы, они совершали с территории Бирмы налеты на земли Китайской Народной Республики.

Это поставило Бирму в трудное положение. Напряженность на границе с Китаем и территориальные споры были частично урегулированы в 1960 году подписанием бирмано-китайского договора.

Правительство Бирмы было вынуждено применить военную силу в борьбе с гоминьдановцами. И хотя регулярные войска вытеснили отщепенцев к границе с Таиландом, проблема контрабандной торговли маком осталась.

В 1974 году власти приняли жесткие меры: были введены смертная казнь для торговцев наркотиками и десятилетнее тюремное заключение для тех, кто их изготавливает.

И все же, несмотря на крутые меры, в районе «Золотого треугольника» продолжается беспощадная война мафии за контроль над торговлей опиумом.

Еще бы! Она приносит баснословные прибыли перекупщикам и контрабандистам. Если крестьянам — производителям мака платят по пять долларов за килограмм, то у перекупщиков в «Золотом треугольнике» тот же килограмм стоит уже триста долларов. В Марселе — десять тысяч, а в Нью-Йорке... пятьдесят тысяч долларов. В десять тысяч раз дороже! Цены на наркотики растут пропорционально риску их транспортировки.

Поначалу тайные дороги караванов «белой смерти» вели к Сиамскому заливу. Потом через Суэцкий канал и Корсику товар переправлялся в Европу и Соединенные Штаты.

Затем караваны сменила «большая опийная дорога» — вертолеты и конвой американской армии, проводящей контрабандные операции с молчаливого согласия Пентагона и ЦРУ.

Сейчас центрами торговли наркотиками являются Бангкок, Сингапур, Куала-Лумпур и Гонконг, причем на Гонконг приходится более двух третей мирового производства героина.

VIII

МЕЖДУ 10 И 28° СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ И 92 И 101° ВОСТОЧНОЙ ДЛГОТЫ

«СУВАННА БХУМИ» — ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Горячая и знойная Бирма занимает всю западную часть Индокитайского полуострова. Ее территория составляет шестьсот семьдесят тысяч квадратных километров. Страна протянулась на тысячу сто километров с востока на запад и на две тысячи — с севера на юг. С трех сторон ее стиснули горы и лишь юг открыт влажному дыханию океана. Плодородные рисовые поля и выжженные солнцем саванны, горы и леса, каучуковые плантации, нефтяные вышки, рубиновые копи — это все Бирма. «Суванна бхуми» — Золотая земля — так назвал Бирму древнегреческий географ Клавдий Птолемей.

На северо-западе Бирма граничит с Бангладеш и Индией, на северо-востоке — с Китайской Народной Республикой, на юго-востоке — с Лаосом и Таиландом. На юго-западе и юге ее земли омывают Бенгальский залив и Андаманское море.

Соседство с двумя великими странами, Индией и Китаем, не могло не повлиять на культуру страны. Однако первооснова ее осталась глубоко национальной, включившей местное наследие бирманцев, моно, шанов и древнего народа пью.

Этнически Бирма теснее связана с Таиландом, Лаосом и Кампучией, нежели с Китаем и Индией.

В старинных учебниках географии Бирму рисовали в виде кисти руки с пальцами, простертыми вниз — к югу, к морю. «Ладонь» — это Гималаи, «пальцы» — цепи гор, бегущие к морю и понижающиеся у побережья. Между «пальцами» пролегли долины рек.

Горные цепи подковой окружили центральную низменную часть страны — на западе Чинские горы, на востоке Шанское нагорье. На границе с Таиландом высятся цепи Тенассерима (Танинтайн), образуя узкую плодородную прибрежную низменность. Между хребтом Ракхайн (Аракан) и Бенгальским заливом пролегла Араканская низменность.

Большая часть территории Бирмы геологически молода и покрыта рыхлыми породами, легко поддающимися эрозии. Особенно когда вырубаются леса, почва остается не защищенной от смыва.

В целом почвы страны разнообразны. На юге много неплодородных латеритных почв. Зато благодатны красноземы Шанского нагорья и илистые земли дельты Иравади.

Большая часть страны расположена в области действия тропического юго-западного муссона. Здесь три сезона: прохладный сухой (ноябрь—февраль), жаркий сухой (март—май) и дождливый (июнь—октябрь).

Разнообразен рельеф Бирмы, неравномерно и количество осадков по районам. Основную массу осадков муссон изливает там, где на его пути встают горы. Поэтому самые сильные дожди и разрушительные циклоны обрушиваются на побережье Танинтайн на западе страны. В год здесь выпадает вдвое больше осадков, чем в районе дельты Иравади. Именно здесь, на юге страны, самый тяжелый в Бирме климат. Почти

стоцентная влажность воздуха во время дождей сменяется влажной жарой в сухой сезон, а сочетание жары и влажности сильно изнуряет.

Самым знойным городом считают Мандалай. В сухой жаркий сезон температура в тени здесь достигает сорока восьми градусов. Но жара тут переносится легче, чем во влажных областях.

Летний муссон врывается бурно, его называют «взрыв муссона». С моря дует ветер ураганной силы, принося дожди. Затем постепенно муссон утихомиривается, наступает спокойная и прохладная погода. Дожди ослабевают, все чаще в сентябре проглядывает голубое небо и солнце. А к декабрю на большей части Бирмы наступает сухая и ясная погода. В феврале температура поднимается выше, начинается жара и пыльные бури в долинах.

Самый прохладный месяц — январь. На Шанском нагорье температура падает ниже нуля и может выпасть снег.

Муссону подчиняются и реки Бирмы. Зимой они мелеют, пересыхают, летом разливаются.

Самая полноводная река — Иравади. Ее воды несут вниз, к морю, огромное количество ила и земли. Река неуклонно отвоевывает у суши все новые площади. Крупный приток Иравади — золотоносный Чиндуин.

За Промом могучая Иравади дробится на ряд протоков, рукавов, образуя обширную дельту. Этот район — рисовая житница страны.

Иравади истари связывала Верхнюю и Нижнюю Бирму, как принято называть северную и южную части страны с символической границей близ города Таунгу. Десятки столиц возникали и рушились на берегах Иравади: Наган, Таунгу, Пинья, Ава, Сикайн, Амарапура, Пром, Мандалай...

Есть и другие значительные реки — Ситаун и Салуин. Но они не могут соперничать с прославленной Иравади. Ситаун течет параллельно Иравади, беря начало в горах Пегу. Длина реки — пятьсот шестьдесят километров. Но из-за вырубки лесов она обмелела и в сухой сезон совершенно непригодна для судоходства.

Салуин — самая длинная река, около трех тысяч километров. Но она протекает по малонаселенному Шанскому нагорью и особой роли в жизни страны не играет.

Реки Араканской низменности короткие и бурные. Они не судоходны, зато перспективны как источники гидроэнергии.

Озер в Бирме мало. Самое большое — Индоджи лежит на севере. Самое интересное — Инле расположилось в центре Шанского нагорья. Оно стоит того, чтобы сказать о нем несколько слов.

На редкость красивое горное озеро Инле лежит несколько южнее города Таунджи — столицы Шанской национальной области.

Вода в нем удивительно чистая, прозрачная, голубая. Глубина везде одинакова — около четырех метров. Кое-где озеро поросло тростником, в зарослях которого гнездятся стаи диких уток.

Три столетия живет на этом озере народность инта — озерные жители. Многие из них никогда не ступали на «Большую землю», весь свой век проведя в деревне на воде. Здесь живут рыбаки, ремесленники, огородники, ткачи. Как цапли, стоят над водой на тонких ногах-сваях хижины. Между ними перекинута горбатые мостики. К порогу каждого дома привязана лодка. «Дети на озере Инле сначала учатся грести, а уж потом ходить» — так говорят бирманцы, и это недалеко от истины. Здесь всё на воде: школы, базары, мастерские, пагоды, бани, ткацкая фабрика и даже кладбище.

Вот выстроились ровными рядами плавучие огороды. Сооружаются они так: в дно вбивается бамбуковый шест, а вокруг него в землю, насыпанную на сетку, сплетенную из лиан, высаживают зелень, овощи, цветы.

Еще примечательно Инле тем, что это единственное место в мире, где гребут ногой. Рыбак стоит на самом краю плоскодонки. Лево́й ногой он упирается в нос лодки, а

правой захватывает весло и загребает им. Со стороны это выглядит цирковым номером. Но рыбаку удобно: руки у него свободны, ими можно ставить сети, глушить и выбирать рыбу.

Муссонный климат определяет и тип флоры и фауны страны.

Чем выше северу, тем засушливее климат, тем скуднее растительность. Сухо. Жарко. Вода — проблема, особенно когда пересыхают реки. Длинные очереди людей с кувшинами собираются у рек, где еще можно зачерпнуть немного воды. На высохшем дне речушек, поросшем травой, пасется скот.

В центральной Бирме, где меньше дождей, простирается саванна. Леса здесь давно вырублены, что усугубило засушливость климата. Уцелели лишь кустарники, акация и бамбук. Зато здесь каждый клочок земли заботливо возделан, распахан под рисовые поля. Почти не осталось лесов в дельте Иравади. Только на Шанском нагорье и в Чинских горах сохранилась первозданная растительность.

Южнее хребта Негу местами распространены листопадные леса. Склоны Ракхайна — царство влажных тропических лесов.

На севере в горах растут субтропические леса, а еще выше — леса умеренного пояса. Встречается даже сосна.

Растительный мир страны очень древний и богатый. Ботаники насчитывают здесь одних орхидей... семьсот видов. В Бирме растут семьдесят видов пальм и столько же видов бамбука, четыреста видов папоротника.

Легкий и прочный, доступный и дешевый бамбук служит универсальным материалом. Из него строят жилища, делают водопроводные трубы на полях, плетут корзины, циновки. Молодая листва бамбука ценится в народной медицине, а его зеленые побеги идут в пищу...

В Бирме сохранились древнейшие виды животных — шерстокрылы, малайские тапиры, индо-малайские ежи. Водятся слоны и носороги, более четырехсот видов пресмыкающихся и земноводных, около тысячи видов птиц. В листопадных лесах живут антилопы, дикие буйволы. В горах встречаются тигры и гималайские медведи.

Однако хозяйственная деятельность человека ставит под угрозу существование многих видов диких животных. Сократилось стадо слонов. Реже стали встречаться тигры и носороги. Уже организовано несколько заказников, где законом охраняются редкие животные. Особое внимание уделяется поддержанию численности стада слонов, так как дикими слонами пополняются стада рабочих слонов, незаменимых при лесоразработках.

Бирма — богатая ресурсами страна. Она обеспечена энергетическим сырьем. На Центральной низменности открыты значительные запасы нефти, газа и угля. Экономика ее может стать совершенно независимой от импорта топлива.

Добыча рубинов, сапфиров, турмалинов, нефритов ведется уже несколько веков. Бирманские нефриты (джейды) — великолепные зеленые камни — знамениты на весь мир. Лучшие из них не уступают по красоте изумрудам. За двадцать лет на ежегодных выставках-продажах драгоценных камней — импориумах — было заключено сделок на девяносто миллионов долларов.

УВИДЕТЬ ХОТЯ БЫ ЧАСТЬ СТРАНЫ!

Это было не просто сделать раньше, трудно и сейчас. Да, мятежники. Длительная гражданская война. Есть города, куда лучше добираться самолетом, так как в самих городах тихо, но на дорогах и подъездах к ним небезопасно. Иностранцам, для их же безопасности, запрещается покидать столицу без специального разрешения Министерства иностранных дел.

На шоссе, ведущих из Рангуна, стоят сторожевые посты. Здесь записывают номера всех выезжающих и въезжающих автомобилей. О каждом нашем выезде за пределы Рангуна направлялась информация в города, куда мы держали путь. Выезды на несколько

часов допускались без особого разрешения. А вот с дальними поездками было сложнее. Чтобы получить разрешение на выезд, надо было точно указать трассу, график следования и дать достаточно веское обоснование причины поездки, а потом неделями ждать решения бирманского МИДа.

Сообщения о вылазках мятежников ежедневно появлялись на страницах газет, и мы привыкли к ним. Казалось, что это не имеет к нам никакого отношения, происходит где-то в другой стране. Столица жила в тишине и в повседневных заботах, ничто не нарушало однообразного течения дней.

Мандалай отделяют от Рангуна шестьсот девяносто два километра. Опытные путешественники знают: в тропиках хорошо пускаться в путь в начале прохладного сезона, осенью, в сентябре—октябре, когда солнце еще скрыто за облаками, а дожди на исходе. В это время по утрам дышится легко.

Но сложилось так, что мы выехали в апреле, в самый пик жары. Урожай давно убран, рисовые рыжие чеки опустели. Трава побурела, высохла.

Шоссе Рангун — Мандалай — одна из двух главных транспортных артерий страны. Как и железная дорога, она идет вдоль Иравади. Но севернее Рангуна железнодорожная колея и шоссе в нескольких местах пересекаются. Не раз наш «голден» встречался с бронированной дрезиной, катившей впереди поезда, и мы терпеливо ждали у шлагбаума, пока она проедет. Потом узнали: было немало случаев, когда мятежники минировали рельсы. Поэтому путь сначала проверяла дрезина, а за ней уже следовал поезд. Встреча с дрезиной была первым зримым напоминанием о том, что жизнь в стране не так спокойна, какой она казалась на улицах Рангуна.

Рисовые поля остались позади, лишь хижины мелькали вдоль дороги. Время от времени мы видели ровные ряды опрятных деревянных домиков на высоких сваях за проволочными заборами. Все они были похожи как две капли воды: лестницы к верандам, дорожки, посыпанные песком, аккуратные дворы, заботливо возделанные приусадебные участки. Это так называемые «стратегические деревни». В городе стояла воинская часть, и в этих благоустроенных домиках жили семьи военнослужащих.

К долине Иравади сбегает множество речушек. Они судоходны только в сезон дождей, а потом мелеют, высыхают до самого дна. Нелепо выглядят мосты над сухими песчаными руслами.

Мы подъехали к очередному такому мосту и остановились в нерешительности. На мосту толпились люди.

— Тюнтин, это что? Ремонт?

— Да, мятежники «поработали», — хмуро ответил он.

Газетные сообщения, казавшиеся такими нереальными в Рангуне, сразу обрели реальный смысл.

Наш «голден» начал осторожно съезжать по крутому склону к обмелевшему руслу. Две колеи проложены в пыли: одна вниз, другая вверх.

Путешествовать в апреле трудно. Выехали в четыре утра, а около одиннадцати были уже совершенно измотаны жарой. В автомобиле, как в духовке, нечем дышать, крыша раскалилась. Хотелось пить... Но сколько ни пей, жажда не проходит.

Пейзаж постепенно менялся. Стали протяженнее заросли невысоких арековых пальм и бамбука, появились холмы, поросшие кустарником. Рисовые поля взобрались на склоны гор, а вскоре совсем исчезли. Потянулись плантации перца чиле — зеленые кустики, высаженные зигзагами.

Вдали засинел хребет Пегу. Теперь горы будут сопровождать нас до самого Мандалая. Скучная зелень — колючие кустарники и кактусы в человеческий рост, вначале редкие, одиночные, потом непроходимые чащи.

У одного такого «частокола» мы остановились. Издалека заросли казались непроходимыми. На самом деле между кустами можно было пройти, если бы... не риск повстречаться со змеей. У нас нет с собой сыворотки. От укусов змей и ядовитых пауко-

образных в Бирме ежегодно погибают тысячи людей. Кобры, водяные змеи, скорпионы, фаланги. С ними нередки встречи даже в столице — в саду, на озере. Что же говорить об этих местах!

Когда созревает рис, на поля отовсюду сползаются змеи за обильной поживой — мышами, сусликами, лягушками. Случается, что жертвами их укусов становятся и крестьяне. Однако змеи не только беда, но и благо: они помогают уберечь урожай от грызунов. Великий закон равновесия в природе!

Наш шофер нервно расхаживал возле автомобиля. Змеи явно его не волновали. Он был озабочен другим — свободен ли от мятежников следующий отрезок пути, по которому нам предстояло ехать. Чем дальше мы отъезжали от Рангуна, тем чаще Тюн-тин останавливался в деревнях и городках, чтобы получить информацию у местных жителей.

Это было очень кстати. Можно было выйти из машины, размять ноги, заглянуть в придорожные лавочки.

Засушливые районы заселены не очень плотно. На этих скудных землях может расти лишь арахис да перец чиле. Земля на десятки километров безлюдна, перечеркнута лишь серой лентой дороги.

Попадались и небезопасные участки. Тогда наш Тюнтин нервно ерзал на сиденье, подтягивал лоунджи, низко склонялся над баранкой и, устремив взгляд перед собой, развивал такую бешеную скорость, словно он сидел не за рулем выдавшего виды «голдена», а за штурвалом самолета. Стрелка спидометра подскакивала до отметки сто миль. Колеса свистели, едва касаясь покрытия.

Дорога узкая, неровная — то вверх, то вниз. И кто дал бы гарантию, что из-за пригорка впереди не вынырнет автомобиль, мчащийся навстречу на такой же скорости? Останется ли время, чтобы разминуться? Лишь когда Тюнтин выпрямился, сбавил скорость и привычно улыбнулся, мы с облегчением вздохнули.

Уже давно прошло время обеда, когда мы остановились передохнуть у небольшой деревни. Изнуренные пеклом, мы и не помышляли о еде, лишь бы сделать глоток воды, чуточку пройтись. У дороги стояли два военных «джипа» с солдатами. Ожидали нас. Короткая передышка — и снова в путь.

Солдаты с автоматами, перебросившись несколькими словами с нашим водителем и доброжелательно нас оглядев, расселись по машинам. Один «джип» поехал впереди, второй пристроился за нами.

Жители деревни с любопытством наблюдали за происходящим. «Ничего, немного беспокойства. Зато все будет в порядке!» — казалось, говорили их приветливые лица.

— Если где-то и есть опасность встречи с мятежниками, то воинский конвой превратит эту возможность в действительность, — саркастически говорили нам знакомые перед отъездом.

Мне вспомнились эти слова, когда последняя хижина мирного селения исчезла из виду. Солдаты сопровождали нас километров пятьдесят, пока мы не подъехали к Мандалаю. Слава богу, пронесло!

Пейзаж в районе Мандалая более привлекателен, чем в равнинной дельте. Особенно живописны холмы. Все они, как один, увенчаны белыми пагодами с блестящими, золочеными тхи.

Трудно даже представить, как люди преодолевали эти выжженные солнцем коричневые склоны с тяжелой ношей — кирпичами и камнями, чтобы поставить очередную пагоду на вершине холма!

Очень типичная картина: храмы во славу божества наверху и утлые бамбуковые хижины для тех, кто их строил, внизу, в долине. Так продолжалось веками.

«ЭТО КАК РАЗ ТО МЕСТО!» — ПРОВОЗГЛАСИЛ КОРОЛЬ

Бирманские короли часто меняли столицы. Считалось, что у каждого города есть своя мера счастья и рано или поздно наступает время, когда судьба перестает благоволить к нему. Такой город лучше покинуть, построив новый — счастливый.

К тому же каждый новый правитель был уверен, что город хранит в памяти мысли и поступки его предшественника, которые отнюдь не всегда служили образцом для подражания. Вот почему он предпочитал оставить старую столицу и поселиться в другой. В свою очередь его преемник поступал точно так же.

И все же главное было не в этом. В то время города быстро перенаселялись. Скученность, теснота нередко приводили к пожарам. Не хватало воды, отсутствовала канализация, город начинал задыхаться в отбросах, вспыхивали эпидемии. И люди переселялись на новое место. История оставила нам имена многочисленных бирманских столиц. На севере — Паган, Два, Сикаин. На юге — Швебо (Город Золотого Вождя), Таунгу, Пегу, Пром...

В XIV веке столицей стала Ава, на удивление остававшаяся цветущей и известной королевской резиденцией целых триста лет. Неоднократно возрождалась она и позднее.

Правители династии Алаунпая, третьей и последней в Бирме, были особенно непоседливы. Однако это не принесло им счастья. Король-завоеватель Алаунпая обосновался в Швебо в 1752 году. Через десяток лет, при Синбьюшине, столичная слава вновь вернулась к Аве. Но уже в 1783 году король Бодопая основал Город Бессмертных, который очень скоро оставил его преемник Баджидо, чтобы вновь переселиться в Аву.

Следующий владыка, Таравади, сделал столицей Амарапуру в 1837 году. Через двадцать лет король Миндон построил славный Мандалай.

Всего на два километра от Амарапуры переселился он, чтобы заложить новый город, который должен был затмить славой и превзойти численностью Рангун, строившийся англичанами на юге страны.

Посреди пыльной равнины возвышался зеленый Мандалайский холм. «Священное место» — провозгласил король и решил построить новую столицу у его подножия.

Если выбрать место для хижины не просто, то можно себе представить, как сложно было выбрать место для резиденции короля! Учитывалось все — длительные консультации со звездочетами, «вещие» королевские сны.

Счастливым место было трижды «указано» Миндону во сне могущественными натами. Но увидеть сон — одно, а истолковать его — другое. Это было делом придворных астрологов. А им, как утверждают злые языки, не хотелось оставлять насиженное место и переносить двор. Но что было делать? Король есть король.

Когда стало очевидным, что он не откажется от своего намерения, придворные мудрецы сдались и, поразмыслив, высказали мнение, что единственное место, которое может принести процветание стране, славу королю и возрождение блеска буддизму, — подножие Мандалайского холма.

От него столица получила свое название — Мандалай. Но вряд ли только «вещие» сны и предсказания астрологов руководили действиями Миндона. Он торопился: Нижняя Бирма уже была занята англичанами, и угроза с юга нарастала. Дальновидный политик, Миндон решил построить новую, хорошо укрепленную столицу, которая могла бы противостоять колонизаторам. А чтобы придать вес новой столице, была пущена в ход легенда о пророчестве Будды.

Гора давно считалась священной. По преданию, ее когда-то посетил сам Будда со своим учеником Анандой и предрек, что здесь в 2400 году после создания его учения встанет великий город, центр буддизма. Стало быть, год для основания столицы был выбран правильно. Оставалось лишь определить счастливый день заложения первого камня. Придворные прорицатели назвали и этот день: пятница, 13 февраля.

У подножия холма был выбран участок земли, квадрат два на два километра. Его обнесли широким рвом и стеной из красного кирпича с двенадцатью воротами. На стене соорудили сорок восемь сторожевых башен, установили орудия. Ежечасно слышалась

переключка сторожевых, ходивших по крепостной стене. Но эти стены уже были анахронизмом для XIX века, а короткоствольные бирманские пушки не могли противостоять английской артиллерии.

Тем не менее за стеной через год с небольшим вырос прекрасный дворец и удивительный город. Он был весь из дерева. Дворец, монастыри с резными крышами сказочной красоты, дома — всё было деревянным.

Весной 1858 года король Миндон со всем двором торжественно переселился сюда. В считанные дни сто тысяч жителей Амарapura разобрали свои дома, погрузили скарб на буйволиные повозки и тоже прибыли в новую столицу, хотя строительство городских стен, валов, ворот и рва было закончено только через год. Надписи на столбах перед воротами города гласили, что Мандалай был окончательно отстроен 23 мая 1859 года.

За крепостными стенами раскинулись сады с прудами, библиотека, Монетный двор (Миндон впервые стал чеканить монеты), помещения для прислуги, стойла для слонов, казармы для охраны. Горе тому, кто осмелился бы непрошеным приблизиться ко дворцу.

Двенадцать павильонов дворца блистали позолотой, мозаикой, удивляли филигранной резьбой по дереву. Парадные залы растянулись на сотни метров. Как в любом бирманском помещении, во дворце было две зоны — парадная, восточная, и западная, жилая.

В восточной части размещалась анфилада тронных залов, в западной жили многочисленные жены и дети короля.

Главной считалась королева Южного дворца, у нее был титул «тонпхлан сан». За ней шла королева Северного дворца, затем — Изумрудного озера, королева бамбука и так далее.

Восемь тронных залов было во дворце, и у каждого свое предназначение.

Главный, Львиный трон под семьюрусной крышей занимали король с королевой во время торжественных приемов. На Гусином троне король принимал иностранных послов. На троне Морских раковин давал ежедневные аудиенции. На троне Лилий восседала главная королева. В зале с Пчелиным тронном праздновали свадьбы, провозглашали главную королеву, возвещали о рождении наследника. Здесь же каждый год в апреле встречали Тинджан.

К каждой стороне крепости через ров вел один мост. Лишь с западной стороны их было два. Второй мост считался нечистым, или погребальным. А ворота, к которым он выходил, называли Ворота дурного предзнаменования. По этому мосту из города вывозили мертвых. Согласно поверьям, мертвые тела оскверняли место, поэтому их без промедления вывозили за стены города.

Любопытно, что именно по «нечистому» мосту во дворец проходили иностранцы — миссионеры, дипломаты, посланники, торговцы. Так было заведено во времена правления последнего бирманского короля Тибо.

Люди, умершие насильственной смертью, становятся патами — такое суеверие бытовало не только в Бирме, но и в Лаосе, и в Таиланде. Из этого языческого суеверия развился варварский обычай, призванный сделать новое поселение непобедимым. Если духи умерщвленных людей возвращаются на место гибели и ревностно стерегут его покой, то нельзя ли их сделать стражами нового города?

Так возник кровавый ритуал — при закладке городов и дворцов заживо погребать людей под массивными столбами ворот и в углах оград. Считалось, что, умерев во славу города, они становятся его верными стражами — натами-тхейн.

Этот обычай, сохранившийся вплоть до середины XIX века, находился в вопиющей противоречии с догмами буддизма, считающего смертным грехом лишение жизни любого живого существа. Религия оставалась в таких случаях в стороне. Решающее слово принадлежало звездочетам и прорицателям, а ими были при бирманских королевских дворах брахманы из индийского Манипура.

Был ли соблюден этот жестокий обычай при закладке Мандалая? Трудно сказать. В хрониках сообщений на этот счет нет. Но некоторые литературные источники подтверждают, что «этот ужасный факт произошел, несмотря на то что король, монахи и вельможи отвергали его».

Данные о количестве жертв противоречивы. Одни утверждают, что их было четыре. Другие уверяют, что были преданы смерти «ради всеобщего блага» пятьдесят два человека.

Жертв отбирали дворцовые звездочеты на основании «астрологических расчетов». Признаки для выбора несчастных были столь распространены, что их можно было приписать любому.

Однако, повторяю, в бирманских хрониках того времени упоминаются лишь горшки с маслом, закопанные под фундаментом крепости. По ним каждые семь лет звездочеты проверяли, надежна ли еще защита натов-тхейн, или нужны новые жертвоприношения. Если масло сохранялось нетронутым — город считался в безопасности, покровительство духов действовало.

В 1880 году, в правление преемника Миндона, короля Тибо, при проверке оказалось, что масло осталось целым лишь в единственном сосуде, в остальных либо высохло, либо через трещины вытекло и впиталось в землю.

Это было зловещим предзнаменованием. Разразившуюся эпидемию оспы, не пощадившую даже первенца короля, объявили началом бед. Затем из клетки придворного зверинца убежал тигр и разорвал человека. Появление дикого зверя на улицах города также считалось дурным знаком. Встревоженные астрологи предложили королю или снова перенести столицу, или принести новые жертвы. Но ничто уже не могло спасти бирманский трон. Исторически он был обречен: Англия готовилась к третьей войне с Бирмой, намереваясь окончательно превратить ее в свою колонию.

Из южной, «британской» Бирмы на север, в Мандалай, одна за другой отправлялись дипломатические миссии, больше напоминавшие военные экспедиции.

Понимая, что страна не выдержит новой войны, Миндон старался проводить гибкую политику, не давая англичанам ни малейшего повода для вторжения. К сожалению, его преемник не продолжил эту линию поведения. Под предлогом ограждения бирманцев «от жестокостей короля Тибо» королева Виктория приказала английским войскам вступить в Мандалай и взять «под защиту» жителей.

В ноябре 1885 года части британской колониальной армии поднялись вверх по Иравади, высадились в Мандалае и без единого выстрела заняли город. Король не оказал сопротивления. Его вместе с семьей отправили в изгнание в Индию навсегда. Столицей страны стал Рангун.

А за красными кирпичными стенами, в мандалайском дворце и монастырях, поселились английские солдаты, превратив их в клубы, канцелярии, казармы.

Во время второй мировой войны в Мандалае произошла последняя трагедия: в результате японских и английских бомбардировок треть города была разрушена, а главное — сожжен уникальный дворец. Стерт с лица земли шедевр деревянного зодчества, созданный руками безымянных народных мастеров.

Сгорели изумительные «воздушные» позолоченные крыши, рухнули покрытые тончайшей резьбой стены. Утратив дворец, Мандалай потерял «лучшую часть своей души». Остался лишь фрагмент дворцовой зубчатой стены и воспоминания о славном прошлом столицы.

САМЫЙ БИРМАНСКИЙ ГОРОД — МАНДАЛАЙ

Да, так говорят в народе. А еще говорят: Мандалай—наследник лучших традиций национальной музыки и танцев, хранитель чистейшего бирманского языка. Яданабон — «гроздь драгоценностей» — называли Мандалай на санскрите. Тихий, спокойный город

дышит славой минувших дней. И хотя столицей страны давно стал Рангун, для бирманцев Мандалай остается сердцем страны, заповедником ее культуры и традиций.

Жители Мандалая — потомственные мастера — резчики по камню и ювелиры. Никто не сравнится с мандалайскими злато-кузнецами. Здесь делают те самые золотые пластины толщиной в микрон, которые верующие приклеивают к пагодам.

Город очень любим народом. Где бы ни жил бирманец, он мечтает хоть раз побывать в Мандалае.

Однако вернемся к королю Миндону. Тяжело переживал он поражение своего предшественника во второй англо-бирманской войне и захват Нижней Бирмы англичанами. Он решил сделать Мандалай оплотом независимой Бирмы, но не учел возможностей обескровленной страны, много лет воевавшей с Англией.

Город возник на пыльной равнине в невиданно короткий срок. Под искусными руками талантливых плотников, столяров, художников, резчиков и скульпторов вырастали всем на удивление монастыри, дома, храмы. Через три года в Мандалае уже жило двести тысяч человек, тогда как в Рангуне, строившемся много лет, — втрое меньше.

Миндон провозгласил Мандалай «центром Вселенной». Сюда на Пятый буддийский собор съехались со всего мира две с половиной тысячи монахов. Это было в 1871 году, через тысячу девятьсот лет после Четвертого, Цейлонского собора, где были впервые записаны на пальмовых листьях священные тексты. Мандалайский собор длился пять месяцев. Все это время рассматривались, сличались буддийские тексты.

Памятью об этом событии стала уникальная пагода Кутодо у подножия холма. Собственно, это «книга» из камня, призванная сохранить для потомства исправленные священные тексты. В «книге» семьсот двадцать девять «страниц» — белых мраморных плит с выдолбленными на них текстами и именами преданных буддизму бирманских королей. Мраморные «страницы» окружают центральную ступу длинными рядами.

Чтобы посетить все мандалайские храмы, не хватило бы месяца.

— Не забудь про зейджо, — напутствовали меня друзья в Рангуне, — не пожалеешь.

Зейджо всего-навсего базар, но базар красочный. Вся многонациональная семья Бирмы собирается здесь в базарный день. Крестьяне и ремесленники идут пешком, иногда приезжают в фиакрах, запряженных малорослыми, но крепкими и ладными лошадками.

Меня удивила чистота рынка. Тщательно подметенные ряды крытого зейджо были гораздо чище рангунских.

ОТЧЕГО БЕЗМОЛВНЫ СТАТУИ

Есть в Аракане статуя, слава которой соперничает со славой Шведагона. Это Махамьямуни — «Величественный святой» — статуя сидящего Будды, самая священная из всех, поскольку именно она, как утверждают хроники, имеет наибольшее портретное сходство с Великим учителем.

Однажды, рассказывает легенда, люди пришли к Будде и просили позволить изготовить статую, которая осталась бы на земле в память о нем, когда его не станет. Он согласился, и такая статуя была отлита из бронзы. Оставалось лишь прикрепить голову к туловищу. Но это оказалось сложным. Голова вновь и вновь отделялась.

Тогда сам Будда пришел на помощь мастерам. Он обнял статую и семь раз прижал к груди. После этого работу без труда можно было закончить. Великий учитель завещал почитать эту статую, как его самого. По преданию, до конца жизни Будда разговаривал со статуей. Однако перед смертью он приказал статуе замолчать, иначе люди тревожили бы ее бесконечными просьбами и невыполнимыми желаниями.

С того момента статуя не издала ни звука. Она останется немой до того момента, когда нужно будет поведать людям о приходе в мир пятого Будды — Ариматрейи.

Стало быть, онемела.

В Бирме миллионы ликов Будды, дышащих покоем и умиротворенностью, с вечной, загадочной, скорее снисходительной улыбкой. Но лицо Махамьямуни жесткое и неприступное. С устало прикрытыми веками, оно выглядит почти грозным. Старики говорят, что со временем лицо статуи приобрело выражение недовольства оттого, что человечество изменилось к худшему.

Время ли преобразило священный лик, или он изначально был таким — не известно. Но вот то, что контуры статуи изменили люди,— это факт. Статуя разбухла, стала бесформенной от наклеенных на нее золотых листков; этот драгоценный слой достиг уже пяти сантиметров и продолжает расти.

— Лишь на лицо запрещено наклеивать листки золота,— сказали мне.

— Почему?

— Лицо Махамьямуни не должно утратить своих первоначальных черт.

Я встала позади поунджи, склонившихся перед статуей. Такая достопримечательность стоила того, чтобы с ней познакомиться поближе. Тихонько, чтобы не отвлекать сосредоточенного внимания верующих, обошла я ее с другой стороны и приблизилась к золотому колоссу.

И вдруг какое-то необычное ощущение, словно меня сверлит дюжина глаз, заставило меня оглянуться. Действительно, многие стоявшие позади с удивлением смотрели на меня. В чем дело? Может, великий Махамьямуни не выносит стоящих близ него? Но ведь я не исповедую буддизм...

И тут метрах в трех на стене я увидела табличку, которая разъясняла на английском и бирманском языках, что женщинам разрешается приближаться к статуе только до обозначенной черты.

Немедленно делаю несколько шагов назад, за черту, и внимание к моей особе сразу же пропадает.

Когда бирманцы в 1784 году заняли Аракан и вывезли оттуда статую Будды, люди больше сокрушались о потере священной реликвии, чем об утраченной свободе.

До сих пор непонятно, как удалось перевезти такую колоссальную тяжесть на огромное расстояние, преодолевая крутые склоны, по бездорожью, пользуясь примитивными транспортными средствами. Легенды намекают на помощь сверхъестественных сил. Но гораздо более существенной, реальной силой оказались двести тысяч пленных, которых бирманцы привлекли к перевозке.

Сам король со всем двором вышел приветствовать статую и даровал ей в качестве рабов при пагоде сто двадцать пять ара-канских семей, первыми добровольно пришедших в Мандалай.

Построенный для статуи храм сгорел, так что сегодняшняя Большая пагода, Пейаджи, относительно молода. Пагодой она лишь называется. На самом деле это огромный храм, построенный для статуи.

Входные ворота храма — хрупкое чудо: дерево, превращенное в ажурное кружево. Семь невесомых крыш, одна над другой, рисуются на фоне синего неба воздушной белизной. Главная лестница ведет в центральный зал, к которому примыкают еще два боковых. Двести шестьдесят две колонны, позолоченные, покрытые фресками, обрамляют лестницу. Между колоннами в два ряда тянутся, как обычно, лавочки, такие же, как в Шведагоне и в сотнях других пагод. И те же в них свечи, зонтики, цветы, гонги, тканевые сумки через плечо...

В главном зале, куда сходятся все лестницы, царит тишина.

Равнодушно взирает на молящихся огромный сидящий Будда — Махамьямуни. Бронзовое четырехметровое божество в толстой золотой «облатке».

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ЦЕНТР ВСЕЛЕННОЙ!»

На вершине Мандалайского холма, на высоте в двести сорок метров, там, где Будда, по преданию, читал свои проповеди, стоит его каменное изваяние. Три крытые лестницы сходятся к нему — широкие, удобные, с навесом из гофрированной жести, оберегающим путников от солнца и дождя, с площадками для отдыха.

Склоны холма усеяны глиняными черепками. Кувшины, принесенные в дар Будде, разбивают, чтобы их нельзя было использовать еще раз.

Здесь я впервые увидела скульптурное изображение темы трех встреч, побудивших принца Сиддхартху оставить отчий кров и уйти искать истину. То были старец, больной проказой и покойник.

Фигуры раскрашены, как на лубочных картинках: человек, пораженный смертельным недугом, с выступающими из-под кожи ребрами; убогий старик в лохмотьях — олицетворение немощи; мертвое тело, раздираемое грифами. Такой натурализм не для моих нервов. Достаточно одного взгляда. Следующие подобные сцены можно обходить стороной.

Нескончаемая лестница на вершину Мандалайского холма наконец-то вывела нас к скульптуре стоящего Будды.

Его правая рука указывает вниз, к подножию холма. Этот повелительный жест означает: «Пусть там поднимется город, который станет центром Вселенной!» Но недолго длилась слава города. Это ли не подтверждение буддийского догмата о бренности земного бытия?

В 1885 году сильный пожар уничтожил все, что было на вершине холма. Правда, пагода, монастырь и статуя были потом реставрированы усилиями поселившегося здесь «Мандалайского пустынника» У Канти — человека возвышенного интеллекта, представителя националистически настроенной бирманской интеллигенции. В народе его называли Светочем.

У Канти удалось собрать у верующих деньги, достаточные для реставрации мандалайских святынь. Кстати, одной из святынь считается след ступни Будды, хранящийся на вершине холма. Чтобы взглянуть на это «чудо», мы не поленились одолеть 999 ступенек вверх.

«След» оказался углублением метровой длины, выложенным золотыми пластинками и огороженным решеткой. На решетке висели ленты, цветы, куски ярких тканей — дары божеству.

Когда смотришь с вершины Мандалайского холма, вдали видны синеватые контуры Шанских гор, а внизу — четкий квадрат Мандалайской цитадели — крепостные стены, опоясанные блестящей ленточкой Лotosового рва. Ров часто зарастал лотосами, поэтому его так и назвали.

У подножия раскинулась пагода Кутодо со своей каменной «рукописью» Трипитаки.

Солнце клонилось к закату. Сейчас оно скользнет вниз, и наступит темнота. Надо спешить. Успеть взглянуть на мраморные «страницы» Трипитаки.

Дорога вниз так же трудна, как и вверх. И все же мы пришли к Кутодо засветло.

Маленькие пагодки-часовни с выгравированными на бирманском языке текстами выстроились как солдаты на плацу — одинаковые, безликие. Длинные ряды часовен превратились в лабиринт, и я... потеряла ориентацию. Куда идти?

Кутодо была безлюдна. Я стояла затерянная в скучной, почти кладбищенской тишине. На белые ряды легла тень. И светлые плиты с текстами на минуту показались надгробиями. В безмолвии они выплывали из сумерек одна за другой.

Неужели мне страшно?.. Самой неловко за минутное малодушие. Но вот оно, спасение: песчаная дорожка пересекла строй мраморных плит и повела к воротам. Облегченно вздохнув и не оглядываясь, устремляюсь к выходу. К людям, к машине.

Через полчаса мы в Мандалае. Стемнело. В сумерках тонули зубцы дворцовых стен с башнями-пятаками. Тускло отсвечивала неподвижная водная гладь рва. Почему-то

припомнилось, что этот ров стал могилой для многих членов королевской семьи: король Тнбо, взойдя на трон, умертвил всех своих возможных конкурентов.

Пролить кровь, а тем более королевскую? Ведь это тяжкий грех. Поэтому жертвам наносили удар деревянным молотком и в красных бархатных мешках бросали в воду.

«ПЕЩЕРА БУДДЫ»

Мандалай и Сикайн разделены могучей Иравади, а соединены самым длинным в Бирме мостом Ава, названным так в честь лежащего рядом в развалинах города. Длина моста почти два километра. Построенный в 1934 году, он был разрушен во время второй мировой войны. В 1954 году его восстановили; в центре пролегла железная дорога, по краям — автострады. Но проехать по мосту не так-то просто: он забит буйволиными повозками, объехать которые просто невозможно. Мы продвигались вперед черепашим шагом. За мостом остановка. Военные: два мотоцикла и «джип». Поджидают нас. Снова приветственные улыбки, короткий разговор с Тюнтин. Но что такое? Наши сопровождающие расселись в тени дерева, явно настроившись отдыхать.

— Будут нас ожидать здесь, — радостно сообщил Тюнтин. — Можем ехать куда угодно и на любое время.

Логично рассудили: теперь мы в безопасности. Держим курс к «Пещере Будды».

Приземистое, полукруглое строение встретило нас всего одним открытым входом, остальные были заперты. Недлинный ряд обуви перед входом означал, что посетителей внутри не так много. Мы добавили туда свою и вошли.

В сумрачном зале восседали, отливая медным блеском и тесно прижавшись друг к другу, совершенно одинаковые божества. Мы переходили от одной статуи к другой, и скоро у меня зарябило в глазах: выражение лиц, длинные мочки ушей, черные волосы, золотые ногти, оранжевые тоги и даже драгоценные камни в диадемах — все было утомительно одинаковым.

— Сколько же их всего?

Я досчитала до сорока двух и сбилась. Придется начать сначала. Лучше с конца, двигаясь от одного к другому. У последней статуи я остановилась изумленной. Что это? Диадема зияла пустотами — камни украдены.

Невозможно было поверить в это. Кто из бирманцев дерзнул бы поднять руку на святыню? Чья это «заслуга»?

Мы вышли из «пещеры» и поднялись по лестнице на холм, откуда открывалась неповторимая панорама города Сикайна. Сотни живописных холмов, и на каждом пагода. Белая, светящаяся, со сбегающей вниз лестницей.

Пагоды Сикайна отличаются от традиционных ступ с золотистыми тхи, которые так типичны для юга страны. Это скорее храмы с тонкими, ажурными башенками. Монастыри разбросаны среди холмов. На фоне выжженной солнцем травы они кажутся сказочными замками, окруженными гигантской дугой Иравади. Монастыри и пещеры на холмах стали прибежищем для сотен бирманцев во времена японской оккупации во второй мировой войне.

И НАЗВАЛИ ЕЕ «ГРУДЬ МАТЕРИ»

Справочник был сух и лаконичен: «Пагоду Каунхмудо воздвиг над зубом Будды, привезенным с Цейлона, король Тилуин Ман. Ее полусфера достигает высоты сорока шести метров, установлена на трех ступенчатых террасах, периметр нижней — сто двадцать два метра».

Об этой пагоде в народе рассказывают такую легенду.

Умирал король, пришло его время оставить на земле пагоду. Когда ему показали эскиз будущего строения, он разгневался, позвал свою любимую королеву, которая только

что кормила грудью ребенка, приподнял белое кружевное эйнджи и сказал: «Вот какой формы должна быть пагода!»

Есть другая версия, мало чем отличающаяся от первой.

Долго думал король, какую поставить пагоду. Однажды он вошел в покои королевы, та кормила грудью ребенка. Зрелище было так целомудренно и прекрасно, что решение созрело мгновенно.

Более трехсот лет изумляет людей красотой гигантская белая полусфера с маленьким золотым торчащим наверху тхи.

Каунхмудо — не традиционная ступа. Это храм с одной лишь статуей Будды внутри. Своей необычной формой она привлекала издали, но вблизи разочаровывала. Белизна ее оказалась замшелой, а пол внутри был так нечист, что к вечно улыбающемуся божееству босиком идти не хотелось.

СИКАЙН — ГОРОД МАСТЕРОВ

— Куда теперь? — спросил Тюнтин. — В какую пагоду?

— Ни в какую. Куда-нибудь к ювелирам. Посмотреть, как чеканят серебряные ковши и чаши.

У каждого города своя слава, которую создают ему мастера. В Магуэ живут лучшие кузнецы, на озере Инле — ткачи, в Мандалае — каменотесы и ювелиры, в Сикайне — чеканщики.

Издавна завоевали славу кустарные ремесла и народные промыслы. Бирманское прикладное искусство народно в истинном значении слова: оно делается руками народа и адресуется народу. В редком доме не найдется керамической посуды, деревянной поделки или бамбуковой плетенки. Из раковин жемчужных устриц бирманцы делают редкостной красоты чаши, светильники, тарелки с ажурной резьбой.

Часами можно смотреть на шелковые ткани ручной работы — «кламе» с золотым и серебряным шитьем. Прежде из этой изысканной ткани шили одежды королю и его свите, теперь в нее облачаются артисты балета.

Под руками народных мастеров оживают нехитрые материалы — глина, тростник, тыква, превращаются в полные очарования вещи.

Никого не оставит равнодушным лаковая миниатюра: на зеркально-черном фоне светится золотая вязь рисунка. Секрет изготовления лаковых подносов и шкатулок бережно пронесли мастера через многие поколения до наших дней.

Технология промысла сложна. Сначала готовят лак. В него входит сок тропического дерева, твердеющий на воздухе и смешанный с различными добавками. Лак наносят на основу, дают высохнуть, тщательно полируют. Повторяют этот процесс несколько раз, пока черная поверхность не заблестит, как зеркало. Тогда на нее наносят тонкий рисунок золотом. Основа изделий чаще всего бамбуковая. Это придает вещам легкость и прочность.

Бирманцы очень любят и очень дорожат всем национальным. «Колониальное мышление», годами насаждавшееся англичанами, не нашло здесь благодатной почвы. Молодежь (за редким исключением) не стремится одеваться на иностранный манер, не стремится жить, «как на Западе».

Бирманцы предпочитают традиционную одежду, матерчатые сумки через плечо, казаны для варки риса, глиняные горшки для воды. Кстати, в условиях жары глиняная посуда удобнее, чем фарфоровая.

Раньше талант ремесленников служил пагодам, монастырям и королевским дворам. Изделия мастеров чеканки предназначались как для почитания Будды, так и для мирских целей. Чаши для риса, ковши для воды, цветочные вазы, коробочки для бетеля — все это издревле изготовлялось для королевского двора из серебра, реже — из золота. Ими короли одаривали верноподданных министров и храбрых военачальников.

Свадьбы, шинпью, натвин — ничто не обходилось без посуды из чистейшего серебра, настолько мягкой, что она прогибалась в руках.

Духовенство не одобряло такую роскошь, не очень-то сочетающуюся с буддийским правилом быть воздержанным во всем. Оно признавало лишь серебряные алтари, вазы для цветов или чаши для риса, предназначавшиеся Будде.

И сегодня бирманские ювелиры работают так же, как их деды и прадеды. Все делается вручную, буквально на коленях. Вначале будущее изделие имеет вид бесформенного тусклого куска серебра. Его многократно нагревают, карандашом наносят черновой рисунок, а потом с помощью маленьких резцов-молоточков получают сосуд нужной формы. Все зависит от фантазии и искусных рук мастера. Готовое изделие погружают в кипящую воду с квасцами. Ополаскивают в холодной воде с отваром специального масла, полируют — и работа закончена.

Узоры на серебряных сосудах необыкновенно выразительны. Здесь сцены из джатак, из народного быта, сюжеты легенд. Пахари с буйволами, танцовщицы, рыбаки — обычные герои рисунков. Не забыты и сказочные персонажи — билу, чинте, Галоун. Стук молоточков, доносящихся со двора дома, остановил нас. Ворота были распахнуты, и мы вошли. В тени под крышей длинного сарая сидели два мастера — старик и юноша.

— Вам не повезло, — сокрушался Тюнтин. — Уже поздно, работа закончена, все разошлись.

Но нам вполне хватило и этих двоих. С большим интересом мы наблюдали, как они, сидя на корточках, точными и быстрыми движениями чеканили серебряные кружки.

— Здесь есть человек, который может вам кое-что предложить, — шепнул наш верный водитель.

А «человек» уже открывал замок неказистого деревянного амбара. На грубых, неструганных полках блеснуло несколько подносов и ваз филигранной чеканки.

Но когда мы услышали цену, то даже не попытались торговаться. И наверное, зря...

Кстати, сегодняшние чеканные вещи уже не прогибаются в руках. А возникающий на них со временем темный налет красноречиво свидетельствует, что их давно уже не делают из чистого серебра.

АРХИТЕКТОРЫ БУДУЩЕГО

— А теперь назад, в Мандалай, — только и смогли мы выдохнуть и в изнеможении плюхнулись на горячие от жары сиденья «голдена».

— Нет, погодите, — возразил Тюнтин, улыбаясь так широко, что видны были все его, без единого дефекта, зубы. — Еще Акедми. Мне сказали, чтобы я обязательно отвез вас туда! — И он обернулся в сторону нашего «почетного эскорта».

Что это — Акедми? Еще одна пагода? Не хватит ли на сегодня?

Но Тюнтин твердо стоял на своем, и мы, смирившись, покорно согласились. Пусть везет, куда хочет.

Через несколько минут он притормозил у внушительного вида здания. Видимо, нас здесь ждали. Навстречу вышла симпатичная, средних лет бирманка и представилась: «Заместитель руководителя института».

Института? Да, об этом говорит вывеска у входа на бирманском и английском языках: «Академия по развитию национальных меньшинств».

Так вот что значило «Акедми» Тюнтина.

Гостеприимная, полная достоинства хозяйка на превосходном английском языке участливо спрашивала, не устали ли мы в дороге? Предложила отдохнуть, немного подкрепиться.

И вот уже мы сидим в прохладной, кондиционированной комнате — рай после знойной улицы — в удобных креслах, за длинным столом. Пол в комнате натерт до зеркального блеска, тихо жужжит кондиционер, на полках у стен настоящая выставка при-

кладного искусства — вышивки, ткани, шкатулки, ожерелья, сумки и много других работ народных умельцев из самых глухих уголков страны.

Принесли еду. Сэндвичи в белых салфетках (очень кстати, потому что руки у нас не мыты, по локоть в пыли), чашки и чайник зеленого чая.

Две девушки — одна в бирманском лоунджи, другая в одежде народности кая — потчуют нас, а хозяйка рассказывает о целях и задачах Академии.

Все очень интересно, но мы чувствуем себя неловко: вид у нас с дороги отнюдь не парадный... А рассказ продолжается. Затем нам показывают учебные аудитории, ведут на спортивные площадки и наконец знакомят с прелестными девушками в красочных национальных костюмах. Их пятеро — бирманка, чинка, кая, каренка и качинка. Мы фотографируемся на добрую память и дружески прощаемся.

Теперь, уже сидя в машине, можно обменяться мнениями.

— Наверное, они заранее подготовились к нашему визиту, знали, что приедем.

— А впрочем, может быть, и нет. Тогда это просто замечательно!

Во всяком случае очень хотелось, чтобы всё, что мы видели, было не показным, а отражало реальное положение вещей.

Предмет особой заботы правительства — просветительская работа, улучшение здравоохранения и образования в глухих уголках страны, где живут национальные меньшинства.

На развитие окраинных районов выделяется средств в несколько раз больше, чем до 1962 года. Но и их все же недостаточно.

Сохранить единство Бирманского Союза, не допустить сепаратистских тенденций и в то же время дать простор развитию собственной экономики, культуры всех этнических групп — задача сложная.

Основанная в 1964 году Академия по развитию национальных меньшинств делает немало для решения национальной проблемы. Здесь учатся юноши и девушки — посланцы почти всех народностей страны.

За четыре года учебы они становятся квалифицированными специалистами, чтобы потом нести свет знаний в те края, откуда они родом. Выпускники Академии должны стать, как нам сказали, «архитекторами будущего и служить делу объединения всех народов Бирманского Союза». И это прекрасно!

ЛЕТНЯЯ СТОЛИЦА БИРМЫ

Англичане умели выбирать. Меймьо — горный курорт на высоте более тысячи метров, с каскадами водопадов, обильной зеленью. Когда-то тут отдыхали колониальные чиновники, теперь сюда выезжают на каникулы студенты, школьники, проводят досуг военные.

Места здесь благодатные — плантации ананасов, клубники, мандаринов. Но нам не советовали останавливаться: дороги не совсем безопасны.

Из Мандалая в Меймьо ездят отдохнуть от жары. Хотя это в каких-то семидесяти километрах, климат и растительность совсем иные: воздух чист, как вода из горного источника, растут высокие эвкалипты, царственные каштаны, дубы и даже необыкновенно пахучая сосна.

Ползут по шоссе старенькие, перегруженные грузовики и битком набитые автобусы. Люди висят на подножке, устраиваются на капоте, на крыше кабины водителя, наконец, рядом с ним умудряются втиснуться пять-шесть человек. Что делать? Транспорт не хватает, а ехать надо!

Иногда мы замечали высокие рыжие конусы на земле, на кустах и даже на ветвях деревьев. Это термитники. Если потревожить гнездо, оттуда поползет скопище белесых насекомых. Термиты — настоящий бич для бирманцев. Горе тому дому, где они появятся: все будет превращено в труху.

В Меймьо ведет широкая асфальтированная дорога. И все равно Тюнтин был крайне предусмотрителен. Не проехав и километра, он вырулил на обочину, вышел из машины и отряхнул лоунджи.

— Что случилось?

— Ничего. Но лучше подождать, пока они проедут,— кивнул он на дорогу.

Мимо шла колонна тяжелых грузовиков, с трудом одолевая витки крутого подъема. Впереди двигалась машина с солдатами в зеленых касках, с автоматами наизготовку. Остальные грузовики везли технику.

— Едут вверх, в Лашо,— сказал Тюнтин.— Сильно перегружены. Боюсь, не повисла бы какая-нибудь машина.

Мы тоже с опаской взглянули на колонну. Это казалось почти невероятным, но она уверенно, метр за метром преодолевала подъемы и шла вперед.

Переждав, мы двинулись следом. И дорога раскрывала нам свои тайны. Вот длинные ровные ряды невысоких колючих кустов — ананасы! А когда последние повороты сменились у вершины маленьким плато, мелькнули такие же ровные ряды... деревянных святилищ. Их, вероятно, было около тридцати, и в каждом лежали цветы, фрукты.

«Плато патов!» — не успела я подумать, как оно исчезло так же быстро, как возникло. Нет, это был не мираж. Когда мы возвращались, они стояли на том же месте — десятки деревянных, совершенно одинаковых домиков на четырех столбах. Лишь слегка потемнели с тех пир, как мы увидели их утром,— свечи внутри догорели.

Меймьо преподнес нам несколько приятных сюрпризов. Показались первые дома. Не бамбуковые, а кирпичные и, заметьте, с самыми настоящими, дымящими трубами.

Куда теперь? Конечно, в ботанический сад. Знаменитая коллекция растений — около трех тысяч видов — самая большая гордость Меймьо. Одних фикусов в саду сорок разновидностей. Фикус еще называют баньяном или индийской смоковницей.

Но наверное, все ботанические сады воздействуют на непосвященных одинаково. Мы отдали должное красивым клумбам, ухоженным аллеям, аккуратным табличкам с латинскими названиями... Но главной прелестью для нас был зеленый простор, свежий горный воздух, тенистые уголки со скамейками — блаженство!

Лилии, флоксы, астры — все это растет и у нас. К чему ученые латинские названия, если это так похоже на чешские сады! Вдруг я увидела бледно-желтый цветок нарцисса на стройном стебле и склонилась над ним почти так же благоговейно, как бирманцы перед своим божеством.

Ну а как не побывать на базаре в незнакомом городе? Дело даже не в покупках. В этих краях базар означает нечто большее. Он барометр общественной жизни, своеобразный культурный центр. С первого же взгляда базары скажут вам о многом.

Крытый рынок Меймьо показался через минуту. Было довольно рано, и в ремесленных рядах каждая вторая лавка пустовала. Зато шумел под открытым небом фруктовый базар. И он удивил нас.

Бетонированная площадь была тщательно вымыта. Нигде ни соринки. В центре площади блестел, отражая солнце, водоем. Лавки, окружавшие его, радовали опрятностью. Желтели связки бананов, аккуратно подвешенные на шнурках; теснились на прилавках ананасы, корзины с апельсинами, лукошки с клубникой, свежие, еще влажные от росы овощи. Все это было заботливо выложено на мытых прилавках, все радовало глаз.

Мы уже как-то привыкли к тысячам Будд и сотням пагод, но такое аккуратное изобилие земных даров видели впервые.

ПАГАН — ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Слава древнего Ангкора в Кампучии или Боробудура в Индонезии всемирна. О Нагане, древней столице Бирмы, мир почти ничего не знает. А ведь нет на земле города, подобного ему.

Что мне видится, когда я говорю — Наган?

Голубые силуэты полуразвалившихся храмов, выжженная солнцем земля и зарево небес. Полоса земли в излучине Иравади шириной три и длиной тринадцать километров сплошь усеяна храмами.

Когда-то Паган называли «Городом четырех миллионов пагод». Народная молва утверждает, что ныне в Нагане 9999 пагод.

Бирманское археологическое управление называет более скромную, но достаточно внушительную цифру — пять тысяч.

Из тысяч ступ в приличном состоянии сохранилось немногим более ста, остальные стали жертвами времени и стихии.

Тихий, безлюдный Паган для бирманцев не мертвое прошлое, а живой символ былого величия страны, начало всех начал, колыбель религии, государственности, культуры, письменности.

Паган был крупным городом средневековой Юго-Восточной Азии. В нем действовал университет, куда приезжали слушатели из соседних стран, чтобы изучать священные буддийские тексты на языке пали.

Много лет ученые ломали голову, как мог на пустыре в короткий срок возникнуть такой фантастический город? Кем и когда он был создан? Некоторые считали, что его построили не бирманцы, а пришельцы из других стран. Но это не так.

Древняя архитектура Пагана — не подражание. Осталось немало доказательств национальных истоков города. Сохранились кирпичи храмов, на которых стоят клейма с указанием деревень, где их обжигали. В ямах археологи обнаружили остатки известнякового раствора.

К сожалению, люди, чьи руки сотворили чудо Пагана, не оставили своих имен. Мало дошло до нас надписей на стенах храмов, сделанных дарителями. Эти надписи бесценны. Они рассказывают о том, сколько времени длилось строительство, сколько подвод с песком пришло, сколько затрачено на питание рабочих, на их одежду, сколько уплачено каменщику, водоносу, кровельщику, скульптору, резчику, художнику. Есть в них имена врачей, музыкантов, писцов, цирюльников, поваров, обслуживавших знать.

В Пагане денег в обращении не было, их заменяли рис и слитки серебра.

Рабочим платили натурой — рисом, материей. Художники и зодчие получали серебром. На строительстве храма трудились целыми артелями. Староста распределял, кому сколько выдать за труды. Когда строительство завершалось, устраивали пир, резали быка, забивали свиней, пили пальмовое вино — тодди.

В горах близ Пагана добывали драгоценные камни, в карьерах — песок и глину, обжигали кирпич, рубили лес. Но все жители Пагана в конечном счете работали на храмы.

Крестьяне сеяли рис, чтобы кормить строителей пагод, валили деревья, чтобы строить монастыри, старатели добывали в горах самоцветы, чтобы украшать статуи Будды. Талант и трудолюбие народа были подчинены одному — возведению храмов.

Литература и искусство Пагана тоже служили религии. Мастера ваяли статуи, божества, резали барельефы на стенах храмов. Работу скульпторов сковывали раз навсегда заданные каноны. Вот почему скульптурные изображения Будды так похожи.

Легче было художникам. Правда, их тоже ограничивала религиозная тематика — они писали фрески на сюжеты джатак — притч из жизни Будды. Но при этом селили героев джатак в привычные для себя дома, одевали в одежды своих современников. И фрески «заговорили», поведали потомкам, как жили, работали, проводили досуг, во что одевались, что ели, во что верили жители древней столицы.

В XI веке Паган был уже известен всей Бирме. Социальная структура Пагана была строго регламентирована. Наверху иерархической лестницы располагался король. Он имел неограниченную власть, был «Господином всей земли и воды». За ним следовали знать и духовенство: министры — аматы (на санскрите «аматья» — сановник), военачальники, затем чиновники — сукри. Это могли быть сборщики налогов, управители провинций. Потом свободные граждане — купцы, ростовщики, ремесленники и крестьяне — асан. Низший, зависимый слой представляли рабы — чван.

В 1044 году король Анируда объединил всю Бирму, сделав столицей Паган и став основателем паганской династии. При бирманском дворе появился монский буддийский монах Шин Ара-хан и склонил короля к переходу в буддизм хинаяны (тхеравады). Анируда просил монского царя Манугу добровольно отдать часть священных буддийских текстов и, получив отказ, объявил ему войну. В результате Мануга был взят в плен, город Татхоун разорен, и в Паган торжественно вступили пять слонов, груженных вожделенными рукописями. За ними шли тысячи пленных. Столица буддизма переместилась в Паган. Анируда положил начало строительству храмов. Одиннадцать последующих правителей продолжили его. Один за другим в излучине Иравади поднимались белоснежные сверкающие храмы.

Ранние паганские храмы принято называть монскими. Они возводились руками плененных монских мастеров. Темный зал, маленькие окна, забранные каменной решеткой, узкий коридор. Ступы приземистые, стоящие прямо на земле.

Бирманцы превзошли своих учителей в строительстве. Поздние храмы, построенные ими, устремлены ввысь, их архитектура легче, и они просторнее внутри. К платформам храмов ведут лестницы, двери украшены портиками, окна стали больше.

...Последний городок на пути к Пагану находится в двадцати пяти километрах от него.

Если есть в засушливых районах Бирмы самое сухое место, то это, бесспорно, Паган.

Наш «голден» превратился в пылевую комету, оставляющую за собой длинный хвост клубящейся желтой удушливой пыли. Мы не ехали, а полоскались в пыли. Она скрипела на зубах, попадала в глаза, забивалась в волосы.

Старая, безжизненная земля здесь ничего не родит, только кактусы тянут к небу распятые руки. Изредка попадаются невысокие пальмы и колючий кустарник.

Паган возник перед нами неожиданно, как видение. Безлюдный, заколдованный мир храмов, погруженный в безмолвие. Руины, поросшие жесткой травой. Потрескавшаяся от жажды земля и стрекот цикад. Под сводами храмов в полутьме стоят и лежат позолоченные Будды, загадочно улыбаясь миру.

Не верится, что на земле XX век, что где-то рядом живет и трудится город нефтяников Чаук, день и ночь качают нефть вышки, снабжая страну топливом.

...Есть в Пагане настоящие шедевры зодчества, уцелевшие наперекор столетиям. Один из них — пагода Швейзигон.

Ее поставил в XI веке Анируда. Мощную ступу сплошной кирпичной кладки возводили двадцать лет. Реликвии ступы — зуб Будды, привезенный с Цейлона, его лобная и ключичная кости из Прома и изумрудная статуэтка божества, доставленная из Китая, — сделали свое дело, Швейзигон — одна из самых посещаемых пагод. В Пагане с нею может конкурировать лишь белоснежная Ананда.

Швейзигон стоит на трех могучих квадратных террасах. К ступе ведет лестница. Сверху, с ее платформы, открывается панорама города, простирающегося вплоть до Иравади.

Несмотря на известность пагоды, сегодня людей здесь немного. Напрасно я пыталась разыскать статуэтки тридцати шести натов, которые приказал свезти сюда Анируда. Те несколько человек, которые встретились на подворье, не понимали по-

английски и не могли мне помочь. Поскольку солнце палило немилосердно и раскаленные плиты излучали жар, я отказалась от своей затеи.

Если Швейзигон самая посещаемая пагода, то Швейсандо — самая древняя. Ее первой поставил Анируда после своего триумфального возвращения из похода на монский Татхоун. Согласно легенде, реликварий Швейсандо содержит волосы Будды, привезенные в качестве трофея.

Это нетипичная ступа. Она напоминает египетскую пирамиду. Пять гигантских сужающихся террас образуют ступени, а невысокая цилиндрическая ступа наверху выглядит небольшой шляпкой, надетой на последнюю ступень пирамиды.

В архитектуре и декоративном убранстве многих храмов прослеживается индийское влияние. Так, белая пагода Махабодн выстроена в XIII веке по чертежам индийского храма Бодгайи. Меня сразу пленила ее хрупкая красота. Строение увенчано стройной пирамидальной башней, в маленьких нишах белеют изваяния Будд.

Своим изяществом Махабоди очаровала меня больше, чем величественный Годопален с пятидесятипятиметровым золотым шпилем, и даже, пожалуй, больше, чем прославленная Ананда.

Белоснежный храм Ананда по праву считается классическим во всей Юго-Восточной Азии. Сооружен он в XI веке наследником Анируды, королем Тилуин Маном. Ананда стоит отдельно, как бы давая себя хорошенько рассмотреть. Храм — квадрат со стороной в восемьдесят метров. Крытые галереи ведут к четырем входам. Сужающиеся крыши увенчаны небольшой стройной «сикхарой» — четырехгранной башней, заимствованной из индийской архитектуры.

В каменных галереях полутемно и прохладно. Даже не верится, что за стенами ярко светит солнце. Все сделано с расчетом подавить человека, вызвать в нем священный трепет от встречи с божеством.

Вы проходите темным коридором и оказываетесь у ног громадной позолоченной статуи Будды. Присмотритесь: Будда здесь не один. На высоком постаменте стоят, прислонившись спинами, четыре статуи Будды, словно парящие в воздухе. Свет, падающий на них через маленькие оконца вверху, делает их глаза странно живыми.

Последний Будда, Гаутама, обращен лицом к западу. Перед ним две каменные скульптуры: коленопреклоненный молодой человек с пухлыми губами — король Тилуин Ман и худой аскетичный старец — монах Шин Арахан. Фигуры сделаны в человеческий рост.

Западный вход в Ананду самый оживленный, здесь расположились неизменные лавочки со всякой всячиной. К слову сказать, нигде в Пагане мы больше не видели лавок.

Все четыре Будды в храме Ананда равнодушно взирали с десятиметрового пьедестала на человеческие фигурки, распростертые внизу.

А вот еще один храм — Татбинью (Всезнающий). Он построен преемником Тилуин Мана. Храм величественнее и выше Ананды, но уступает ей в благородстве пропорций. Он массивен и тяжеловесен. Чтобы увидеть Будду, надо взобраться на высокий второй этаж. Из верхнего зала по лестнице, выдолбленной в толще стены, можно подняться выше статуи Будды и выйти на террасу, чтобы с шестидесятиметровой высоты, как на ладони, увидеть весь Паган, холмы и Иравади.

Однако солнце, наш неумолимый погонщик, уже начало нам грозить. Ну еще полчаса! Хотя бы взглянуть на храм Мануги.

Плененный монский царь, чтобы поставить храм, продал все свои драгоценности, среди которых был уникальный изумруд.

Да и ни к чему они были «королю» пагодных рабов.

Простая и строгая снаружи, пагода производила удручающее впечатление внутри. Не храм, а склеп. Казалось, что огромным статуям Будды душно, тесно под сводами. Их головы, спины, руки касались стен, как будто хотели раздвинуть их, разрушить тюрьму. С тыльной стороны храма протянулся низкий и длинный, как пенал, зал, в котором, словно

замурованный и сдавленный стенами, лежал Будда. Так аллегорически были выражены чувства плененного монского короля.

При Тилуин Мане, или Кьянситте, Паган достиг расцвета. Пагоды и храмы возникали с невероятной быстротой. Большие и помпезные предназначались для королей, малые — разнообразных и причудливых форм — для простолудинов.

Удивительная вещь: многие восточные владыки увековечивали память о себе величественными гробницами. Но никто не знает, где находили свое последнее пристанище короли Пагана. Они не оставили ни надгробий, ни мавзолеев. Видимо, они увековечивали свои имена, строя храмы. Храмы олицетворяли могущество короля, становились своеобразным пропуском в бессмертие.

Два с лишним века длился расцвет паганской династии. Двести лет поднимались на берегу Иравади блистательные статуи и храмы. В этом проявлялся не столько религиозный фанатизм, сколько всевластие и деспотизм королей, принуждавших целые поколения к изнурительному, каторжному труду во славу божества. Диву даешься: строили храмы, а сами ютились в хижинах, умирали от лихорадки, холеры, оспы...

Строительство храмов требовало, как Молох жертв, колоссального количества кирпичей. На топливо для их обжига рубили под корень окрестные леса и обрекли землю на бесплодие. Постепенно край превратился в пустыню, которая через двести лет уже не могла прокормить население столичного города.

Это стало одной из причин заката славы Пагана. По остаткам строений XI—XIII веков можно судить, каким крупным центром культуры по тем временам был Паган. Сохранились городские ворота «Сарабха», руины монастырей с молельнями, монашескими кельями и центральным залом. Дошли до нас упалитейны — библиотеки, хранилища священных книг — удлиненные здания с двускатной крышей и декоративными карнизами...

Во второй половине XIII века через всю Азию пронеслись, как вихрь, монгольские кочевые племена, под ударами которых и пал Паган.

Свидетелем битвы паганских воинов с кочевниками был знаменитый итальянский путешественник Марко Поло. По его рассказам, король Пагана выставил шестьдесят тысяч воинов и слоновую кавалерию. Но неуклюжие слоны оказались бессильны против юркой монгольской конницы и метких лучников. Разгромленный король бежал на юг, в Пром, и принял там из рук сына чашу с ядом. Город захватили монголы. Они сожгли все, что могло гореть, и умчались дальше.

Но Паган больше не возродился. Шаны и моны вновь вернули себе независимость. Бирма распалась на ряд враждующих княжеств. Население Пагана заметно сократилось. А в 1300 году последний житель «по велению небес» покинул город.

Опустел Паган. Был оставлен, но не забыт. Древняя столица Бирмы стала легендарной. Народная память сохранила имена королей, строивших пагоды, сделав их героями волшебных сказок. Из истории они перекочевали в фольклор.

Так и стоит «мертвый город пагод», город-памятник. Сухой климат сохранил в веках это чудо.

Правда, после аннексии Бирмы Англией в Паган был открыт доступ любому солдату и путешественнику. Из древних храмов вывозились бесценные сокровища: статуэтки Будды, фигуры чинте, вырубались необыкновенные фрески. «Цивилизованные» исследователи еще не начали изучать Паган, но всю его грабили.

НЕТ НИЧЕГО ВЕЧНОГО НА ЭТОМ СВЕТЕ

Не пощадила город и стихия. Сегодня Паган совсем не тот, каким был даже десять лет назад.

Восьмого июля 1975 года сильные подземные толчки за несколько секунд разрушили древнюю бирманскую столицу. Было повреждено восемьдесят процентов

зданий. Разломы, трещины, обвалившиеся крыши, разбитые статуи, поврежденные фрески — вот все, что осталось от города.

Землетрясение обрушило в воды Иравади древнюю пагоду Бупейю, расшатало массивный Швейзигон, расколело четырехгранную митру Ананды, разрушило статуи Будды в храме Мануги, осыпало позолоту с тысяч безыменных изваяний. Пошатнулась, но выстояла удивительная Махабоди.

Ущерб непоправимый. И все же бирманское правительство делает все, чтобы потомки знали о Пагане не только по рассказам очевидцев и цветным фотографиям.

Но, видимо, восстановить все это без помощи международных организаций Бирма будет не в состоянии, так как для этого потребуются огромные средства.

В Пагане сейчас работают историки, археологи, искусствоведы. Открыты реставрационные мастерские, где художники восстанавливают древние фрески и скульптуры. И нет сомнения, что Паган поведает миру еще много удивительных тайн.

Когда в Рангуне открылась выставка искусства древнего Пагана, простые люди — докеры, каменщики, рыбаки, крестьяне — приходили и оставляли в книге отзывов свои записи: «Спасибо! Мы должны помнить свое прошлое, чтобы строить будущее...»

Не знаю, доведется ли еще когда-нибудь побывать в Бирме? Но я не перестаю думать об этой удивительной стране.

Страной чудес и золотых пагод издавна называли Бирму. Но самое большое чудо — то, что происходит сейчас: древняя страна возрождается на новых началах. Не только пагоды, но и заводские трубы, трактора в поле, нефтяные вышки стали приметой сегодняшнего дня страны.

Правда, на часах Бирмы все еще разное время: по религиозному календарю идет XIV век, по общепринятому — XX. Так и живет пока страна в двух измерениях. В столичном университете студенты овладевают самыми современными науками, а у горного народа падаун продолжают удлинять шеи девушек медными кольцами. Рядом с научными прогнозами погоды газеты печатают гороскопы — предсказания судьбы.

И все же в стране осуществляется широкая программа социальных преобразований. В Бирме принята новая конституция, по которой она называется Социалистической Республикой Бирманский Союз.

Тридцать восемь лет свободы! В сравнении с веками отсталости и десятилетиями колониального рабства это срок небольшой. Однако сделано немало. Труден путь к цели, но ведь говорят в народе: «Знающий дорогу не устает!»